

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

БЕЛЫЙ
ПАРУС
ВАЛЕНИНА
КАТАЕВА
Искусство
самосохранения

художник и власть: мифология приспособления

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ, ЧЬЕ ФОТО МЫ ВЫНЕСЛИ НА ОБЛОЖКУ ДЕКАБРЬСКОГО НОМЕРА, был одним из многих талантливых советских писателей, чья судьба стала наглядной иллюстрацией того, сколь причудливо и драматично в нашей стране развивались отношения в треугольнике «художник–власть–народ».

Собственно, чаще всего все сводилось к паре «художник и власть». Эта «парочка» из тех вековых гуманистических проблем, над которыми ломали головы – а больше ломали души – многие философы, творцы, конформисты и нонконформисты от культуры. Но, пожалуй, именно в русской культуре эти противоречивые отношения всякий раз обрачивались необычайной остротой и драматичностью. Возможно, это было следствием отмеченной еще Николаем Бердяевым дилеммы русской культуры, которая, как он считал, тяготела, с одной стороны, к беззаветному служению государству, а с другой – к его отрицанию.

Вокруг российского преломления и толкования отношений художника и власти народилось столько мифов, что, пожалуй, уже никогда и никому не удастся разгрести эти завалы – фантазий, лжи, надежд, иллюзий и памяти. Но замечено, например, что всякий раз, когда в государстве нашем случались какие-то нелады, власть часто призывала деятелей культуры – не столько для того, чтобы посоветоваться, а чтобы позаимствовать для себя «духовной легитимности». Впрочем, в наше циничное время уже, кажется, научились обходиться и без таких сантиментов. Да и с кем советоваться то, – не без резона воскликнет типичный герой нашего времени господин Прагматик.

Листая страницы биографии ушедших от нас писателей и гуманистов, чьи произведения в свое время становились Событиями в жизни общества, всякий раз наталкиваешься на загадки, понимая, что ответы на них находятся за пределами чисто рационального объяснения. Вот, к примеру, Илья

Эренбург пишет: «Когда я думаю о судьбе моих друзей и знакомых, я не вижу никакой логики. Почему Сталин не тронул Пастернака, который держался независимо, а уничтожил Кольцова, добросовестно выполнявшего все, что ему поручали?» Можно продолжить такие же вопросы. Почему многие писатели, деятели культуры, которые всячески выказывали и выпячивали свою преданность режиму, тем не менее были безжалостно репрессированы. Такие, как Бабель или Мейерхольд. А Катаева, как и Булгакова, не тронули, хотя жизнь обоих была не без проблем, неизменно связанных с тем или иным приспособлением к обстоятельствам. И еще одно совершенно не вписывающееся в привычную мифологию замечание. Как оказалось, тоталитаризм не был непреодолимым препятствием для расцвета всевозможных талантов, для появления талантливых произведений и авторов. В то время как на坟нувшая свобода вовсе не стала той плодороднейшей почвой, на которой расцвели науки и искусства. Почему? Наверное, ответ все в том же треугольнике или даже внутри той самой пары – «художник и власть». Но мы его никогда не найдем. Хотя это не повод для того, чтобы прекратить этот поиск. Потому как хотя бы иногда в душевной работе нужна непременная иррациональность.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель правления фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ФЕДЮКИН И.И.

Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

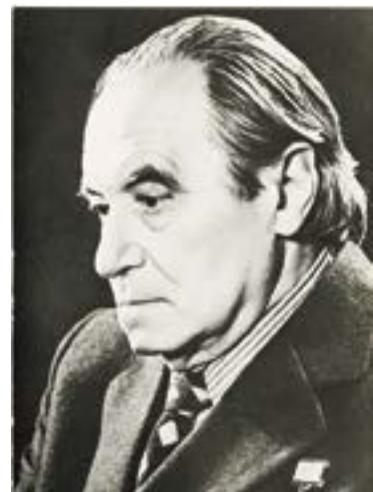

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

РУССКИЙ МИР

- 06** Будущее цивилизации
- 18** Эстафета доблести и славы
- 19** «Русский – это состояние»

НАСЛЕДИЕ

- 34** Между дудочкой и кувшинчиком

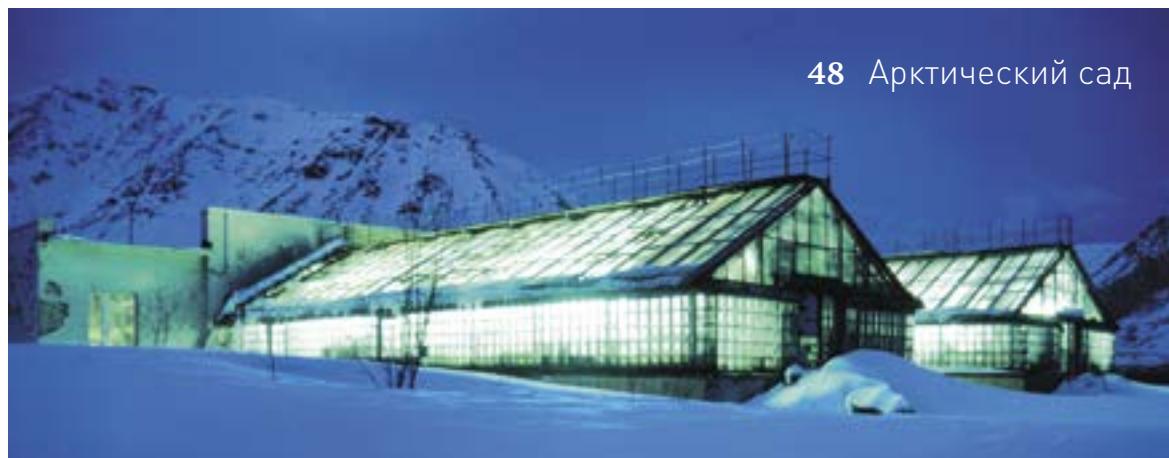
СИТУАЦИИ

- 22** Пишите Путину!

ИСТОРИЯ

- 28** Полные генералы

- 42** Возвращение Верещагина

- 48** Арктический сад

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

54 Синий кирасир

ИНТЕРВЬЮ

58 Однолюб

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 66** Путешествие русского храма
74 Остановленное время художника Ежкова
82 Белые в краснолесье

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 88** Городец особого назначения

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Елена ВЛАДИМИРОВА
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Юлия СЕМЕНОВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

3–4 НОЯБРЯ В МОСКВЕ СОСТОЯЛАСЬ VI АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА, НА КОТОРОЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РОССИИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ ОЗВУЧИЛ ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ О ПОДДЕРЖКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА, ВХОДЯЩИХ «В СФЕРУ ПРИОРИТЕТНОГО ВНИМАНИЯ» РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Н

АКАНУНЕ ДНЯ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ СО ВСЕГО мира собралось более тысячи ведущих русистов, историков, чиновников, журналистов, представителей общественных организаций, духовенства, Русских центров – активных участников программ фонда «Русский мир». Впервые на международный форум прибыла делегация из Японии. Все проходило более торжественно, чем обычно: и потому, что в этом году фонд «Русский мир» празднует первый юбилей – пять лет, и потому, что в этот день мероприятие посетил премьер-министр России Дмитрий Медведев.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Премьер-министр Дмитрий Медведев выступил на открытии VI Ассамблеи Русского мира

ВПОЛНЕ МАТЕРИАЛЬНЫЙ АКТИВ

Председатель правительства России положительно оценил работу фонда «Русский мир» и остановился на шести «принципиальных вопросах», связанных с русским языком, которые «входят в сферу приоритетного внимания» российского правительства. «Крайне важной» Дмитрий Медведев назвал работу с молодыми соотечественниками. «Многие из них действительно знают о России только по рассказам, по информационным продуктам, – сказал премьер-министр. – А ведь от этого поколения зависит и будущее Русского мира, и развитие... в значительной мере даже глобальной цивилизации. Желательно использовать самые разные формы: и детские фестивали, и научные и студенческие обмены, и, конечно, получение образования в самой России, и поездки по историческим местам». Дмитрий Медведев пригласил русскоязычную молодежь мира поработо-

тать волонтерами на международных спортивных соревнованиях, которые состоятся в России в ближайшие годы: в следующем году – Универсиада в Казани, в 2014-м – зимняя Олимпиада в Сочи, а в 2018-м – чемпионат мира по футболу. Во-вторых, глава российского правительства сказал о необходимости постоянного развития работы с соотечественниками всех возрастов, сохранения международных позиций русского языка. «Сегодня во многих странах владение русским языком – это существенное конкурентное преимущество для получения интересной работы, – остановился премьер-министр на мотивации изучения русского языка за рубежом. – Экономика заставляет отказываться от навязанных политических установок. Не случайно русский язык – один из наиболее востребованных иностранных языков для изучения в школах и университетах целого ряда зарубежных стран, в том числе очень крупных. It's time to learn Russian». Дмитрий Медведев отметил некоторые результаты работы фонда «Русский мир» за пять лет: 89 Центров Русского мира, 117 Кабинетов Русского мира, программа «Профессор Русского мира». Третий тезис Дмитрия Медведева заключался в том, что «основа сохранения и развития русскоязычного пространства – это повышение квалификации педагогов», развитие их преподавательской мобильности. В качестве примера он привел Институт Конфуция, где над каждым центром института устанавливается шефство какого-либо университета. «Я полагаю, можно было бы подумать и о закреплении над Русскими центрами патроната наших ведущих университетов», – сказал Дмитрий Медведев. В-четвертых, «язык – это вполне материальный актив, и в него нужно вкладывать деньги». «Подчас немалые, – уточнил премьер-министр, – желательно не только государственные и не только российские. Хотя основную нагрузку, конечно, будет нести наша страна. Это очевидно, и, несмотря на бюджетные ограничения, несмотря на бесконечный экономический кризис, мы продолжим инвестирование в изучение русского языка и распространение Русского мира: будем печатать книги, будем создавать фильмы, информационные продукты, поддерживать изучение русского языка в различных формах, пропагандировать в целом нашу великую культуру. Призываю помочь в этом и наших соотечественников – конечно, имеющих для этого возможности». В-пятых, Дмитрий Медведев назвал Русский мир пространством, призванным быть единым, а также являющимся «глобальным трендом». «Современное информационное общество

всегда будет конкурентным, а мы сможем выдержать конкуренцию, если массив информации на русском языке не будет ни по качеству, ни по актуальности уступать той информации, которая передается на других языках», – пояснил глава правительства свою мысль. Эта сложная задача, по его словам, должна решаться за счет «активной продуманной политики российских университетов, общественных организаций, компьютеризации библиотечных и музейных фондов, расширения интернет-представительств русскоязычных средств массовой информации». И, наконец, шестая приоритетная задача – защита прав и интересов соотечественников, и прежде всего коллективных интересов русскоязычных общин за рубежом. «Рассчитываю, что работа созданного в этом году Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, будет содействовать кардинальному улучшению ситуации», – закончил главную часть своего выступления Дмитрий Медведев.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕТ

В адрес участников форума прислали поздравления президент России Владимир Путин, председатель Государственной думы РФ Сергей Нарышкин и многие другие. Впервые за пять лет на Ассамблею Русского мира присутствовало столько ученых-историков с мировыми именами, поскольку 2012 год в России объявлен Годом истории. В этом году отмечались 1150-летие российской государственности, 200-летие Бородинской битвы и другие важные юбилеи. Панельную дискуссию назвали «Год российской истории». В ней приняли участие председатель правления фонда «Русский мир», первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам Вячеслав Никонов, председатель Геральдического совета при Президенте России, заместитель директора Государственного Эрмитажа Георгий Вилинбахов, директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности США Николай Злобин, декан исторического факультета МГУ, академик РАН Сергей Карпов, постоянный секретарь Французской академии наук, иностранный член РАН Элен Кэррер д'Анкoss, ректор Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия Пламен Легкоступ, президент Фонда исторической перспективы Наталья Нарочницкая, директор Института российской истории РАН Юрий Петров, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, академик РАН Юрий Пивоваров и директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН Александр Чубарьян.

Единственное, в чем согласились друг с другом все участники дискуссии, – это что история России противоречива. Обсуждалась «особость» исторического пути России, ее роль в мировой истории и истории современности. Наталья Нарочницкая назвала Россию единственной страной, которая «с

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

таким нигилизмом и с таким экзаменационным пристрастием относится к собственной истории», эта черта объединяет «все слои придворных русских историков – от либералов до марксистов», «и мы бы перестали быть русскими, если бы перестали мучиться этой темой». Притом русские исконно «лениви и нелюбопытны» к своей истории, «народ безмолвствует, а интеллигенция позволяет себе роскошь равнодушия или брезгливости», но все же «Русский мир может сказать свое слово миру, будучи равновеликим игроком мировой истории» – «на почве культурной и духовной». Даже и без экономического подъема – «каббалистических строчек Интернета о данных экономики». Жестче всех высказался против этого выступления Юрий Пивоваров, автор гипотезы о том, что в основе российской матрицы лежит властократичность. Академик сказал, что сейчас «российское образованное общество, безусловно, расколото», «и какими глазами оно прочтет свою историю: глазами Натальи Нарочницкой или другими – таким и станет наше будущее». Декан истфака МГУ Сергей Карпов поднял проблему современного исторического образова-

Председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов награжден орденом Святого благоверного князя Даниила Московского

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ния: «Нельзя подменять русскую историю эрзац-предметами вроде «Россия и мир». Точно такое же значение имеет изучение малой родины – краеведение и изучение русской классической литературы. Без этой образовательной базы называть себя русским человеком нельзя».

Пожалуй, от француженки Элен Каррер д'Анкост больше, чем от кого-либо ожидали необычных оценок. Она сузила тему своего доклада до одного аспекта: истории наших стран переплетены, и сейчас во французском обществе снова возродился интерес к России. Элен Каррер д'Анкост сказала, что о русской истории во Франции больше знают по жизнеописаниям представителей русских династий эмигрантов. Она отметила, что «французы обожают свою историю и судят о народах, изучая их историю» и взаимная любовь двух государств продолжалась со времен Вольтера до 1917 года. «В тот момент наш взгляд на то, что было русской историей, изменился, он стал идеологическим», – считает д'Анкост. – Россия в этот год перестала быть частью европейской истории, российская история стала для нас какой-то специальной. Мы решали вопрос, как история

Председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая

России привела к революции». Двадцать лет назад «Россия вернулась в мировую историю», став «частью Европы», и «мир изменился». «Мы закрыли эту страницу уникального эксперимента этой страны – страны, которую мы не понимали, – считает д'Анкост. – Русская история вернулась в нашу французскую жизнь как часть нашей общей цивилизации. Мы понимаем теперь, что мы идем по той же дороге, на одинаковых вопросах мы строим наше будущее, духовно Франция и Россия принадлежат к одному миру – европейскому миру». Иностранный член РАН сообщила, что никогда Франция не продлевала годы истории или культуры какой-то страны, но в этом году было решено продлить Год русской истории во Франции, «это – феномен».

О родстве историй России и Болгарии говорил Пламен Легкоступ: «Мы спокойно можем сказать, что Болгария и Россия внесли свой вклад в формирование европейской цивилизации. Основа нашей общей христианской цивилизации – слав-

АЛЕКСАНДР СИНЯКОВ,
РЕКТОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
ВО ФРАНЦИИ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»:

– Критерий жизнеспособности любого языка и любой культуры заключается не только в степени консерватизма, сколько в способности к творческому взаимодействию с иными языками и иными культурами. Способность к адаптации, анализу, полезному заимствованию, взаимному влиянию, настоящему диалогу с иными культурами так же важна, как верность своим корням и своему наследию.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

вянский язык, заложенный двумя монахами Кириллом и Мефодием, которые признаны духовными учителями всего христианского мира». Вячеслав Никонов к числу специфических черт Русского мира отнес интеллигенцию. «Сейчас в некоторых англоязычных словарях при определении слова «интеллигенция» стоит пометка «rus» – «русское», – отметил он. – Считается, что за пределами России интеллигенции нет. В англо-саксонском мире существует только понятие «интеллектуал». Вячеслав Никонов назвал Россию одновременно страной «удивительно сильной» и в то же время удивительно хрупкой, хотя есть все-гда два государства на планете, которые насчитывают пять столетий суверенной истории: Россия и Англия». Свою точку зрения Вячеслав Никонов пояснил так: «Главная причина хрупкости России – неконсолидированность ее элиты. У России очень сильный элитный раздрай, который неоднократно становился причиной серьезных государственных крушений. Россия практически неизвестна извне, но Россия оказывается очень уязвимой изнутри с точки зрения позиций ее элитных слоев, которые порой готовы вцепиться друг другу в горло вместо того, чтобы поддерживать национальное единство. У нас, к сожалению, элита деконсолидируется и в моменты внешней опасности».

Антон БЕРКАСОВ

Почетные гости: президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин, глава Россотрудничества Константин Косачев, митрополит Иларион (Алфеев)

Элен Каррер д'Анкоц – постоянный секретарь Французской академии, известный специалист по истории России

АЛЕКСАНДР БУРЛЫЙ

Помощник
президента РФ
Андрей Фурсенко

За современную интеллигенцию заступился Георгий Вилинбахов. Он рассказал, как у нас хранятся исторические библиотеки, архивы. И напомнил всем коллизию в Санкт-Петербурге, когда государственная власть решила уничтожить Российский исторический архив, временно перевезти его в какие-то ангары, а в здании Сената устроить гостиницу. Общество во главе с интеллигенци-

АЛЕКСАНДР БУРЛЫЙ

ей, «в адрес которой мы сегодня услышали много уничижительного, будто они видят в качестве модели развития страны только «рынок» и «пепси-колу», встали на защиту архива и спасли его». Историческое здание Сената тоже удалось отстоять. Одним из главных врачов современной истории Вилинбахов назвал оптимизацию: «Чем активнее мы будем противодействовать менеджерам-оптимизаторам, тем у нас больше надежды на будущее, потому что только так мы сохраним нашу историческую память». В качестве красочного примера он рассказал, как топ-менеджеры «быстро придумали, как Музей декоративно-прикладного искусства в Мо-

Исполнительный директор фонда «Русский мир»
Петр Скороспелов и первый заместитель исполнительного директора фонда Василий Истратов

ИГОРЬ ГУСЕВ, РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «КЛИО» (ЛАТВИЯ):

– За 47 лет жизни я многократно сталкивался в Латвии, Эстонии, Литве, на Украине, в Польше с пещерной жуткой русофобией. Нас ненавидят. Мне тоже говорили в лицо «русская свинья», я вытирал слезы детей, которых оскорбляли и унижали, потому что они русские. Русофobia сегодня – надо говорить открыто – является пропуском в «приличное общество». Если вы хвалите Россию – вы подозрительны. Просто удивительно, как прибалтийская интеллигенция сплачивается единым фронтом, когда нужно что-то сделать против русских. Вы не найдете ни одного более или менее значимого национального – латышского, эстонского, литовского – историка, политика, актера, писателя, музыканта – интел-

лигента, который бы осмелился что-то хорошее сказать о русских и о России. Это всегда будет только негатив, извращение истории. Недавно меня попросили провести историческую экскурсию украинской делегации. С ходу они начали отчитываться мне о своей ненависти к russkym – на хорошем русском языке. Не подумайте, что я пытаюсь кого-то этим выступлением запугать, просто хочу, чтобы прозвучало: против русского народа идет необъявленная война. И пока мы тут решаем вопрос, как понравиться нашим оппонентам, они нас уничтожают. Не так давно умер президент русской общины Латвии Гарольд Астахов. Ему было всего 40 лет. Незадолго до смерти он мне говорил: «Пойми, мы здесь как казачий форпост. Мы защищаем здесь интересы России и русских».

АНТОН БЕРКАСОВ

ске превратить в музей дизайна, как оптимизировать историческое помещение и фонды», а «на музейщиков, архивистов и библиотекарей – людей штучных профессий – менеджеры смотрят исключительно как на кладовщиков». Он напомнил, что подобные вещи уже происходили в истории России, в 20–30-е годы прошлого века, что закончилось распродажами, аукционами и утратой памятников, которые являются нашим национальным достоянием.

Юрий Петров поставил вопрос о необходимости создания новой национальной истории. С этой инициативой уже выступил Институт российской истории РАН, в исследованиях планируется задействовать также и иностранных ученых. Он сказал, что эта история в том числе будет «оплотом или заслоном против потока лжи», который льется рекой в странах СНГ о России.

«Что касается пафоса нашего стола, – подвел итоги обсуждения Вячеслав Никонов, – наверное, лучше всего выразить его словами нашего замечательного философа Георгия Федотова: «Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны, ущербленная, изувеченная, но все же великая история».

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ

Между дискуссиями участники могли прогуляться по выставке «Русского мира» и экспозиции, посвященной Сергею Есенину, купить книги, пообщаться или просто полюбоваться на Колонный зал Дома союзов – здание Благородного собрания, построенное в конце XVIII века. Его бальный зал описан в «Евгении Онегине» и «Войне и мире», в 1924 году здесь происходило прощание с Владимиром Лениным, в 1953-м – с Иосифом Сталиным. А тем временем началась другая панельная дискуссия – «Государственный язык и языковая по-

литика государства в истории России», которую провела Людмила Вербицкая – председатель попечительского совета фонда «Русский мир», президент Санкт-Петербургского государственного университета, президент МАПРЯЛ и РОПРЯЛ. Говорили о правовом статусе русского языка, проблемах реализации функции русского языка как государственного, о государственной языковой политике в ретроспективе. В обсуждениях приняли участие начальник управления содействия интеграции ФМС России Татьяна Бажан, проректор СПбГУ, заместитель председателя правления фонда «Русский мир» Сергей Богданов, доцент филологического факультета МГУ им. Ломоносова Валерия Каверина, руководитель федераль-

В ходе работы круглого стола «Соотечественники и модернизационное развитие России»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Депутат
Европарламента
Татьяна Жданок

ALEXANDER BURUY

АНТОН БЕРКАСОВ

Президент Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон и президент ГИРЯП профессор Виталий Костомаров

ного агентства «Россотрудничество» Константин Косачев, президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ/АКСЕЛС Дэн Дэвидсон и генеральный секретарь МАПРЯЛ, директор Института русского языка и культуры СПбГУ Евгений Юрков.

Уроки истории важны для разработки современной языковой политики. По словам Людмилы Вербицкой, «ни в одной из советских конституций статус русского языка не был законодательно определен, и в дальнейшем это не могло, безусловно, не сыграть определенной роли и в распаде Советского Союза». Современный закон «О государственном языке Российской Федерации» «еще требует конкретного наполнения» – в частности, «остро стоит вопрос о создании нормативной лингвистической базы для выполнения закона, поскольку без ее создания вряд ли возможен эффективный контроль за выполнением закона». «И важно отметить, – добавила Людмила Вербиц-

кая, – что реализуемая ныне федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011–2015 годы – а мы сегодня от Дмитрия Анатольевича услышали обещание, что и после 2015 года эта федеральная целевая программа будет действовать, – деятельность фонда «Русский мир», международная деятельность нашего Россотрудничества, международная деятельность правительства и Москвы, и Санкт-Петербурга имеют правовую поддержку в законе «О государственном языке...».

Новый глава Россотрудничества, Константин Косачев, отметил, что на русском языке сейчас говорят порядка 300 миллионов человек, но свои позиции последние пятнадцать–двадцать лет язык утрачивает. Главные проблемы современной языковой политики – «недостаточные системность стратегии, межведомственная ко-

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА, ЖУРНАЛИСТ (МОЛДАВИЯ):

– Героические страницы истории России нужно «продвигать» в Молдавии. И делать это нужно более агрессивно, чем сейчас. Ситуация с искаложением российской истории у нас – это беспрецедент. И в таком контексте Первый российский канал, арендующий у нас частоты, в прайм-тайм ставит документальный фильм «Голгофа Бессарабии» – это не единственный случай, но самый громкий, вызвавший в нашем обществе широкий резонанс. Все-таки из России у нас не должна вестись антироссийская пропаганда, и эту проблему нужно решать. Хотелось бы получить поддержку России в плане подготовки

наших молодых журналистов, которые будут работать в русскоязычной прессе. Я преподаю в нашей Высшей школе журналистики. Когда мне студенты начинают рассказывать, какими «знаниями» о России их пичкают, я понимаю, почему русские дети выходят из этих вузов законченными русофобами. Предлагаю создать постоянно действующие курсы для учителей русского языка, учителей истории и журналистов на базе Русских центров. Они есть и неплохи – но происходят «от раза к разу». Чего не скажешь об инициативах других стран. Например, я постоянно получаю приглашения на курсы по журналистике, которые проводят политологи из США.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ординация, финансирование и общественное внимание к проблеме». Поддержка общества играет решающую роль, поскольку, «если усилия государства не опираются на поддержку общества, они часто имеют свойства вырождающиеся в так называемые бумажные проекты». Одну из самых муссируемых сейчас проблем, курсы русского языка для будущих российских иммигрантов, Константин Косачев обсуждал с президентом Таджикистана, который подтвердил готовность страны принять у себя русских учителей во все без исключения школы – есть потребность в 3–4 тысячах специалистов. Другое дело, что российские русисты не слишком хотят туда ехать. Россотрудничество вместе с Минобрнауки являются государственными заказчиками федеральной целевой программы «Русский язык». По словам Косачева, из-за недостатка и сокращения финансирования в прошлом году на 5 процентов не получится в полном объеме охватить все страны и регионы мира, преподать русский язык всем желающим. Если будут приняты два проекта концепций, «О поддержке русского языка за рубежом» и «О русской школе за рубежом», подготовленные по поручению президента, то дальше уже можно будет заняться подпрограммой «Русский язык за рубежом», и в 2013 году она станет составной частью российской государственной программы «Внешнеполитическая деятельность».

1 декабря 2012 года вступает в силу закон, который обязывает всех мигрантов, въезжающих в Россию, знать русский язык хотя бы на самом скромном уровне. Пока ситуация далека от идеала. По словам руководителя управления ФМС России Татьяны Бажан, до 50 процентов иностранных граждан самостоятельно не могут заполнить элементарную анкету, более 20 процентов никогда не имели возможности изучать русский язык. И половина из них учиться не хочет. Недавно

Член попечительского совета фонда «Русский мир» Наталья Нарочницкая

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Ведущим дискуссии «Культура и образование в Русском мире» выступил ректор ГИРЯП Юрий Прохоров

одна молодежная организация в Москве задала вопрос 400 мигрантам: «Согласились бы вы посещать бесплатные курсы русского языка, если бы вам предложили?» Чуть менее половины ответили: «Да», остальные – «Не знаю» или «Не хочу». «У нас установлено неплохое взаимодействие с более чем полутысячами национальных объединений, – сказала Татьяна Бажан. – В России уже действует 238 доступных для мигрантов курсов русского языка, этой проблеме в последнее время большое внимание уделяют мусульманские религиозные организации и РПЦ. Но эти курсы (53 из них – бесплатные) посещает небольшое число людей». Изучив международный опыт, в ФМС России пришли к выводу, что в государстве должна существовать система мотивации к изучению языка. Иначе «незнание языка, законов – вот вам те условия, из-за которых многие мигранты оказываются в абсолютно бесправном

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

положении полурабов» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В СПбГУ уже провели первое пилотное тестирование мигрантов, на которое записалось более 3 тысяч человек, – рассказал Евгений Юрков. Система тестирования довольно успешно справилась с задачей, чего не скажешь о мигрантах: примерно 50 процентов прошли тесты только упрощенного базового уровня.

Сергей Богданов сказал несколько слов о лингвистическом обеспечении закона «О государственном языке Российской Федерации». В этой работе в том числе при поддержке фонда «Русский мир» порядка восьми лет участвуют около 400 докторов наук из разных областей знаний, работа может быть завершена в следующем году. «На сегодня наш словарь насчитывает более 140 листов и

соответствии с польскими законами это место можно продать под другое захоронение. Русская православная церковь в Польше продавала это место! Узнав это, мы организовали «русский бар», собрали деньги и выкупили место Кюхельбекера на десять лет вперед, восстановили памятник. Уже шесть лет наш журнал существует над кладбищем. Вот у нас установлены два памятника Кутузову. Первый памятник установили немцы, второй – поляки. Скажите, вот нам не стыдно? Ничего Россия не сделала для сохранения памяти места, где умер этот человек – легенда русской истории. Один из этих памятников стоит двести лет в лесу, о нем не знали даже в российском посольстве. Я писала письма в различные российские государственные инстанции, но пока – тишина.

ИРИНА КОРНИЛЬЦЕВА, ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА (ПОЛЬША):

– К России будут относиться так, как мы будем относиться к своей собственной истории. У нас есть кладбище, где похоронены солдаты Первой мировой войны: русские, немецкие и польские. На могилах немецких и польских солдат – аккуратные кресты, плиты, четко написаны имена. Русская часть – в запустении. Как мне на это ответили поляки: «Мы поставили вам деревянные кресты, но почти за сто лет они сгнили. Все эти годы мы ждали, чтобы хоть один русский человек пришел сюда и поставил свечку». Памятник русскому солдату поставлен немцами. Другой вопиющий пример. У нас похоронен брат Вильгельма Кюхельбекера. Оказалось, за этой могилой более двадцати лет никто не ухаживал, и в

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

25 тысяч наиболее актуальных, значимых на текущий момент слов и словосочетаний», – сказал Сергей Богданов.

В дискуссию органично влился и американский русист Дэн Дэвидсон. Он сказал, что «состояние грамотности до сих пор выделяет Россию среди всех развитых наций мира», что языковая проблема с мигрантами – «не уникальный вопрос российской системы образования», а издание «Давайте говорить по-русски» (о новых нормах русского языка) для иностранных русистов имело огромное значение. Дэвидсон также изложил результаты последних научно-исследовательских работ, связанных с внедрением программы «Флагман». «Ребята русского происхождения, которые обычно переходят на изучение русского языка где-то в университетские годы, – сказал Дэн Дэвидсон, – изучают сейчас русский язык в течение двух университетских лет плюс год погружения в программу «Флагман» в Санкт-Петербурге. И это дает результат четвертого порогового уровня. Это исключительно высокий уровень, такого человека можно считать полным, сбалансированным билингвом».

В заключение дискуссии Людмила Вербицкая сделала вывод: «У нас сейчас действительно такая языковая политика, на которую мы можем влиять. Я благодарна всем, кто в своем регионе России, в своем государстве трудится во благо того, чтобы русский язык сохранился».

ВСЯКОЕ БЫВАЛО

В дни ассамблеи также прошли методическая конференция «Деятельность Русских центров и Кабинетов Русского мира», тематическая секция «Грантовые программы фонда «Русский мир» и три круглых стола: «Соотечественники и модернизационное развитие России» (ведущий – руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая), «Культура и образование в Русском мире» (ведущий – ректор ГИРЯП Юрий Прохоров) и «История в медиапространстве Русского мира» (ведущий – главный редактор журнала «Русский мир.ru» Георгий Бовт).

Политолог
Николай
Злобин и декан
исторического
факультета МГУ
Сергей Карпов

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

В кулуарах:
политологи
Глеб Павловский
и Михаил
Погребинский

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

В ходе панельной дискуссии «Русский язык и российская история»

Первые два события носили, скорее, прикладной характер, специалисты грантового управления и бухгалтерии фонда «Русский мир» отвечали на вопросы, но были поставлены и общие задачи: к примеру, учет национальных особенностей бухгалтерии разных стран при заполнении отчетных документов. А круглые столы, как обычно, касались широкого круга проблем.

Самыми актуальными темами круглого стола «Культура и образование в Русском мире» стали обсуждение концепции русских школ за рубежом, состояние русского языка в Испании, Польше, Молдавии, Казахстане, Швейцарии и других странах, проблема учебников.

А на круглом столе «Соотечественники и модернизационное развитие России» Георгий Толорая подчеркнул, что российские соотечественники все больше делают для России, это огромный потенциал, который требует вдумчивого отношения и финансирования. На этом круглом столе, посвященном соотечественникам, из зала прозвучали предложения активнее использовать научно-технические площадки России для работы с учеными – бывшими гражданами России и СССР, создавать «клубные форматы» для общения научной элиты, больше внимания уделять имиджу России за рубежом.

На третьем круглом столе, посвященном освещению истории в СМИ, звучали выстраданные выступления граждан Молдавии, Украины, Поль-

ши, Латвии и Литвы, было высказано мнение о том, что СМИ никогда не будут исторически корректными – это и не является их прямой задачей. Шла речь и об особенностях российской борьбы за трактовку общей истории. Из зала прозвучали предложения довести до ума давнюю идею создания в СМИ мира исторического всеобуча по истории России, организовать международную медийную группу для освещения тем российской истории, активнее продвигать русскую историю среди молодежи, используя новейшие технические средства.

Все два дня участники ассамблей обсуждали проблемы идентичности России и пытались осмыслить ее исторический путь. Единой точки зрения по таким вопросам и быть не может, как показывают столетия напряженных научных поисков. «И все же, что отличает Россию от других стран? – сказал Вячеслав Никонов. – Кто-то скажет: «Соборность, коллективизм, самодержавие, православие, народность, природный демократизм». Другие, наоборот, ответят: «Авторитаризм, имперская диктатура, всевластие государства, бесправие общества». Многие, на верное, вспомнят известные слова Владимира Гильяровского о двух российских напастях: что у нас внизу власть тьмы, а наверху тьма власти. Все это, конечно, правда, и все это, по большому счету, неправда. Всякое бывало в российской истории».

ЭСТАФЕТА ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

«ЭСТАФЕТА ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ» СВЯЗАНА С ОБЩЕЙ ИСТОРИЕЙ ДВУХ СТРАН – РОССИИ И МОЛДАВИИ. ЭТАПАМИ ЕЕ СТАНОВЯТСЯ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЮТ НЕОДНОЗНАЧНУЮ ОЦЕНКУ ИСТОРИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

В СЛАВЯНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Молдавии уже несколько лет проходит «Эстафета доблести и славы». Этот «долгоиграющий» проект связан с общей историей двух стран – России и Молдавии. Он начался в 2009 году с мероприятий, посвященных 300-летию Полтавской битвы, продолжился в 2010-м выпуском фотоальбомов «Памятники воинской славы на территории Молдавии 1941–1945 годов» и «Памятники русской культуры и истории в Молдавии», изданных при поддержке фонда «Русский мир», и возобновился в 2012-м, в Год российской истории. Все эти даты выбраны не случайно. Они не просто имеют огромное значение для России и глобального Русского мира, к которому относят себя и сотни тысяч жителей Молдавии. И Полтавская битва, и Великая Победа, и Бородино, и вхождение Бессарабии в состав Российской империи в 1812 году сегодня в Республике оцениваются неоднозначно. Либеральные политики, близкие к ним политологи и историки пытаются изменить отношение населения к прошлому, утверждая, что Россия ничего не дала Молдавии, кроме многочисленных бед. Уроки истории румын (а именно так называется теперь учебный предмет) стали настоящей «промывкой мозгов». Самые старательные ученики практически ничего не знают о Ясско-Кишиневской операции советских войск, в результате которой была освобождена Молдавия, зато им известно, что режим соратника Гитлера, румынского генерала Иона

Антонеску, «не был фашистским режимом, так как не имел в основе единой фашистской партии» (цитата из учебника истории для двенадцатого класса). Что уж тут говорить о событиях более далеких? Их либо «не было», либо они преподносятся в весьма своеобразной авторской трактовке, чтобы у молодежи не оставалось сомнений по поводу отрицательной роли России в молдавской истории.

На этом фоне затяянная Славянским университетом «Эстафета доблести и славы» носит не только культурно-просветительный характер, но и каким-то образом восстанавливает историческую память, как ни пафосно это звучит. «За пределами России русский вуз – это больше, чем просто учебное заведение, его задачи шире, чем подготовка квалифицированных кадров, – объясняет ректор университета Татьяна Млечко. – И в этом плане сотрудничество с фондом «Русский мир» – это не только финансовая подпитка, но и мощная моральная поддержка».

С помощью такой подпитки-поддержки в год 200-летия вхождения Бессарабии в состав России и в рамках «Эстафеты» Славянский университет провел в Молдавии двухступенчатую акцию, посвященную событиям 1812 года. Сначала был автомарафон. В нем принимали участие преподаватели и студенты гуманитарного, юридического, театрального факультетов. Объездили полреспублики: побывали в городах Унгены, Бендери, Комрат, Чадыр-Лунга, Тараклия, в нескольких селах. Встречались с

преподавателями и учениками гимназий и лицеев. Читали лекции о международной обстановке в Юго-Восточной Европе в эпоху Наполеоновских войн, о Бухарестском мирном договоре 1812 года, согласно которому территория современной Молдавии стала частью Российской империи. Показывали литературно-музыкальную композицию, посвященную Бородинскому сражению. Ее подготовили студенты театрального факультета вуза, костяк которого составляют выпускники Кишиневского городского театрального лицея. Они начали работать над этой композицией, когда еще сидели за школьными партами. Их лицейский педагог по актерскому мастерству Алина Шишкона рассказывает, что сама не ожидала, как увлечет старшеклассников тема войны 1812 года. Они искали историческую литературу, связанную с тем периодом, по косточкам разбирали лермонтовское «Бородино», перечитывали «Войну и мир», учили песни на стихи Дениса Давыдова и романсы из старых советских кинофильмов, обсуждали детали костюмов и учились гусарской выправке. «Они будто открыли для себя новый мир, – говорит Алина Шишкона. – И мне кажется, они очень сильно изменились».

«Я думаю, изменились и зрители, – считает Татьяна Млечко. – Во всяком случае, для многих из тех, с кем встречались участники нашего автомарафона, события 1812 года, связанные и с историей Отечественной войны, и с историей российско-молдавских отношений, стали настоящим открытием. Ведь им не только рассказывали о тех событиях, но и зачитывали документы, о которых они прежде никогда не слышали».

Свеженький, еще пахнущий типографской краской сборник документов первой половины XIX века «1812 год в истории России и Молдовы» – второй и заключительный этап «Эстафеты» 2012 года. Это плод работы ученых Российского государственного гуманитарного и молдавского Славянского университетов – москвича, доктора исторических наук Вадима Парсенова и кишиневца, доктора истории, профессора Бориса Репиды. Жаль, что издание вышло совсем небольшим

тиражом – 300 экземпляров, их получат в подарок русские лицеи и вузы Молдавии. А оно должно быть на полке у каждого, кто интересуется отечественной историей, и уж тем более у тех, кто пишет школьные учебники. «Здесь, – говорит Борис Репида, – нет никаких комментариев, только документы, которые свидетельствуют о том, что было на самом деле. Любой исследователь понимает, что есть вещи, которые просто невозможно отрицать. Для этого полезно ознакомиться с чистым документом, а не с чьей-либо его трактовкой. Это сужает возможность манипулирования историческими представлениями молодежи».

А документы, большая часть которых дана в репринтном варианте, с ятами и ерами, действительно очень интересные и неожиданные (ну, в соответствии с представлениями среднего молдавского обывателя, которому со страниц газет внушают, что в 1812 году в Восточную Молдавию вошли российские оккупанты). Многочисленные письма, ноты, указы и т.д. свидетельствуют о странном поведении «оккупантов». Например, в 1813 году правительство империи гарантировало управление краем согласно местным законам и обычаям. Местные власти были выборными. Молдавских бояр уравняли в правах с российским дворянством. Крестьян объявили лично свободными (это в 1818 году, за 43 года до отмены в России крепостного права!). Население на восемь лет освободили от налогов и на шестьдесят (!) лет от службы в армии. Понятно, что Россия стремилась таким образом привлечь на эти пограничные земли переселенцев, но ведь и народу жить давала. В первой половине XIX века в Бессарабии в три раза увеличилось производство вина и сбор зерна. Население с 256 тысяч человек в 1816 году выросло до 941 тысячи в 1859-м, при этом переселенцы составляли лишь треть от общего числа.

Недавней презентацией в Кишиневе сборника «1812 год в истории России и Молдовы» была поставлена точка в цикле мероприятий юбилейного года. Но не на самом проекте. «Эстафета доблести и славы» продолжается. ■

Митрополит Рижский и всея Латвии Александр призвал педагогов обратить особое внимание на детей, которые сегодня предоставлены самим себе и которым необходима помочь в укреплении силы духа

«РУССКИЙ – ЭТО СОСТОЯНИЕ»

автор

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЕРКОВЬ, СЕМЬЯ И ШКОЛА». В ЭТОМ ГОДУ ТРАДИЦИОННЫЙ ЦЕРКОВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ ЛАТВИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ РИЖСКОЙ ДУМЫ, ПРОХОДИЛ В НЕДАВНО ОТРЕСТАВРИРОВАННОМ ГОРОДСКОМ КИНОТЕАТРЕ «SPLENDID PALACE», ЧТО ПРИДАВАЛО МЕРОПРИЯТИЮ ОСОБУЮ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ И ПРАЗДНИЧНУЮ АТМОСФЕРУ.

СВОБОДНЫХ МЕСТ В ПРОСТОРНОМ КИНОЗАЛЕ УЖЕ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ БЫЛО, А НАРОД ВСЕ ПРИБЫВАЛ. Рижанам и гостям латвийской столицы не терпелось послушать лекции и выступления известных российских богословов, ученых, педагогов, писателей, медиков. Православные конференции ежегодно проводятся в Риге с 2002 года по инициативе митрополита Рижского и всея Латвии Алексан-

дра. За эти годы форум приобрел широкую популярность, в первую очередь среди учителей общеобразовательных и воскресных школ, воспитателей детских дошкольных учреждений, священнослужителей и прихожан православных храмов Балтийских стран. Как сказал в своем выступлении митрополит Александр, главная цель форума – сохранение традиционных христианских ценностей, духовное просвещение общества, в особен-

ности молодежи. «Это уже 11-я по счету конференция, посвященная проблемам воспитания, и я очень рад, интерес к этой теме с каждым годом увеличивается, – отметил владыко Александр. – В Писании говорится, что должно заботиться не только о телесном здоровье, но и о духовном. Мы надеемся нашими конференциями привлечь еще более пристальное внимание людей к воспитанию нашего сознания и духовности. Это необходимо прежде всего родителям, поскольку школа дает лишь сумму знаний, а о воспитании совести, воли, характера сегодня говорится очень мало. И человек порой не знает, как ему выжить в сегодняшней непростой жизни, он остается один на один со всеми своими проблемами, что нередко приводит к суицидам. В связи с этим хотелось бы обратить внимание педагогов на необходимость особого отношения к детям, которые сегодня предоставлены самим себе. Им нужна наша помощь в укреплении силы духа».

Участников конференции помимо представителей властей приветствовали архиепископы Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей Латвии, а также настоятели рижской армянской церкви Святого Георгия Просветителя, Эстонской православной церкви, Виленско-Литовской епархии. Почетным гостем нынешней конференции был и профессор Московской духовной академии Алексей Ильич Осипов, известный российский богослов, автор многочисленных монографий и блестящий оратор, на публичные лекции которого съезжаются не только верующие люди, но и все, кого волнуют проблемы современного миро понимания. Неудивительно, что в Риге ведущий богослов пользовался особым вниманием рижан, которые буквально засыпали Алексея Ильича вопросами: и о конце света, обещанном в декабре 2012 года, и о возможном распаде России, слухи о котором муссируются в последнее время, и о равноправии полов, и об институте семьи и т.д. Профессор терпеливо разъяснял свою позицию, предложив не гадать о том, что будет завтра, а жить сегодня,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Профессор
Московской
духовной
академии
Алексей Ильич
Осипов

ибо каждому дню достает своих забот. По его мнению, гораздо более опасны беспочвенные обещания золотых гор, которые на самом деле ведут к безделью и рабству. По поводу крушения нравственных устоев, Осипов высказался жестко: «Мы видим, как сегодня всюду идет сознательное и целенаправленное разрушение всех институтов добра, к которым и семья, безусловно, тоже относится. Что сейчас придумали? Оказывается, традиционная семья – это всего лишь одна из моделей, мол, допустимы и однополые браки. Кто так решил? На каком основании? В Библии это однозначно трактуется как тяжкий грех, указывается на Содом и Гоморру. Я считаю, что идет борьба против природы, которая является творением божиим. Когда на богословских лекциях мы говорим о сатанизме, это воспринимается как метафора. Нет, не метафора – это пугающая реальность, с которой сегодня мы сталкиваемся во всем мире. Только что я был во Франции и в Австрии, там такая же ситуация». «А успокоить?» – попросил уважаемого российского лектора кто-то из публики, и он не задержался с ответом: «Надо вспомнить, что с нами Бог. Первые христиане жили еще в более сложных условиях, но они справились, вот и мы все должны преодолеть с божьей помощью». Не меньшей популярностью, особенно среди учителей литерату-

ры и журналистов русскоязычных СМИ, пользовался известный публицист, автор и ведущий популярной телепрограммы «Тайны русского слова» Василий Ирзабеков, директор московского Православного центра им. святителя Луки. Коренной бакинец, в зрелом возрасте принявший православие, филолог по образованию, Василий (Фазиль) Давыдович Ирзабеков последние годы посвятил глубокому исследованию русского языка, написав книгу «Тайны русского слова», которая переиздавалась уже не раз и стала подспорьем для преподавателей-русистов и всех, кого волнует проблема сохранения чистоты родного языка. В Риге Ирзабеков прочел цикл лекций, посвященных силе русского слова, русской культуре и ее миссии. Корреспондент журнала «Русский мир. ги» поинтересовалась у московского гостя, что, по его мнению, означает быть русским человеком.

– Удивительное дело – русский, это единственное название национальности, отвечающее на вопрос – какой? Когда я это вдруг услышал, то прямо осталబенел! Мы же никогда не скажем: латышский человек или азербайджанский. Значит, русский человек это что-то иное? Русский – это состояние. Что такое вообще – русскость? Ответ дал Игорь Северянин: «Родиться

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Василий
(Фазиль)
Давыдович
Ирзабеков

отзываются. Когда ты по-русски скажешь про кого-то, что он наемный убийца, – бьет наотмашь! Может, поэтому и прикрываемся «пластмассой», чтобы не слышать неприятные вещи о себе? Когда выталкиваются русские слова, я бы сказал, нагло изгоняются, и произносятся другие, обозначающие то же самое, я это называю духовным холуистством. Чем, например, бутерброд не угодил? В России в меню вы сегодня его не найдете, вам предложат сэндвич. Бутерброд, между прочим, тоже не русское слово, но прошло уже почти триста лет, как оно наконец стало русским. И в этот момент его изгнали!

– Тема вашего основного доклада на конференции в Риге – «Культура как миссия». Так в чем же ее миссия?

– В последние десятилетия более всего у нас извалали в грязи два слова – «любовь» и «культура». Что только с ними не делали!.. Даже придумали понятие «молодежная культура». Что это такое? То же, что и для взрослых, только немного глупее, примитивнее? Если включишь молодежный телевизионный канал, то оттуда, как правило, идет сплошная похабщина, за кадром уже звучит смех – зрителям и напрягаться не надо! Подлинная культура призвана объединять людей, а субкультуры способны только на разделение. Но самое главное, что они ведут к оглуплению подрастающего поколения. В русском языке я нахожу ответы на все вопросы, которые ставит перед нами русская жизнь. Заглянем в словарь Даля, чтобы узнать, как любезный Владимир Иванович объясняет слово «культура». У него это – возделывание, уход, обработка, образование. То есть – миссия. Сан-Францисский архиепископ православной церкви Иоанн Шаховской дал, на мой взгляд, наиболее верное, высокое восприятие православной культуры, сказав, что «по культуре добра и духа томится всякое человеческое – и русское – сердце. Напрасно пытаются осуществлять культуру насилием и ненавистью. Она есть дочь любви и свободы».

руссским слишком мало. Им надо быть, им надо стать». То есть никто не отрицает факта рождения по крови, но само по себе это еще не означает, что ты станешь русским. Например, могу ли я назвать русским генерала Власова? Никогда в жизни! Но между тем можно родиться не в русской семье и стать абсолютно русским человеком, каким стал Владимир Иванович Даляр, в жилах которого текла французская, датская, немецкая кровь. Но именно он оставил нам в наследство 200 тысяч русских слов, 32 тысячи поговорок, песен, пословиц. Думаю, он сегодня порадовался бы нашей конференции и тому вниманию, которое здесь уделяется русскому языку.

– Как нам, живущим в странах, где русский язык подвергается открытым и скрытым гонениям, сохранить свой язык?

– Замечательно, что вы это спрашиваете у азербайджанца! Есть только один путь: когда у тебя в душе чистый русский язык и когда ты становишься чадом православной церкви. Другого пути я не знаю. Помните довольно часто цитируемые строки из Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь... И внукам дадим, и от плена спасем»? Когда-то ее стихи поразили меня в самое сердце, после чего я наконец стал слушать, что я говорю! Я подсчитал, что по возра-

сту вполне мог бы быть ее внуком, к которым обращается Анна Ахматова, мог быть сыном Льва Николаевича Гумилева... И тогда я понял, что она обращается ко мне! И начал работать. На самом деле с языком ничего не происходит, это мы, носители языка, постоянно меняемся. Раньше, заканчивая лекцию, я обычно обращался к своей аудитории с призывом защищать и спасать язык. А вот сейчас я понимаю, что это родной язык нас спасает, он сохраняет нацию и веру. Наша задача – служить этому языку, не предавать его, блюсти чистоту русского языка, который является отражением нашей души. Я вообще считаю, что язык – это сакральное зеркало нации.

– Но, уважаемый Василий Давыдович, мы живем в открытом мире, из которого к нам каждый день приходят новые слова и понятия, в том числе и из Интернета. Как тут сохранить чистоту языка?

– Если приходят слова, обозначающие новые явления нашей жизни, это еще полбеды. Ну не было у нас двадцать лет назад брокеров, дилеров, хакеров! Хуже, когда в обиход вводятся слова, которые у нас давно обозначены... Например, что значит слово «киллер»? Наемный убийца. А если произносим «киллер», это звучит как пластмасса, в сердце ничем не

ПИШИТЕ ПУТИНУ!

автор

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ИСТОРИЧЕСКОЕ РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПИРЕЕ (ГРЕЦИЯ) НАХОДИТСЯ ПОД УГРОЗОЙ ПРОДАЖИ. С КОНЦА XIX ВЕКА ЗДЕСЬ ХОРОНИЛИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ, ОФИЦЕРОВ, МОРЯКОВ, ЗАТЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВОЛКОНСКИХ, КОРНИЛОВЫХ, НАБОКОВЫХ... УЖЕ ПОЛВЕКА НЕКРОПОЛЬ НАХОДИТСЯ В ЖУТКОМ ЗАПУСТЕНИИ, ЧАСТЬ КЛАДБИЩА ПРОДАНА, ИЗ 600 РУССКИХ МОГИЛ ОСТАЛОСЬ 100. НО И ОНИ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ МОГУТ БЫТЬ ПОТРЕВОЖЕНЫ. БЕЗ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭТОТ ПАМЯТНИК МОЖЕТ БЫТЬ ПОТЕРЯН. ЗА СУДЬБУ КЛАДБИЩА БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ БОРЮТСЯ НЕСКОЛЬКО ЭНТУЗИАСТОВ, НО БЕЗ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НЕ БУДЕТ НИЧЕГО.

Разбитая могила
кубанского
казака Семена
Калашникова

«С

РОССИЙСКИМ военным атташе в Греции мы встретились в 2009 году на пирейском кладбище, – говорит историк Ирина Жалнина-Василькиоти. – Я показала ему «свежеразобранную» могилу кубанского казака Семена Калашникова с расколотым камнем, грязь, следы запустения. Это захоронение 1984 года кажется мне одним из самых трогательных здесь. Некоторые буквы искажены – видно, писал грек, не знающий русского языка. И с дотошной подробностью на плите изложено, где человек родился, где служил. Это – настояще предсмертное письмо одинокого человека ко всем потомкам, русским людям, оказавшимся около этой надгробной плиты волею судьбы. Атташе никак не отреагировал на мои уговоры спасти очередную русскую могилу от вандализма и привести в порядок хотя бы военные захоронения, уехал. Я ненавидела себя в эту минуту. Почему мне так обидно за этого казака? Почему мне не сидится спокойно у Эгейского моря? На следующей же неделе я прилетела в Москву, выложив все фотографии и суть проблемы в Интернет, дала интервью РИА «Новости», и началось движение».

Ирина Жалнина-Василькиоти уехала в Грецию в 1991 году не по убеждениям и даже не по экономическим причинам: ее муж – афинский художник. Имея за плечами два высших образования (Московский институт электронного машиностроения и истфак МГУ), проработав пятнадцать лет в Третьяковской галерее, старший научный сотрудник решила продолжить

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

РУССКИМ МОРЯКАМ ОТ ЗЕМЛЯКОВ

работу и в новых условиях. Она с недоумением обнаружила, что до сих пор не написано ни одного серьезного исторического труда о русской эмиграции в Грецию, а большая часть архивов выброшена за ненадобностью. Ирина по крупицам начала собирать материалы, записывая воспоминания белоэмигрантов, разыскивая их потомков, оставшиеся документы. Одним из важнейших источников информации стало кладбище в Пирее – пригороде Афин, куда Ирина впервые попала в 1992 году. Ужаснулась представшей перед ней картине. Тем более что перед этим посетила ухоженные русские могилы на Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. «Я увидела свалки мусора, который бросали сюда с соседних ухоженных греческих участков, – вспоминает Ирина, – заросли кустарников, толстые слои птичьего помета на могильных плитах. Пытаясь расчистить надписи, унести мусор, что одному человеку, конечно, не под силу. Позднее греки, видя меня, все время возмущенно кричали: «Пишите Путину! Что за безобразие? Почему могилы в таком состоянии?» Отношение греков к нам, россиянам, складывается по отношению к памяти предков. Будто мы совершенно выжили из ума, не имея ни культуры, ни общего представления о приличии. Иметь в таком состоянии мемориал – значит потерять нравственные устои».

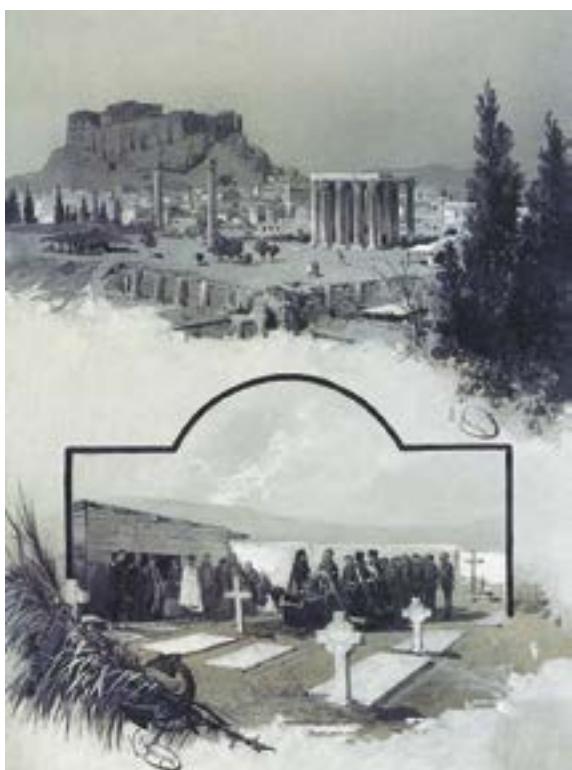
У старейшего в Европе пирейского кладбища поразительная история. Его русскую часть в 1891 году основала указом великая княжна Ольга Константиновна Романова, греческая королева. Собрав в России деньги, она купила участок земли на уже существующем греческом кладбище близ Пирея и повелела перенести туда со всей Греции захоронения русских моряков. Большинство могил того времени принадлежит морским офицерам и морякам с ко-

Ирина Жалнина-Василькоти более десяти лет борется за восстановление кладбища в Пирее

раблей, стоявших на рейде в Саламинской бухте, дипломатам и священникам русских церквей. Королева Ольга бережно относилась к памяти русских, которые погибли, защищая Грецию. ... Во время русско-турецкой войны Екатерина Великая послала в Эгейское море против Османской империи 12 тысяч русских моряков во главе с Алексеем Орловым, вернулись домой только 4,5 тысячи. Специально для пирейского мемориала из Петербурга привезли огромный валун с якорем, цепью и надписью: «Русским морякам от земляков». Его установили на братскую могилу. Именные надгробные мраморные плиты делались поштучно, на заказ от королевы эллинов, по сложнейшей даже для сегодняшних мастеров технике резьбы по камню.

Здесь же был похоронен один из участников Наваринского сражения 1827 года, которое решило судьбу Греции как независимой страны. Россия сыграла в том сражении решающую роль. Кладбище в 1890 году посещал Наследник Цесаревич. «Настолько было велико внимание к этому мемориалу, – говорит Ирина Жалнина-Василькоти, – что для него заказывал икону Александр III и три раза не принимал предложенный ему вариант, находя его то некрасивым, то недостаточно выразительным в цвете, заставлял переделывать. Информацию об этом я нашла в архивах Санкт-Петербурга. К сожалению, та икона, которая была выполнена на смильте, исчезла. Сейчас там совершенно другая».

В 1894 году на пирейском кладбище похоронили князя Михаила Кантакузина, военного агента Русской императорской миссии в Греции. И уже через несколько лет некрополь стал последним пристанищем для многих представителей русской элиты в Греции. В 1920 году в связи с эвакуацией частей русской армии из Крыма Греция приняла 3,5 тысячи русских эмигрантов, в 1923 году – 8–10 тысяч.

СОЮЗ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ

На русском участке кладбища в Пирее похоронен двоюродный брат Владимира Набокова. Еще – контр-адмирал Александр Плотто, один из первых моряков-подводников, который возглавил первый отряд подводных лодок российского флота во Владивостоке в 1904 году. В Грецию он приехал по приглашению короля в 20-е годы как консультант по подводному флоту. Здесь покоятся 9 русских генералов, 26 полковников, 15 георгиевских кавалеров, огромное количество казаков, солдат и офицеров Российской императорской армии, проливавших свою кровь на полях Первой мировой, русско-японской войн. Из духовенства – архиерей Павел (Крахмалев), участник русско-японской войны, главный благочинный на Салоникском фронте Первой мировой войны, куда русские послали 20 тысяч солдат. Ирина Жалнина-Василькиоти отыскала схему захоронений пирейского кладбища, установила все 600 имен, но особенно она гордится нескользкими находками.

«Мне было непонятно, почему в числе 20 самых значимых захоронений, среди генерал-лейтенантов, оказалась Екатерина Ильина, урожденная Корнилова, – говорит Ирина. – Да, был такой белый генерал Лавр Корнилов, но среди его родственников не было Екатерины. И вдруг, листая церковную книгу, я нашла запись: «Дочери героя Крымской войны вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова Екатерине Корниловой выделить пожизненную пенсию». Я списалась с потомками Владимира Корнилова, которые рассказали, что одна дочь вице-адмирала, Наталья замерзла, ее крестьяне выгнали из поместья в мороз, а Екатерина пропала. Ильиной она стала по мужу, генерал-лейтенанту».

Зная о том, что в Пирее похоронены князья Волконские, историк долгие годы искала их потомков. Однажды из Салоник ей позвонила гречанка и сообщила, что на одном из отдаленных

СОЮЗ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ

В такой разрухе стояла могила Екатерины Ильиной, урожденной Корниловой

греческих островов живет внучка княжны Ольги Волконской, дали адрес. «В моем архиве есть много фотографий людей, чьи имена хочется узнать во что бы то ни стало. Видишь из ряда вон выходящую личность, – говорит Ирина. – На одной из таких фотографий была, как я теперь знаю, Ольга Волконская. Оказывается, она была поэтессой. Ее внучка носит греческую фамилию Кантакиди, у нее хранятся дома бабушкины стихи. Правнучка – удивительно красивая молодая девушка с совершенно русским, будто фарфоровым, лицом, не так давно она начала учить русский язык, в этом году впервые посетила Петербург и пребывает в очень сильном потрясении от поездки».

ПОКА НЕ УМРУТ ПОСЛЕДНИЕ

Белая эмиграция относилась к русскому некрополю с почтением. Кладбище в Пирее было для них частью великой истории, свидетелями которой они были. Сохранить его было делом чести. Испытывая большую нужду в деньгах, эмигранты тем не менее собирали средства на приведение в порядок захоронений, а в 1937 году занялись сооружением новой часовни на русском участке союзническо-

го кладбища Зайтенлинк в Салониках: прежняя пришла в негодность.

В августе 1971 года, во времена правления «черных полковников», мэрия Пирея отобрала право распоряжаться землей русского участка кладбища у приходов, к тому времени уже бывших Свято-Троицкой и Свято-Ольгинской церквей, «Союза русских эмигрантов в Греции». Предписывалось в течение пяти дней передать греческим властям все книги, записи, квитанции и документы на собственность семейных захоронений. В послании директору русского кладбища писалось: «В случае, если не будут выполнены все решения, мэрия потребует материального возмещения нанесенного ей убытка». Письма мэру не помогли, а суд в 1974 году был проигран. Отклонена и последняя просьба к мэру разрешить русским пользоваться некрополем еще хотя бы десять лет, пока не умрут последние эмигранты, бежавшие от революции 1917 года. Окончательное решение по делу Верховный суд Греческой Республики принял в 1977 году. Он разрешил оставить только 20 исторических надгробий на 27 квадратных метрах (6 м на 4,5 м), остальные участки давались в бесплатное пользование только на три года с требованием предоставить документы, что умерший – действительно русский эмигрант. По окончании трехлетнего срока следовало уплатить мэрии половину современной стоимости земли, то есть 5 тысяч драхм – невозможные деньги для горстки эмигрантов, средний возраст которых приближался к 80 годам. Печальная участь постигла только русское кладбище. За другие национальные участки заступились свои государства. СССР не заступился, потому что не считал пирейский некрополь частью своей истории.

«Я не могу даже представить, что испытывали те люди, которым предлагалось выбрать 20 могил из 600, – говорит Ирина

СОЮЗ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ

Жалнина-Василькиоти. – Уместить 150-летнюю историю России на 27 квадратных метрах! То, что они сделали, – гениальное решение. Думаю, не найти по всему миру храмов с такой драматической историей». На собственные средства пожилые люди соорудили на маленьком клочке земли часовню во имя святой равноапостольной княгини Ольги. В мощевик перенесли все останки из вскрытых могил, а стены обложили 74 надгробными плитами, на которых можно прочитать фразы или отдельные слова: «матрос», «старший офицер», «гвардейский экипаж», «младенец», «упокой, Господи, душу»...

Средства на содержание русской части кладбища поступали до 90-х годов. С 1927 по 1953 год во главе «Союза русских эмигрантов в Греции», опекавшего все эти годы русский некрополь, стояла супруга последнего российского императорского

посланника в Греции княгиня Софья Демидова, урожденная графиня Воронцова-Дашкова. «Союз» прежде всего занимался социальной защитой русских в Греции. После смерти Софьи Демидовой дело продолжил отец Илья (Аpostолов) – настоятель Свято-Троицкой церкви в Афинах, бывший русский офицер, духовник великой княгини Елены Владимировны, вместе с которой они создали дом престарелых и Христианское благотворительное общество «Святая Троица». Начиная с 70-х годов большинство бездетных русских эмигрантов дома престарелых хоронили не в могилах Пирея, а на бесплатных временных участках, и через три года, по греческим законам, останки выкапывались и переносились в общую братскую могилу. На содержание дома престарелых до 1967 года деньги перечисляла ООН. Вплоть до середины 90-х помочь русским эмигран-

там шла и из США, от фонда И. Кулаева. Но прекратило существование общество «Святая Троица», умерли последние представители старой русской эмиграции, и величественные пирейские надгробия начали постепенно скрываться за буйной зеленью сорняков и грязью.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТОЧКА

К середине 90-х невооруженным глазом было видно, где на кладбище в Пирее – английская часть, где – еврейская, итальянская, немецко-фашистская, а где – русская. Наша легко угадывалась по отсутствию крестов, табличек с именами, некоторые надгробия были расколоты. «Это проверка, – объясняет Ирина Жалнина-Василькиоти. – В Греции очень строгие законы по захоронениям. Если разбивается плита и никто не приходит, не ухаживает, то останки перезахораниваются в братскую могилу, а место продается. Земля очень дорогая, доход поступает в мэрию, так что за такими вещами следят хорошо. Между нашими историческими могилами появилось уже много новых, греческих». По счастливому стечению обстоятельств, к этому времени помимо надгробий часовни остались нетронутыми еще 100 захоронений. Часовня, обложенная могильными плитами, выглядела не лучше: окна разбиты, все в грязи.

«В 2009 году мы стояли на кладбище вдвоем с отцом Александром (Носевичем) и не знали, что делать. Вдвоем не справиться», – вспоминает Ирина. Бесконечные разговоры с русским посольством, письма по разным инстанциям: в министерства, Госдуму РФ, Россотрудничество, вплоть до Владимира Путина и Дмитрия Медведева – не дали ничего. Через РИА «Новости» Ирина подняла шум (лучше «осветила эту тему») в российской прессе. Московские журналисты подали Ирине идею провести акцию «Георгиевская ленточка» к 9 Мая в Греции. Она ее подхватила, но сначала написа-

ла в русскоязычной греческой газете статью об истории этого ордена и предложила в память о георгиевских кавалерах, похороненных там, устроить на пирейском кладбище субботник. «Вы не представляете, сколько народа пришло! – радуется историк. – Человек 50. Молодежь из Эстонии, с Украины, понтийские греки, русские. Люди всех поколений. Работа была очень тяжелой, но за день мы расчистили все. С тех пор акция стала ежегодной, перед Пасхой, и люди всегда приходят, низкий им поклон за это».

Чистота постепенно наводится, посольством восстановлено 20 могил. Но эта работа носит полулегальный характер. Правовой статус русского участка кладбища – точнее, его части со 100 чудом сохранившимися могилами – мэрия Пирея может оспорить в любой момент. До сих пор по Пирею не заключены договоры между Россией и Грецией. «В конце 90-х годов в Греции работал чудесный атташе по культуре – Зайцев, – вспоминает Ирина. – Он хлопотал и добился, чтобы греческие захоронения постепенно исчезли с русского участка». Но серьезной масштабной реставрацией никто не занимался, потому что главный, юридический вопрос не решен в российскую пользу до сих пор. А ведь в Греции есть сотни примеров, когда существуют некрополи по религиозному, нациальному и другим признакам. Почему в России до сих пор не востребована память о ее присутствии и исторической роли в Европе, нам, русским в Греции, не понятно.

В 2009 году Ирина с единомышленниками воссоздала «Союз русских эмигрантов в Греции», чтобы попытаться решить вопрос о статусе кладбища самостоятельно. Когда-то именно этой организации принадлежал мемориал. По решению Верховного суда русской части кладбища принадлежат только те 27 квадратных метров, которые были отданы после суда. Все остальное может быть про-

СОЮЗ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ

Ежегодно на кладбище в Пирее проводятся субботники, куда приходят десятки людей

дано под захоронения греков. Но, возможно, российским дипломатам удастся договориться и о безвозмездной передаче, как это сделала, к примеру, недавно израильская сторона.

В последний месяц в этом деле наметились сдвиги. Способствовать защите русского некрополя согласился авторитетный греческий адвокат Панайотис Зигурис – некогда бывший заместитель мэра Афин, а теперь – юридический консультант всех мэрий Греции. По словам Ирины Жалниной-Василькиоти, он общался с мэром Пирея и сказал, что мэрия могла бы положительно рассмотреть вопрос о передаче России всего русского участка кладбища. В Москве Ирину согласился принять для разговора депутат Государственной думы РФ Анатолий Лисицын, имеющий опыт спасения русского некрополя в Сербии. Еще рано говорить о том, будет ли заключен договор между Россией и Грецией по Пирею, на каких условиях и когда. Особенно актуальным этот договор выглядит накануне юбилея Первой мировой войны, когда к кладбищам будет привлечено внимание мировой общественности. Да и Греция уже плохо помнит значение России в своей истории. «В Греции не вид-

но по мемориалам, что Россия сделала для нее, – говорит Ирина. – В школьных учебниках образ России тожеискажен замалчиванием наших заслуг. Нет в нем этих десятков тысяч погибших солдат за свободу Греции в XVIII, XIX веках, в Первую мировую войну».

С ПОЛОТЕН ГОГЕНА

Работа над восстановлением пирейского мемориала в планах «Союза русских эмигрантов в Греции им. кн. С.И. Демидовой» не ограничивается субботниками и озабоченностью правовым статусом некрополя. В обществе задумываются над общедоступной электронной базой данных. Почти все подобные европейские мемориалы имеют сайты, на которых представлена схема кладбища, полный перечень всех погребенных людей, исторические сведения. Любой потомок может отыскать там своих предков, приехать и самостоятельно найти могилу, зажечь свечку. На чистом энтузиазме ведется просветительная работа: исторические экскурсии по русским местам, публикации в прессе, участие в исторических научных конференциях, бесплатное преподавание русского язы-

ка детям, проведение русских вечеров, научные поиски сведений по историческим личностям русской эмиграции в Греции, переписка с потомками и научными организациями. Недавно закончился сбор средств на восстановление памятника Екатерине Ильиной (Корниловой). Переиздали редкую книгу 1937 года – письма Михаила Гаршина, капитана 1-го ранга, секретаря королевы Ольги. В «Союзе русских эмигрантов в Греции им. кн. С.И. Демидовой» задумываются и о состоянии современного русского общества в Греции. «У нас много яркой творческой интелигенции, особенно музыкантов – выпускников российских консерваторий, – говорит Ирина. – Есть потрясающие писатели, художники. Но они не любят объединяться, ходить строем. Я понимаю, какие сложности возникнут перед исследователями-историками, которые придут через пятьдесят лет. Мы постараемся облегчить им труд, тщательно собирая наш Русский мир в Греции по крупицам».

Почетным председателем «Союза русских эмигрантов в Греции» является Ксения Шереметева, внучка Феликса Юсупова, племянница Софии Демидовой, которая это общество и создала почти век назад. «Нас порядка 50 человек, – говорит Ирина, – в «Союз» входят люди разных национальностей. Нас

объединяет любовь к русской истории, русской культуре, России. Если не мы, этого не сделает больше никто».

Ирина Жалнина-Василькиоти написала книгу. Это – первая попытка рассказать об истории русской эмиграции в Греции, начиная с графа Алексея Орлова и заканчивая современностью. Труд должен выйти в Москве в декабре в издательстве «Русский путь». О большинстве людских судеб, описанных в книге, раньше не было известно ничего. К примеру, жил в Греции на рубеже XIX–XX веков удивительный человек Николай Философов, внук директора Пажеского корпуса, сын секретаря королевы Ольги. Николай был главным офицером на императорской яхте, красавцем, знаменитым человеком того времени. Женился в России, развелся, пережив личную драму – самоубийство сына на почве нераз-

деленной любви. В эмиграции женился снова, но через год молодая жена неожиданно умерла. В этот момент Николай таинственно исчез, больше о нем никто ничего не знал. А оказывается, дальше вот что произошло. Личная драма на Николая Философова произвела такое впечатление, что он написал морскому министру Греции письмо с просьбой отослать его на самый безлюдный греческий остров служить на маяке. Его отослали на остров Элефантониси – тот самый, где когда-то экипаж руководимого им судна в шторм спас 200 пассажиров австрийского судна. Он спокойно там служил, женился, построил дом, столярничал, преподавал местным жителям французский язык, вел безмятежный сельский образ жизни, у него появился сын. «И когда я увидела фотографию Николая Философова в этот период, – говорит Ирина, – то это было лицо совершенно счастливого человека, будто с полотен Гогена, который начал новую жизнь. В доме внука хранится шкатулка, на которой рукой бабушки написано, что в ней были ордена дедушки, которые он продал, чтобы прокормить семью». И таких невероятных жизненных историй в Греции много.

Ирина считает, что не надо ждать, пока кто-то из иностранцев будет писать о России в путеводителях, учебниках, вешать мемориальные доски, ухаживать за кладбищами – «нужно уважать самих себя». Нельзя терять материальную память. Потерять ее – «а наша страница истории в Греции – одна из самых блестящих» – значит отречься от самих себя. «Нельзя нации все время начинать жить с чистого листа, – считает Ирина Жалнина-Василькиоти. – Однажды я услышала такую фразу: «Все новое носят только те, у кого не было хорошего старого». Меня она развлекла. Но именно в Греции особенно заметно, как иногда выглядит Россия, русские, забывающие свое прошлое».

В ноябре в Москве прошел вечер памяти русских эмигрантов в Греции, на котором Ирина Жалнина-Василькиоти показала фильм о состоянии кладбища в Пирее

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОЛНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – ИЗ ПОРОДЫ ВЕЛИКИХ РОМАНТИКОВ. И МНОГИЕ ИЗ НАС, ЗАРАЖАЯСЬ ТРЕПЕТНОСТЬЮ СТИХОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВОЙНЕ 1812 ГОДА, ВНИМАЛИ ИСТОРИИ ПОДВИГОВ С ЕЕ СЛОВ. И ВЕДЬ ПРАВДА – БЫЛИ САБЛИ И ГРИВЫ, ШПОРЫ И БАЧКИ, БАЛЫ И СКАЧКИ, ПЕРСТИ И ОРДЕНА. БЫЛИ «ВЧЕРАШНИЕ МАЛЮТКИ-МАЛЬЧИКИ», СТАВШИЕ ВСКОРЕ ОФИЦЕРАМИ И ДАЖЕ МОЛОДЫМИ ГЕНЕРАЛАМИ. ДАЖЕ НЕМНОГО ГРУСТНО, ЧТО РЕАЛИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА КУДА ПРОЗАИЧНЕЕ ЦВЕТАЕВСКИХ СТРОФ. ХОТЯ – И КУДА РАЗНООБРАЗНЕЕ.

KТО БЫЛИ МАРШАЛЫ Франции, приведенные в Россию Наполеоном, мы в общих чертах разобрались в предыдущем номере журнала (см. «Русский мир.ru» №11). Теперь настал черед вспомнить тех, кто в качестве хозяев встречал непроше-

ных гостей. Тех, кто служил в Русской армии и носил густые генеральские эполеты. История при всей ее, казалось бы, обязательной объективности штука хитрая. Сегодня на слуху десяток-пятнадцать фамилий: само собой – Кутузов, Барклай и Багратион. Еще – Раевский, Платов,

Тучковы, Ермолов, Милорадович. Уже с натяжкой – Витгенштейн, Кутайсов, Тормасов, Дохтурин, Коновницын, Чичагов.

А вот что мы можем сказать о боевом пути герцога Евгения-Фридриха-Карла-Павла-Людвига Вюртембергского? Уверен, сразу найдутся скептики, уверенные в том, что этот герцог из далекого Карлсруэ ужо потому носил чин генерала Русской армии, что приходился каким-нибудь родственником Романовскому дому, ошивался в свите Александра I, где и получал всяческие звания и награды за присутствие.

Вюртембергский на самом деле был родственником супруги Павла I, императрицы Марии Федоровны. Этот родственник, поступивший в русскую военную службу еще в 1797 году 10 лет от роду, в 1807-м дрался у Прейсиш-Эйлау и Фридланда, где был контужен в ногу. В 20 лет командовал пехотной бригадой. В 1812-м герцог под Смоленском лично водил в атаку 4-й егерский полк. На Бородине своей дивизией прикрывал деревни Семеновскую и Утицу, был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Святого Георгия 3-го класса. Далее – Тарутино, Вязьма, Красное. Во время Заграничных походов 1813–1814 годов – дела при Калише, Лютцене, Бауцене, Кульме, Дрездене, Лейпциге, Фер-Шампенузе. За Битву народов под Лейпцигом Вюртембергского пожаловали Святым Георгием 2-го класса. Сводный отряд герцога первым вступил на улицы покоренного Парижа. И генерал-лейтенант превратился в полного генерала. В 26 лет. Все по Цветаевой – «О, молодые генералы...»! Вот только бакенбарды Евгений-Фридрих-Карл-Павел-Людвиг не носил.

Многие современники отмечали, что соединения, которыми командовал Вюртембергский, были одними из лучших в Русской армии. А сам герцог оставил интересные мемуары о кампании 1812 года. Да, еще и музыку писал.

ДВУНАДЕСЯТЬ ЯЗЫКОВ

Известный теоретик военного искусства Клаузевиц, также прошедший войну в рядах Русской армии, впоследствии признавался, что чувствовал себя в русском штабе «глухонемым». Он не знал русского языка и потому скорее наблюдал, чем воевал. А был ли Клаузевиц исключением?

Есть расхожий и совершенно верный стереотип: Великая армия Наполеона была интернациональной. И ее генералитет – тоже. Причина проста. Бонапарт успешно воевал с конца XVIII века, в состав республики, а позже империи вливались новые территории, страна обрастала союзниками. Стало быть, и союзными армиями. В Россию, как известно, пришло свыше 600 тысяч солдат и офицеров. Только половина из них – титульные французы. К слову, это была единственная война, в которой против нас сражались... португальцы.

Русская армия в этническом смысле была почти монолитна. Нижние чины в массе своей – православные. Но вот о нашем генеральском корпусе подобного сказать нельзя. Думается, по части интернационализации он не только не уступал наполеоновскому, но и превосходил его.

Тут одними петровскими реформами все не объяснишь. Да, реформатор земли русской, создавая регулярную армию, широко привлекал на военную службу иностранцев. При этом вовсе не хотел превращать офицерский корпус в банду кондотьеров. Посему законом ограничил число офицеров иностранного происхождения. Треть от списочного состава, не более. На практике их при Петре оказалось куда меньше, примерно 10 процентов.

Шло время, офицеры принимали подданство России, обзаводились семьями, плодили сыновей, которые по духу уже были русскими. Кровь выдавали только фамилии: скандинавские, германские, сербские, британские...

Дж. Доу. Портрет Евгения, принца Вюртембергского (1787–1857), генерала от инфanterии

Иван Васильевич Гудович (1741–1820), генерал-фельдмаршал Русской армии, граф. В 1809–1812 годах главнокомандующий в Москве, член Государственного совета, сенатор. С февраля 1812 года в отставке

Стоит заметить, что офицеры «немцы», особенно из прибалтийских земель, за службу держались. Проза жизни – кормились-то в основном с жалованья. В отличие от многих русских дворян, имевших землицу и крепостных. Потому и в отставку не стремились, и в чинах росли, и до генеральского звания чаще дотягивались. Процент «неславян» среди генералов традиционно был выше, чем среди офицеров. Едва случилась Великая французская революция, как в Россию потянулись все, кому могла угрожать гильотина. Начались Наполеоновские войны, и на восток двинули профессиональные военные из стран, захваченных Бонапартом, не желавшие воевать на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стороне Франции. Эти две волны сильно подняли процент присутствия иностранных генералов в Русской армии.

К началу Отечественной войны 1812 года по штату в армии числились 333 генерала. Две трети носили русские фамилии или исповедовали православие. К слову, в офицерской среде сохранялась пропорция петровского времени: один иностранец к десяти русским. Так что не стоит удивляться тому, что Великую армию гнали из России генералы швед Армфельт, швейцарец Жомини, итальянец Паулуччи, шотландец Барклай, француз Ланжерон, корсиканец Поццо ди Борго, немец Винцингероде, австриец Эммануэль, поляк Ожаровский, серб Депрерадович. А также – принцы Мекленбургские, Гессен-Филиппстальские, герцоги Ольденбургские, Саксен-Кобургские... Ну, и Вюртембергские, конечно.

НЕ ЧИСЛО, А УМЕНИЕ

Полными генералами в Русской армии называли тех, кто носил чин генерала от инфантерии (пехоты), кавалерии или артиллерии, то есть высшее генеральское звание. Аналогично современному званию «генерал армии». Дальше по иерархической лестнице – только генерал-фельдмаршал.

Любопытно, что действующих генерал-фельдмаршалов к началу войны в России не имелось. Жил еще на свете Иван Васильевич Гудович, тот самый, что отвоевал у Турции Хаджибей, ставший вскорости Одессой, и присоединил к России каспийское побережье Дагестана. Но ему уже шел восьмой десяток, и аккурат в 1812 году Гудовича отправили в отставку по состоянию здоровья с поста главнокомандующего Москвы. Прожил он, правда, еще восемь лет, но – тихо, в имении недалеко от Винницы.

Кутузов стал генерал-фельдмаршалом только после Бородинского сражения. Барклай-де-Толли – как только взял Париж в 1814-м.

С полными генералами тоже было не все в порядке. В количественном отношении картина такова: 12 человек – генералы от инfanterии, 6 – от кавалерии и только 1 – от артиллерии. С одной стороны, полных генералов и не должно быть много. Тут, согласно Суворову, не число играет роль, а умение. Но и по поводу умения – все как всегда неоднозначно.

Генерал-артиллерист – это известный исторический персонаж граф Алексей Аракчеев. В советское время фамилия графа стала нарицательной. Он – воплощение крепостнической России. На самом деле во многом благодаря Аракчееву Русская армия была модернизирована после неудачной кампании 1807 года и последовавшего за ней Тильзитского договора с Наполеоном. Особенно преуспел Аракчеев в переустройстве артиллерии. Как известно, Наполеон, сам по образованию военный артиллерист, очень высоко отзывался о русской артиллерией образца 1812 года.

Алексей Андреевич личным мужеством не отличался. Один из офицеров, участвовавший в Заграничном походе 1813

Алексей
Андреевич
Аракчеев
(1769–1834),
граф, генерал
от артиллерии,
государственный
деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Герцог Александр-Фридрих-Карл Вюртембергский (1771–1833), генерал от кавалерии, генерал-губернатор Белоруссии; родной брат императрицы Марии Федоровны. Участвовал в сражениях под Витебском и Смоленском, при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном. Литография Г.Ф. Гиппписа с оригинала из мастерской Дж. Доу. 1830-е годы

Адриан Густав Армфельт.
На фотографии Г.Ламбера.

Густав Мориц Армфельт (1757–1814), барон, родом из Финляндии. В 1811 году перешел на русскую службу и был назначен председателем комитета по финляндским делам. В 1812-м получил чин генерала от инfanterии и титул графа; вошел в Государственный совет

года, вспоминал, какое неизгладимое впечатление произвело на Аракчеева упавшее не подалеку французское ядро. Лошадь унесла генерала галопом. Но и тупым реакционером Аракчеев тоже не был. Например, быстрым успехом в Русско-шведской войне 1808–1809 годов мы обязаны его стратегическому решению по форсированию Ботнического залива по льду с выходом на трапверз Стокгольма.

У Аракчеева имелись собственные представления о порядочности. Так, в 1814 году он отказался от чести получить чин генерал-фельдмаршала. Редкий, надо признать, случай.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Среди полных генералов-кавалеристов – другой Вюртембергский, Александр-Фридрих-Карл. А также – Тормасов, Беннигсен, Кологривов, Ольденбургский и Платов. Пехота выдвинула Вязьминова, Свечина, Феньша, Римского-Корсакова, Лобанова-Ростовского, Багратиона, Милорадовича, Дохтурова, Каменского 1-го, Ланжерона, Армфельта и Ростопчина.

Что мы знаем о большинстве из этих людей? Что помним? Хорошо, повезло на этот счет донскому атаману Матвею Платову, грузинскому князю Петру Багратиону, одному из любимцев Суворова, графу Михаилу Милорадовичу. А Тормасову, успешно командовавшему Обсервационной армией, прикрывавшей юг России, одному из немногих генералов того времени, обладавшему стратегическим зрением? А Ланжерону? А Беннигсену? А Дохтурову-то, Дохтурову?

Да, Ланжерон – это не только пляж в Одессе. Хотя прямая связь с генералом Александром Ланжероном очевидна. Французский аристократ, большую часть жизни прослуживший России, в 1815 году был назна-

Дж. Доу.
Портрет
Александра
Федоровича
Ланжерона
(1763–1831),
графа, генерала
от инfanterии

чен градоначальником вольного города на Черном море. А до этого – воевал за Россию начиная с 1788-го. Участвовал в штурме Измаила, сражался на поле Аустерлица, бился с турками под Журжей, Силистрией и Рущуком. В 1812 году Ланжерон – командир корпуса в Дунайской армии адмирала Чичагова. В 1813-м части его корпуса первыми ворвались в Лейпциг после того, как Наполеон дрогнул в трехдневной Битве народов. Говоря о Великой Отечественной войне, мы очень любим вспоминать про французскую эскадрилью «Нормандия – Неман». Про одного из ее летчиков, носившего графский титул и звание Героя Советского Союза. Герой другой отечественной войны, Александр Ланжерон, – тоже граф. А кроме того, кавалер ордена Святого Георгия 2, 3, 4-го класса и ордена Святого Андрея Первозванного.

Генерал Леонтий Беннигсен. Одна из крайне противоречивых фигур нашей истории конца XVIII – начала XIX века. Вы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826), граф, генерал от кавалерии. На русской службе с 1773 по 1818 год. Гравюра Е.И. Гейтмана с оригинала из мастерской Дж. Доу

ходец из Ганновера оказался на русской службе в 1773 году. Сыграл за храброго офицера, что не раз доказал делом в войнах против Турции и Персии, в русско-польских кампаниях. В 1798 году – первая отставка. Замешан в заговоре против императора Павла I, завершившемся убийством царя. Возвращение в службу на губернаторских должностях. Во время войны с Наполеоном в 1806–1807 годах командовал Русской армией в битвах при Пултуске, Пре-йси-Эйлау, под Гуттштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. Что особенно интересно, командование на себя возложил самолично, так как руководство армией пребывало в полной растерянности. Вторая отставка. В 1812 году после назначения Кутузова главкомом стал начальником штаба Русской армии. Возглавил генеральскую фронду, оппонировавшую Кутузову, участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях, в последнем контужен. Третья отставка. В 1813 году за Лейп-

Бородинское сражение.
Кавалерийская атака генерала
Ф.П. Уварова.
Раскрашенная литография
С. Васильева по оригиналу
А. Дезарно. 1-я четверть XIX века

цигское сражение возведен в графское достоинство. А за взятие Гамбурга награжден Святым Георгием 1-го класса. Обладателей этой степени главного военного ордена империи за всю историю оказалось всего 25 человек. В 1818 году снят с должности главкома 2-й армии. Не жизнь – атракцион!

Ну и – Дохтуров... Наверное, это самый скромный русский генерал. Даром что родился в селе Крутое. Это под Каширой. Пожалуй, в кампании 1812 года было три главные драки: битва за Смоленск, Бородинское сражение и бой за Малоярославец. И везде не обошлось без Дохтурова. В первом случае он командовал обороной города, во втором – после ранения Багратиона принял 2-ю армию и держал левый фланг, в третьем – руководил сражением. И во всех трех случаях поставленную задачу генерал выполнял. Спокойно, без суеты и горячки. Это качество – абсолютное спокойствие в самые трудные минуты – отмечали все, кто видел Дмитрия Сергеевича в деле. И казалось, таким он был всегда. В бытность молодым офицером гвардии; во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов, когда он получил первые награды и первые ранения; под Аустерлицем в 1805-м, где его русско-австрийская колонна отступала, а не бежала, как многие другие; под Фридландом в 1807-м, когда пришлось прикрывать отход всей армии через реку Алле. Тот год принес Дохтурову еще две раны. После изгнания француза из русских пределов полный генерал Дохтуров по полной программе участвовал в Заграничных походах. В 1815-м его 6-й корпус двинули было за Рейн, навстречу Наполеону, но слава Ватерлоо досталась другим полководцам. Дохтуров ушел из жизни так же просто и спокойно, как жил. Кончилась борьба, наступил мир, завершилась миссия – и Дмитрий Сергеевич отдал Богу душу в ноябре 1816-го в Москве, в собственном доме на Пречистенке.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дж. Дау.
Портрет Петра
Александровича
Толстого
(1771–1844),
графа, генерал-
лейтенанта

Дж. Дау. Портрет Михаила
Андреевича Милорадовича
(1771–1825), графа, генерала
от инфanterии. С 1818 года –
петербургского военного
губернатора

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧИНАМ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

Помимо полных генералов имелись еще генерал-лейтенанты и генерал-майоры. Последних, понятное дело, больше, чем остальных, вместе взятых. Военная практика такова, что в период войны производство в чинах идет куда быстрее, чем в мирное время. С одной стороны, присутствует убыль личного состава. С другой – отличившихся награждают не только орденами, но и чинами. Так, только в 1812 году эполеты генерал-майора получили более 40 полковников. Удивительно другое: в ходе кампании ни одного превращения в полного генерала не зафиксировано! Зато во время Заграничных походов корпус полных генералов по-

полнился. В 1813 году чин получили Винцингероде, Раевский, Уваров, Саксен-Веймарский, в 1814-м – Петр Толстой, Меллер-Закомельский и тот самый Евгений Вюртембергский. Более подробно хочется сказать о двоих. Есть в их судьбах элементы уникальные. Граф Петр Толстой начал службу в 15 лет. А в 24 года за отличия в польской кампании произведен в полковники и награжден сразу двумя (!) орденами Святого Георгия – 4-го и 3-го класса. Другой факт связан не с военной, а с дипломатической карьерой. В этом качестве Толстой начал использовать еще Павел I. Во время суворовских Итальянского и Швейцарского походов 1799 года Толстой находился в главном штабе австрийской армии. А вот с осени 1807 года граф – чрезвычайный посол в Париже. Еще до переговоров Александра I и Наполеона в Тильзите Толстой заподозрил неладное. И бомбардировал Петербург депешами, смысл которых сводился к одному: французскому императору верить нельзя, он блефует и готовится к новой войне. За пять лет до событий 1812 года Толстой был уверен – столкновения двух империй не избежать. Непосредственно в Отечественной войне граф участия не при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фердинанд
Федорович
Винцингероде
(1770–1818),
барон, генерал
от кавалерии.
Гравюра
К.В. Чесского.
1810-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нимал, занимался подготовкой резервов. Оказалось, готовил для себя. В 1813-м отправился в Заграничный поход командиром собственного резервного корпуса. Фердинанд Винцингероде – из гессенских дворян. В русскую службу вступил в 1797 году, но неоднократно возвращался в Европу. Последний «заход» сделал в мае 1812 года, в канун войны. А с первых дней августа возглавил первый в истории Отечественной войны партизанский отряд. Первое дело – налет на Витебск, в ходе которого партизаны Винцингероде взяли 800 пленных.

Ошибочно считается, что пионером партизанского движения был подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов. Мол, это он начал донимать Кутузова в Тарутинском лагере предложением создать летучую группу кавалеристов, чтобы громить тылы противника и рвать его коммуникации. Что правда, то правда – донимал. И дожал-таки Михаила Илларионовича. Но идея принадлежит все-таки Барклаю-де-Толли. А дебютное исполнение – Винцингероде. Спустя считанные месяцы эта идея русского шотландца спасла Фердинанду Федоровичу жизнь. В октябре он контро-

лировал Тверской тракт. Узнав, что маршалу Мортье приказано взорвать Кремль, явился к нему на переговоры. Но парламента-ра в Винцингероде не увидели, а узрели подданного Рейнского союза, находившегося в коалиции с Французской империей. Стало быть, изменника. Наполеон распорядился расстрелять русского генерала. Но прежде – судить. Причем на исторической родине. Где-то под Минском Винцингероде был отбит группой партизан под командой урядника Дудкина.

После завершения Наполеоновских войн многие офицеры Русской армии, участвовавшие в Отечественной войне, дослужились до высоких чинов. Полных генералов-участников, получивших чин как до 1812 года, так и после, – 112 человек. Разумеется, многие из них во время войны, имея более скромные чины, были молоды. И вполне попадают под цветаевское определение. Но если говорить о высшем генералитете 1812–1815 годов, то тут картина весьма пестрая. Самый юный возраст – 41 год. Столько было, например, Милорадовичу и Раевскому в 1812-м. Уварову и Аракчееву – 43. Дохтурову – 53. Платову – 59. Воистину атаман-вихорь, в таком

возрасте и в конные атаки ходить! Тормасову – 60. Беннигсену – 67! То есть неутомонный Леонтий Леонтьевич был на пару лет старше Кутузова. Неудивительно, что столь часто норовил схлестнуться со светлейшим. Не обойтись и без трагических цифр. В ходе военных кампаний 1812–1815 годов на службе в Русской армии оказалось в общей сложности более 500 генералов. Потери убитыми, умершими от ран и болезней – 53 человека. То есть каждый десятый. Среди них и генерал от инfanterie 43-летний Багратион, получивший смертельную рану на Бородинском поле. И генерал-майоры 35-летний Александр Тучков и 28-летний Александр Кутайсов, бесследно сгинувшие в разрывах гранат там же.

Раз уж начали с герцога, закончить стоит принцем. Среди про-чих участников войны 1812 года, выслуживших чин полного генерала Русской армии, был и принц Эрнст-Константин Гессен-Филиппстальский. Не сказать, чтоб молодой – 41 год. И, кроме того, не генерал, а полковник. Чин генерал-майора получил уже в 1813-м. За отличие. А полным генералом стал только в 1836-м. Но уж ситуация сильно романтическая. Принят в русскую службу в 1808 году. Воевал с Турцией. Вышел в отставку. Великая армия еще форсировала Неман, а Эрнст-Константин уже вернулся в Русскую армию, 23 июня 1812 года. И попал принц Гессенский служить к Матвею Ивановичу Платову. В казаки! Сражался всюду, куда заносила судьба донские сотни атамана. В Бородинском сражении вместе с казачьей ла-вой проскакал французам за шиворот. Спустя два дня под Можайском был тяжело ранен ядром. Правую ногу пришлось отнять. Вместо нее появился орден Святого Георгия 4-го класса. Но службу принц продолжил. Совсем по-русски. Состоял в легкой гвардейской кавалерии. При гвардейских казаках. В отставку вышел только в 55 лет. О, молодые генералы...

МЕЖДУ ДУДОЧКОЙ И КУВШИНЧИКОМ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ШКЛОВСКИЙ НАЗВАЛ ЕГО ЗАВИСТНИКОМ СТАРЫМ И ПОДЛЕЦОМ, ЧИЧИБАИН – НЕГОДЯЕМ, ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ – ТАЛАНТЛИВЫМ МЕРТВЕЦОМ, А ДАВИД САМОЙЛОВ СКАЗАЛ, ЧТО В ЕГО ПРОЗЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ТОЛЬКО «ВНУТРИ ВСЕГО ЭТОГО ПОДОХЛА МЫШЬ». КАТАЕВ НЕ БЫЛ БЕЗУПРЕЧЕН, А НЕКОТОРЫЕ ЕГО ПОСТУПКИ С ПОЗИЦИИ НЫНЕШНЕГО ДНЯ И ВОВСЕ ОБЪЯСНИТЬ НЕВОЗМОЖНО. НО ВСЯКИЙ, КТО ЧИТАЛ «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ», КТО ПОМНИТ «РАЗБИТУЮ ЖИЗНЬ», НЕ МОЖЕТ НЕ ВИДЕТЬ, ЧТО ЗЛОДЕИ ТАКОЙ ПРОЗЫ НЕ ПИШУТ.

П

ИСАТЕЛЯ В РОССИИ только на одну половину делает талант. На другую – биография и репутация. И если таланта Катаеву было отмерено полной мерой, то биография с самого начала покатилась кубарем: жизнь, отравленная смертельным ужасом, требовала компромиссов, и он скоро научился не только идти на них, но и относиться к ним с бесстыдством записного циника. Неужели ему наплевать было на свою репутацию? Или он до такой степени презирал людей, что не считался с их мнением? Странная это была душа, сложная, на много замков запертая – и, может быть, за какими-то замками в самом деле тянуло мертвчиной. Он и сам писал в «Траве забвения» о том, как части его души оставались лежать мертвыми – одна на поле боя, другая – на кукурузном поле, где его едва не убила банда батыки Заболотного... XX век каждому отрубал душу по кускам. Кто что сохранил – тяжелый вопрос: кто-то держался за веру, кто-то – за собственное достоинство. Катаев, по своему же

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

свидетельству, веру утратил еще в Первую мировую, о собственном достоинстве исчерпывающе говорит его совет Евтушенко не строить из себя целочку, отдающуюся по любви: «Будьте проституткой – ну вот как я». Что он сохранил, за что держался?

Валентин
Петрович
Катаев.
1934 год

ЮНОСТЬ ПОЭТА

О своей семье Катаев писал с неизменной любовью и неизменной же тоской: и отца, и мать, и брата, и тетку он потерял при драматических обстоятельствах. Мать, Евгения Ивановна Бачей, талантливая пианистка, ушла первой, едва родив Вале младшего брата, Женечку, – умерла от гнойного плеврита, когда старшему сыну было всего шесть лет. Ее похороны, гроб с фестонами, похожий на коробку конфет, удущивший запах гиацинтов и тления врезались ему в память со всей остротой невозможной нелепости; описание похорон матери в раннем рассказе «Отец» дало критикам основания упрекать Катаева в неэтичности: бесчеловечная, мол, зоркость, нехорошо так.

Маму осиротевшим мальчикам заменила ее сестра, тетя Лилия, Елизавета Ивановна. Она пообещала сестре вырастить племянников и обещание сдержала, пожертвовав личным счастьем. Катаев деликатно предполагает, что тетя Лилия была влюблена в их отца, но отец, сын священника из длинной священнической династии, человек строгого аскетического склада, был однолюбом и хранил верность ушедшей жене. Мальчики были присмотрены, одеты, накормлены – но Вале очень не хватало мамы; жена его рассказывала, что уже и взрослый он иногда запирался у себя в комнате и плакал: «Я вспомнил маму». Папа был на работе, тетя занята крошечным Женечкой; Валя оказался совершенно одинок. Может быть, потому он так быстро, как говорили тогда, отился от рук: стал пропадать на улице, ввязываться в разнообразные неприятности, с таким юмором описанные потом в его прозе – чего стоит один взрыв в плитке и прилипшая к потолку лапша. Он исследовал свой город, который потом воспроизвел в книгах во всех любовно сохраненных памятью подробностях. Петя Бачей, слоняющийся по Одессе и с восторгом наблюдающий за ее мно-

гошумной и многокрасочной жизнью, – это почти сам Валя, и даже фамилию Катаев ему дал мамину, а имя – папино.

В 9 лет он поступил в Одесскую пятую гимназию, где учился кое-как, а в подростковом возрасте даже и второгодничал. Он довольно рано начал писать стихи, которые пристраивал во все городские редакции, где эти стихи брали, и оттого печатал совершенно несносный вздор в «Одесском вестнике», органе Союза русского народа. Сам факт, что его печатают как настоящего поэта, очень поднимал тщеславного ребенка в его собственных глазах. Ребенок, впрочем, был не только тщеславный, но и вдумчивый, и любящий поэзию, и искренне желающий научиться хорошо писать стихи.

В 1914 году он откликнулся на приглашение журналиста Петра Пильского, который задумал подзаработать, устраивая для одесских дачников выступления молодых одесских поэтов: дачники изживали летнюю скуку, поэты получали слушателей, а Пильский – деньги. В компании выступающих был молодой Эдуард Багрицкий, ученик реального училища; так началась дружба на всю жизнь. Чуть позже к этому дуэту присоединился третий – маленький футбольист из гимназии Ришелье

Одесса.
Вид города.
Фотография
начала 1890-х
годов

Юрий Олеша. В тот же знаменательный год одесский поэт Александр Федоров познакомил Катаева с Бунином. Стихи юного одесского показались Бунину небезнадежными, Катаев стал ходить к Бунину в гости и говорить о стихах; встречи эти, подробно описанные в «Траве забвения», кончились довольно скоро: началась Первая мировая, и встревоженный Бунин покинул Одессу. Валя промыкался в гимназии еще один год, опять не сдал какие-то экзамены и, чтобы разрубить разом образовавшийся узел противоречий, записался в армию добровольцем.

ПОДПОРУЧИК

Его взял под свою опеку отец его возлюбленной Ирен, генерал Алексинский. Ирен – сиреневая – адресат его писем и стихов, прототип Миньоны в «Юношеском романе» и Ирен Заря-Зарянской в «Зимнем ветре». Роман был наполовину выдуманный и кончился плохо – разрывом. Он вернулся с осточертевшего ему фронта осенью 1917 года – с дыркой от пули в бедре, с хроническим кашлем после газовой атаки, с Георгиевским крестом и Аннинским темляком на шашку «За храбрость», потерявший и веру, и романтические иллю-

Одесса. Здание
редакции газеты
«Одесский
листок»

Валя и Женя
Катаевы. Одесса.
Перед Первой
мировой войной

Иван Алексеевич
и Вера Николаевна
Бунины

зии. Он дослужился до подпоручика и решительно не хотел больше воевать, нигде и никогда. Он хотел жить, любить и писать стихи. Но время хотело от него, чтобы он воевал.

Все поколение гимназистов-недоучек, студентов и молодых специалистов – офицеров военного времени, подпоручиков и прaporщиков – превратилось в военспецов-золотопогонников, которые нужны были и белым, и красным. С 1917 по 1920 год власть в Одессе менялась 14 раз; то еврейский погром, то изъятие оружия у населения, то мобилизация. Советская власть накатила ненадолго и откатила; весь 18-й год в городе было затишье – «глаз тайфуна», вспоминал он об этом времени. Одесса, оказавшаяся под властью гетмана Скоропадского, заключившего союз с австро-германцами, стала центром русской эмиграции – последним пунктом перед Константинополем, Берлином, Парижем. Сюда приехали Тэффи, Алексей Толстой, кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь», приехал Бунин. Катаев снова зачастил к нему – оруженосец, паж, ученик; он теперь пробовал себя в прозе и читал Бунину свои рассказы, тот критиковал нещадно. Один из таких рассказов, «Человек с узлом», где рассказчик охраняет с винтовкой сарай с гвоздями, дал историку Александру Немировскому, автору опубликованного в Сети исследования «Гражданская

Валентин
Катаев.
1916 год

Эдуард
Багрицкий
и Валентин
Катаев.
1919 год

война Валентина Катаева», основания утверждать, будто его герой служил в военной охране гетмана Скоропадского. Немировский видит Катаева убежденным монархистом, который пошел добровольцем в белую армию при первой возможности; нужды нет, что все возможности пойти добровольцем в белую армию Катаев долго и старательно игнорировал, потому что у него было занятие поинтереснее: учиться у Бунина, работать в газете, писать прозу и стихи. В 1918 году у него появились друзья и единомышлен-

ники – литературное объединение «Зеленая лампа», в которое вошли и друзья его, Олеша и Багрицкий, и другие молодые и талантливые поэты – Зинаида Шишова, Анатолий Фиолетов, Аделина Адалис, братья Долиновы, братья Бобовичи... «Зеленая лампа» выступала с публичными чтениями, билеты на которые разлетались стремительно, и устраивала закрытые встречи, где стихи читали только друг другу – и нещадно друг друга критиковали. Именно это время – странную паузу между войнами, полную стихов, любви, дружеских попоек, – Катаев всю жизнь вспоминал как время самого большого счастья.

БЕЛЫЙ ОФИЦЕР

Все кончилось осенью 1918 года. Ирен сказала ему, что разлюбила.

Тоска была тяжелей черной глыбы, И если бы вы поняли ее, То разлюбить, я знаю, не смогли бы. Это он писал, когда кругом уже стреляли, в городе менялась власть – и наконец оказалась в руках у Добровольческой армии. Катаев, однако, не шел служить до последнего момента; два его автобиографических героя, Кутайсов из рассказа «Раб» и Чабан из «Прaporщика», попали в армию против желания, по мобилизации, весной 1919 года. Немировский полагает, что весной 1919 года мобилизаций в Одессе не было, а, стало быть, Катаев служил у белых по зову сердца; мобилизация, однако, была, о чем «Одесский листок» извещал 1 апреля (19 марта) 1919 года. Свежемобилизованные силы были моментально разгромлены – уже 3 апреля Катаев позвонил Бунину сказать, что город сдан. В Одессу вошел атаман Григорьев, офицеры прятались кто где, их убивали без суда и следствия, Катаев несколько дней прятался, и Александр Федоров вспоминал потом, что одолжил ему в это время свои штаны.

При советской власти Катаев, Олеша и Багрицкий пошли служить в Бюро украинской печа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ти (информационное агентство, позднее ставшее частью Российского телеграфного агентства); рисовали плакаты, помогали придумывать культурную программу к празднованию Первомая. Бывших офицеров довольно скоро мобилизовали – и Катаев неожиданно для себя оказался заместителем командира батареи. Босые и плохо одетые солдаты разбегались по дороге, винтовки были от силы у половины войска, пушки были полуразбиты, лошадей не хватало, патронов тоже, а главное – не хватало артиллеристов, и вчерашний подпоручик Катаев неожиданно оказался чрезвычайно нужным военспецом. Повоевать ему не удалось и в этот раз: красных разбили еще на подъездах к станции Лозовой, и паническое бегство с поля боя мы тоже встречаем в катаевских рассказах дважды. В результате этого бегства он оказался в Полтаве, где встречался с Короленко, потом пропал – и вынырнул уже в Одессе, при белой власти, командиром передней башни белого бронепоезда «Новороссия». На бронепоезде он воевал еще три месяца, всю осень, пока тиф не выкосил прифронтовую полосу – и белых, и красных. Он бредил, когда его сняли с бро-

непоезда и увезли на автомобиль в Одессу, в госпиталь. Он едва учился стоять и ходить, когда белые ушли из Одессы, оставляя своих раненых и больных – на кораблях всем не хватило места. Когда пришли красные, он, офицер разбитой армии, еле передвигая ноги после тифа, отправился уже знакомой дорогой: в телеграфное агентство. Там он служил еще несколько месяцев, сочиняя Окна РОСТА, пока не попал в тюрьму как бывший офицер. Полгода Катаев просидел в одесской тюрьме, ожидая непонятно чего – скорей всего, расстрела; его случайно опознали как поэта и отпустили; сколько-то времени просидел с ним и брат. Впечатлений

Москва.

Дворец труда профсоюзов на Москворецкой набережной. Здесь в 1920-е годы находилась редакция газеты «Гудок»

Валентин
Катаев.
1929 год

ему хватило на всю оставшуюся жизнь. От этого поколения офицеров, не уехавших из России, до старости не дожил почти никто: большинство перебили уже в 20-е, остальных достреливали в 37-м.

Он всю жизнь хотел написать об этом книгу «Ангел смерти»; написал уже в старости другую – «Уже написан Вертер». «А в наши дни и воздух пахнет смертью», – говорило заглавие каждому, кто помнил цитату.

НАСТОЯЩИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК

Осенью 1920 года Валентин Катаев, на всю жизнь испуганный полугодовым ожиданием смерти и выстрелами за стеной в одесской Чрезвычайке, снова поступил в телеграфное агентство. Теперь он вербует селькоров; некрологи, посвященные убитым бандитами селькорам, – неотъемлемая часть украинских газет 1920 года. В 1921 году умер от голода его отец, и Катаев уехал в Харьков, куда переводили агентство, – подальше от Одессы, от ЧК, от памяти. Из Одессы он вслед за начальством – Владимиром Нарбутом и Сергеем Инголовым – перебрался в Москву, где начал работать в Наркомпросе, а затем устроился в газету «Гудок». А устроившись – перетянулся в столицу всю свою одесскую компанию – и брата, и Олешу, и Ильфа; потом подтянулись еще несколько одесситов – Гехт, Бондарин, Кирсанов… Так началась знаменитая четвертая полоса «Гудка» и южнорусская школа в советской литературе. Молодые провинциалы, почти гасконцы, явились в опустошенную войной и эмиграцией столицу – и весело заняли опустевшее святое место. В «Гудке» они обрабатывали письма рабкоров, делая из каждой жалобы на каких-то учк-профсоюзей живую и смешную историю; мотались по комендировкам, знакомясь с жизнью транспортников по всей стране… В «Гудке» работал бывший врач Михаил Булгаков – тоже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

из вчерашних белых, тоже застрявший из-за тифа; они подружились – Булгаков звал Катаева «Валюн», тот его – «Мишунчик»; жена Булгакова кормила обедом всю голодную одесскую орду. Жила вся орда в комнате у Катаева на Чистых прудах, спали на полу на газетах – еще нищие, еще безытные, хотя кругом уже начинался нэп.

У Булгакова зимой гостила сестра, прелестная Леля; Катаев влюбился смертельно, моментально, страстно. Каток на Чистых, каток на Патриарших, кинематограф, театр, стихи, стихи, стихи – Леля, кажется, испугалась напора и сбежала от этой страсти в Киев, он ринулся за ней... Делал предложение, Булгаков посоветовал сначала заработать червонцев. Обиженный Катаев высмеял его в рассказе «Медь, которая торжествовала» и стал зарабатывать червонцы. Заработал и на новый костюм, и на штиблеты, и на хорошие обеды – вообще обзавелся бытом после стольких лет войны, тюрьмы, вшей, хождения босиком... В нем была невероятно сильна тяга к дому, быту, уюту, нормальному семейному устройству. Но Леля все равно отказалась, и он стремительно женился на другой – художнице Анне Коваленко, которую одесская компания тут же прозвала «Мадам Муха». У Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» мы находим следы их семейной идиллии в главе об инженере Брунске, Мусике и гусике.

После «Гудка» Катаев уже мог писать сколько угодно и о чем угодно: рассказы, авантюрные романы (в 1925 году вся советская литература писала авантюрные романы) – особенно ему удавалась сатира. В том же, 1925 году, когда под напором нэпа затрещали слабые души бухгалтеров и кассиров, имевших доступ к казенным средствам, и началась эпидемия растрат, Катаев уловил флюиды времени и опубликовал роман «Растратчики», гротескный, злой и смешной; стало

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Художник
М.А. Файнзильберг,
В. Катаев,
М. Булгаков,
Ю. Олеша,
И. Уткин.
17 апреля
1930 года,
день похорон
Владимира
Маяковского

понятно, что в литературе появилось новое имя. Через два года он переделал роман в пьесу для Художественного театра, которому остро не хватало современного репертуара. Станиславский сначала искренне верил, что «Растратчиков» написал настоящий железнодорожник. Первая постановка провалилась: гротеск нельзя ставить как реалистическую пьесу, «по Станиславскому», тут уместнее были бы пресловутые трапеции с голыми боярами. Сотрудничество с театром, однако, продолжалось, и следующая пьеса, смешной водевиль «Квадратура круга», имела уже триумфальный успех, причем не только в России, но и во Франции и в Америке...

СЧАСТЛИВЧИК

Катаев писал о себе, что он счастливчик, родился с двумя макушками; и впрямь – он как-то спокойно миновал жуткий рубеж 1929–1930 годов, когда писателей коллективизировали и отправляли на производство, а недостаточно пролетарских выжимали из литературы. Катаев отправился писать для журнала «30 дней» сначала о сельскохозяйственной коммуне, затем о Днепрострое с Демьянном Бедным; наконец, попал на Магнитку – и там застрял. Короткой писательской командировки ему не хватило, он решил задержаться подольше – и выдал образцовый производственный роман «Время, вперед!» – один из немногих в этом жанре, кото-

В.П. Катаев
на заседании
совета
депутатов.
1947 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рые вообще можно читать. Может быть, потому, что не друг с другом соревнуются в нем бригады, а со временем; оттого, что само время в нем рокочет, грохочет и несется вперед.

К 30-м годам на Катаева пролился золотой дождь. Он был молод, красив, силен, богат, талантлив, счастлив – его с удовольствием принимал в Италии Горький, его книги издавались огромными тиражами. Он получил квартиру в писательском доме, обставил ее мебелью модерн, над чем иронизировала Надежда Мандельштам. Он женился на Эстер Давыдовне, красавице совершенно голливудского типа, у него родилась дочь. Надежда Мандельштам писала о Катаеве 30-х: «Катаев, тоже умудренный ранним опытом, уже давно повторял: «Не хочу неприятностей... Лишь бы не рассердить начальство»...

А на глазах у него друг юности и вечный соперник Олеша жил совершенно иначе: никак не вписавшись в новую реальность, он все больше пил – все

больше счетов предъявлял правильному, успешному, социализированному другу. Все чаще они ссорились. Впрочем, сохранившиеся в архивах записки свидетельствуют, что Катаев помогал Олешу деньгами; Надежда Мандельштам рассказывает, что Катаев помогал деньгами Мандельштаму.

Странный эпизод катаевской биографии – его участие в работе над недобкой памяти сборником о Беломорканале; как вспоминает писатель Авдеенко, при отъезде Катаев сказал сопровождающим чекистам, что посмотреть канал ему толком не удалось, что надо было подольше остаться, – и сошел с поезда с палкой копченой колбасы и бутылкой водки, а вернувшись, никому ничего не рассказывал. В книге он – один из восьми соавторов в главе «Чекисты».

В середине 30-х один за другим начали уходить его друзья, коллеги, бывшие начальники. В 1934-м умер Багрицкий, в 1937-м – Ильф; в 1936-м репресировали Нарбута, в 1937-м аре-

к. Г. Паустовский,
И. А. Новиков,
П. И. Чагин,
В. П. Катаев,
М. М. Пришвин.
На 80-летии
М. М. Пришвина.
1953 год

стовали Лидию Багрицкую. Арестовали Ингурова. Арестовали Бабеля – кстати, выбивали у него показания на Олешу и Катаева. Катаев говорил потом, явно имея в виду Бабеля, что тот слишком высоко залетел – что от власти надо держаться подальше. Он заступался за кого мог – так, что его друг Фадеев кричал на него: не смей никого к себе пускать, не смей писать Сталину, я больше не могу за тебя заступаться. А сам Катаев был бывший белый офицер – для 30-х годов вполне достаточно, чтобы сесть и не выйти. Он ушел в детскую литературу, где можно было по-прежнему говорить о важном, не кривя душой и не рискуя собой, и сразу стал классиком. «Белеет парус одинокий» ведь не о революции, не о броненосце «Потемкин» – он о детстве, Одессе, море и счастье. Написать для детей хорошую книгу ведь можно только одним способом: рассказывая о том, что очень-очень любишь.

В 30-х он написал стихотворение, которое увидело свет только после его смерти:

Уже давно, не год, не два
Моя душа полужива...

...

Что невозможно быть живым
И трудно мертвым притворяться.

ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК

Притворяться мертвым – это была его тактика выживания. У него получалось. Настолько, что ходячие мертвецы считали его своим, и сам он все больше мертвел. И пил. Много пил. Это был такой способ справляться. Спьяну однажды поссорился с Булгаковым, тот сказал: «Валя, вы же...» Булгакова, пишущего в стол, он уговаривал «вернуться в литературу» – он вообще часто пытался убеждать друзей, что надо писать правильно, чтобы начальство не сердилось, что не нужно героизма, что можно просто продаваться. Вениамин Каверин считал Катаева более даже безнравственным, чем душитель литературы Софонов. В 1939 году, когда СССР занял Западную Украину и Западную Бе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лоруссию, Катаев ездил туда корреспондентом. Получив доступ к архивным документам 1918 года, написал повесть «Я, сын трудового народа», о которой стоит сказать только то, что Прокофьев написал по ней оперу «Семен Котко»: политически правильный сюжет страховали от проработок, украинская фольклорная стихия и героическое содержание давали простор для творчества. Впрочем, сам Катаев от проработок застрахован не был: его трясли в 1940-м за «идеологически ошибочную» и «вредную» пьесу «Домик». Войну он провел на фронте – был корреспондентом «Правды», издал несколько книг. Потерял брата: Евгений Петров разбился на самолете. Кажется, 1946 год окончательно надломил его – хотя он и был фронтовик, и георгиевский кавалер, хотя за плечами была большая война, уже третья в его жизни после Первой мировой и Гражданской. Но никто не заставлял его под пистолетом приветствовать постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», заявляя в печати, что от него в литературе повеяло свежим ветром; на кону сейчас стояла не жизнь, а возможность остаться в литературе, печататься, зарабатывать. Да, его самого прессовали и давили – и он сдал Зощенко и сохранил право публиковаться; беда в том, что купленное та-

кой ценой право остаться в литературе само собой выбрасывает из нее. «Отвратительное содержание и жалкая форма, – писал Катаев о Зощенко. – Он деградировал как литератор». Он приезжал потом к Зощенко просить прощения – «я думал, ты все равно погиб, а я бывший белый офицер». И говорил – не бойся, ты меня не компрометируешь; Зощенко отвечал: «это ты меня компрометируешь», но простил, кажется. Павел Валентинович, сын Катаева, сфотографировал их вместе в одну из последних встреч – страшный, худой Зощенко и грустный, обрюзгший Катаев. Весь конец 40-х, в разгар холодной войны, он писал чудовищную публицистику про поджигателей войны и миролюбивый Советский Союз. И вдруг, когда казалось, что ничего хорошего он уже больше не напишет,

«Цветик-семицветик»
(М., 1981).
Иллюстрации
художника
Эрика Булатова

М.М. Зощенко
и В.П. Катаев.
1955 год

он сочинил классическую сказку про цветик-семицветик – в 1949 году, мрачном, зажатом, задавленном – летнюю и прелестную: *Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли –
Быть по-моему вели.*

В 1949–1950 годах его снова взялись прессовать за «Катакомбы», они же «За власть Советов», – третью часть будущей тетralогии «Волны Черного моря», рассказ о партизанах в одесских ката комбах. Бубеннов ругал его аж в двух номерах «Правды» подряд; сам Сталин счел, что Гаврик – неподходящее имя для партийного работника... Катаева фактически вынудили переписать книгу заново, осветив руководящую роль партии. Катаев послушно осветил и испортил книгу. Так же как и Фадеев послушно вписал руководящего коммуниста в «Молодую гвардию».

Может быть, поэтому в 1951 году появилась новая сказка, «Дудочка и кувшинчик», – идеальное изображение писательской судьбы Катаева: у тебя может быть или дудочка – твоё художественное мастерство, или кувшинчик – полное благополучие. А так, чтобы и дудочка, и кувшинчик – это не выйдет. Он всю жизнь пытался совместить дудочку с кувшинчиком, и выходила ерунда. Но иногда дудочка начинала петь что-то свое, печальное, пронзительное, и в эти времена Катаев был сам себе равен.

СИЛА И СТРАХ

Его не особенно любили, и он это понимал. Похоже, он на настоящему любил только жену, детей и нескольких друзей юности. Для остальных был одесский, бандитский, мефистофельский шик. Впрочем, этот мефистофельский шик не помешал ему на старости лет – Катаеву было уже под 60 – поступить в Институт марксизма-ленинизма и конспектировать классиков: можно, конечно, расценить как обращение к

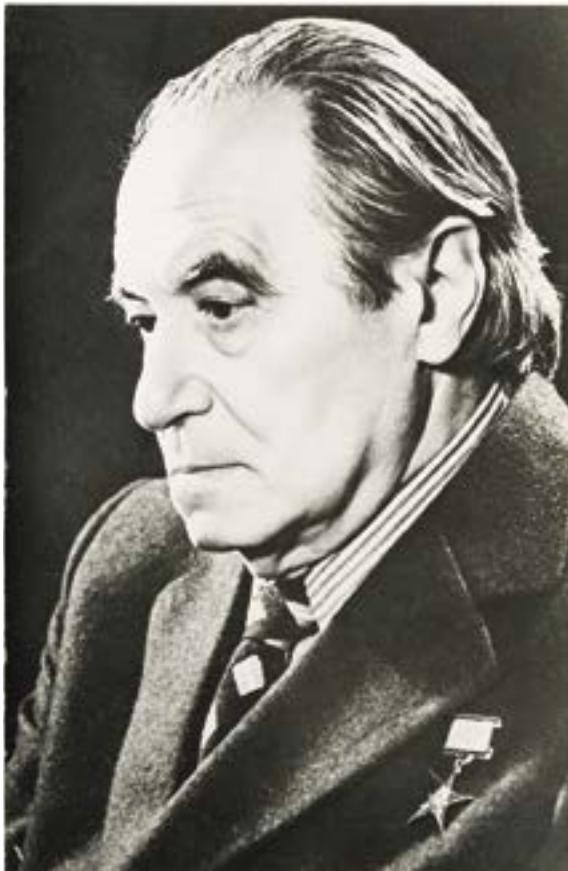

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ленинской норме после смерти Сталина (отсюда – и «Маленькая железная дверь в стене», и «Лонжюмо» Вознесенского), а можно – как ступень карьеры: без этого он вряд ли бы стал потом редактором «Юности». Говорят, Хрущев хотел его поставить во главе Союза писателей, но Катаев наотрез отказался.

«Юность» печатала молодых и талантливых; в «Юности» были свежие силы, задор и ощущение новизны. Катаев возился с молодежью – и, кажется, завидовал им. Может быть, и новый Катаев – неожиданный, необычный, европейский – не состоялся бы без этой возни с молодежью, без тайного соперничества с ней. Это он писал как-то мимо текущего литературного процесса, решая свои собственные задачи, не задумываясь, что скажут читатели и критика. Это был диалог с ушедшими великими, которых он знал, с собственной юностью, с современной западной и довоенной русской литературой – с чем угодно, только не с литературой советской. Даже повесть о Ленине оказывалась на поверку повестью о мирной Европе перед Первой мировой – Европе его юности, Европе первых аэропланов и автомобилей, о Париже, о Капри... Он продолжал, как некогда в магнитогорской повести, бороться со временем, спрашивая себя, может ли память его преодолеть, – и в самом деле преодолевая время.

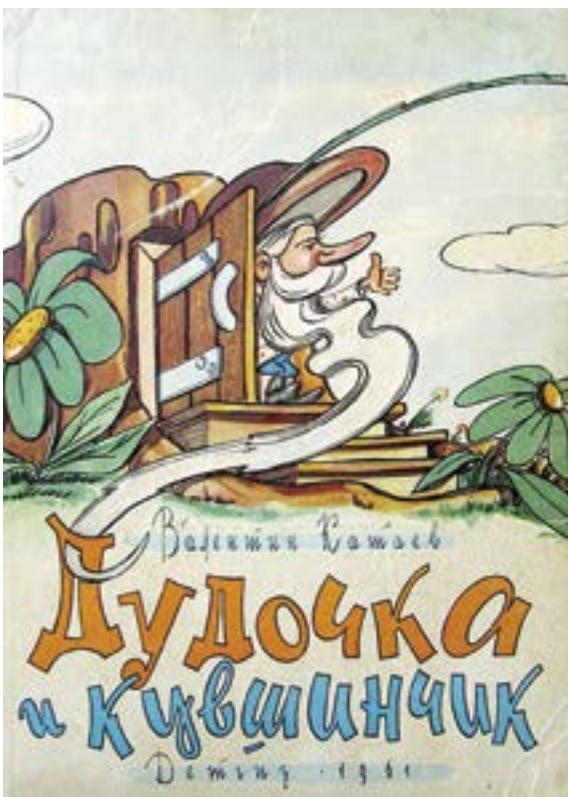
Но он жил в Советском Союзе, где писателя делает не только талант, но и репутация. А для того, чтобы печатать свое, талантливое, репутацией приходилось поступаться – и он спокойно, цинично делал то, чего от него хотели: голосовал за исключение Лидии Чуковской из Союза писателей, напечатал отвратительную статью о Солженицыне – хотя времена были не расстрельные, хотя на кону уже была не жизнь, а привычный уровень комфорта, загранпоездки, покой. Анатолий Рыбаков вспоминал: «Мы иногда гуля-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.П. Катаев.
Начало 1970-х
годов

ли с ним по Переделкину, беседовали, я поражался его страху перед властью. Как-то я высказал весьма невинное, но свое

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

суждение о каком-то литературном событии, он остановился, с испугом посмотрел на меня: «Что вы говорите? Как можно? Ведь об этом есть решение ЦК!» У него так и жил всю жизнь в душе сходящий с ума от страха Петя Синайский из рассказа 1922 года – Петя, который в кабинете у следователя ЧК встает в третью танцевальную позицию и загадывает, что если так стоять и не шелохнуться, то все обойдется и он останется жив. Он всю жизнь носил в себе Ангела смерти – и всю жизнь боялся смерти, потому что не знал ничего лучше жизни. То ли сиротство его таким воспитало, то ли бесконечная война вместо юности, когда другие учатся в университетах и влюбляются, – но он не видел никаких смыслов вне жизни, выше жизни, стоявших того, чтобы за них умирать. Он знал только, что жизнь стоит того, чтобы жить, – он ценил ее выше всего на свете – жизнь, полную вкусной еды, остро пахнущих цветов, путешествий, любви, – «единственную, неповторимую жизнь», как написал он еще в 20-х.

Он потому и остался в литературе, а не исчез из нее, как какой-нибудь Бубенцов, что эту жизнь он умел увидеть неимоверно зоркими глазами, и сохранить невероятно мощной памятью, и передать выпукло и живо, по-буински стереометрично, – «чудесную, ничем не заменимую жизнь».

Он много лет подряд выбирал самосохранение – ради жизни. А оно обернулось саморастрой – и, может быть, потому так горек его взгляд на фотографиях последних лет, и название лучшей, наверное, его книги, «Разбитая жизнь», обретает совсем другой смысл, и вполне заслуженная им слава большого писателя имеет не просто горький, а невыносимо желчный оттенок. Потому что писателя только наполовину делает талант, а на другую половину – личный выбор между дудочкой и кувшинчиком, между жизнью и тем, что выше жизни. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Празднование 170-летия на родине художника началось с открытия выставки репродукций его картин на железнодорожном вокзале

Место было выбрано неслучайно: вокзал как нельзя лучше символизирует тягу к путешествиям и неусидчивость самого знаменитого череповчанина, который объехал половину континентов земного шара и участвовал в двух войнах. Ездил не ради отдыха и развлечений. Батальные полотна с патристическим подтекстом и зарисовки из экзотических стран стали главными темами художника. Верещагин по десять и более лет живал в Москве и Париже, бывал с продолжительными визитами в Нью-Йорке, Токио и Стамбуле, но именно Череповцу суждено было стать столицей празднования юбилея живописца. В город, который Верещагин покинул ребенком, съехались потомки известной дворянской семьи и поклонники таланта художника, здесь прошли научные конференции с участием ведущих специалистов мира. И именно в местный музей Третьяковская галерея привезла на юбилейные торжества (художник родился 26 октября 1842 года. – Прим. авт.) три известные картины Верещагина – «Нападают врасплох» (1871), «Бухарский солдат» (1873) и «Всадник в Джайпуре» (около 1880 года).

НА СЛИЯНИИ ШЕКСНЫ И ЯГОРБЫ

Выставка на железнодорожном вокзале стала эффектной акцией, хотя справедливости ради заметим, что сам художник го-

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕРЕЩАГИНА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В ГОД 170-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ВАСИЛИЯ ВЕРЕЩАГИНА ТРИ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ИЗ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ВПЕРВЫЕ ПОБЫВАЛИ НА РОДИНЕ ЖИВОПИСЦА.

Ю

БИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА в Череповце, родном городе Василия Васильевича Верещагина, открылись летом на железнодорожном вокзале. Сотрудники местно-

го Дома-музея Верещагиных – единственного в мире мемориального музея художника – развесили в зале ожидания репродукции полотен Верещагина, написанных им во время путешествий по миру.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дом Верещагиных в Череповце был выстроен в начале 1830-х годов, но спустя 150 лет был сломан и возведен заново. Музей открыл здесь свою первую экспозицию в 1984 году

раздо чаще передвигался либо на лошадях, либо по воде. В 9 лет Василия отправили учиться в Санкт-Петербург, в Морской кадетский корпус. Больше он в Череповец не возвращался. Родной город запомнил своего знаменитого земляка ребенком, который, сидя у окна, рисовал проходящих мимо по улице людей, лошадей и собак. Лет за пятнадцать до трагической гибели в Тихом океане Василий Верещагин, задумав серию картин на тему Отечественной войны 1812 года, отправился на Русский Север за «типично русскими лицами». Но доехал лишь до Вологды. Не известно ни одной верещагинской картины или зарисовки родных мест, сделанной по воспоминаниям из детства. Но факт рождения значит многое. «Череповец – родина Василия Верещагина» – в юбилейный год художника такие баннеры в Череповце встречаются чаще, чем коммерческая реклама. Портреты художника хмурятся с бортов автобусов, выглядывают из сувенирных киосков, смотрят с магазинных вывесок и даже заборов. Промышленный Череповец объявил художника главным городским достоянием. Фамилия Верещагина фигурирует в про-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В кабинете Василия Верещагина-старшего, предводителя уездного дворянства, царит деловая атмосфера. Дети говорили здесь только шепотом

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В большой гостиной, расположенной на втором этаже родового гнезда, по вечерам любила собираться вся семья Верещагиных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Центральный для Череповца XIX века Воскресенский проспект (ныне – Советский). Улица Благовещенская, на которой находится усадьба Верещагиных, в минуте ходьбы от проспекта

Анна

Николаевна
Верещагина,
мать художника

Василий
Васильевич
Верещагин,
отец художника

дом-музей – лишь копия дома Верещагиных. Мать художника в конце XIX века продала дом местному купцу, позже строение было национализировано советской властью и более пятидесяти лет служило общежитием. И только затем стало музеем. Всякий раз, переходя из рук в руки, дом ремонтировался и перестраивался. А в 80-е годы он вообще едва не сгинул под новостройками – памятник тогда отстояла культурная общественность Череповца. Много лет дом был выкрашен в желтый цвет, но вот уже год, как ему вернули исторический темно-коричневый колер, упоминание о котором исследователи нашли в воспоминаниях бывших хозяев. Первая экспозиция, открывшаяся в 1984 году, включала воссозданные комнаты отца и матери: часть мебели привез из Москвы внук Николая Верещагина. По воспоминаниям племянника художника, известного ученого-мамонтолога, умершего четыре года назад, музейщики воссоздали чертеж затопленной Рыбинским водохранилищем усадьбы Верещагиных в селе Петровка.

– Экспозиция в ее нынешнем виде складывалась более десяти лет назад, – рассказывает заведующая музеем Любовь Маликова. – Изучали воспоминания художника, его письма, поднимали картины современников Верещагина с изображением интерьеров провинциальных поместьческих усадеб, где жили просто и скромно, без роскоши. Дом был хотя и ветхий, но внешне выглядел вполне пристойно. Он был скрипучим, с неровными стенами, но в этом был особый смысл, особый дух – старые дома не могут быть ровненькими и приятненькими как новогодняя игрушка.

Домик маленький, комнатки крохотные, коридорчики узкие, а рассказать экскурсоводу хочется о многом. Не одно десятилетие собирают музейные энтузиасты информацию о семье Верещагиных. Между собой братьев Верещагиных называют по именам – Вася, Коля и так далее, а родителей ува-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рисунки брата Сергея, стол и стулья с обивкой, расшитой матерью художника, табурет на лосиных ногах, который смастерил его отец после одной удачной охоты... А на улице коротают свой век «современники» художника – старая ива и амбар. Сам

Вася Верещагин
(справа)
с братом
Николаем
во время учебы
в Морском
кадетском
корпусе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

аллея. Работает дом-музей – невзрачный двухэтажный особнячок расположен на слиянии рек Шексны и Ягорбы. Он рассказывает не только о Василии Верещагине, но и о его родителях и братьях. Старшего, Николая Верещагина, мир знает как изобретателя знаменитого вологодского масла. Александр был неплохим литератором, а младший, Сергей, во время русско-турецкой кампании служил адъютантом генерала Скobelева и своими подвигами заслужил упоминание в художественной литературе: его гибель красочно описывает в романе «Турецкий гамбит» Борис Акунин. Из подлинных экспонатов в музее хранятся семейные книги,

жительно – по имени-отчеству. Подлинников «Васи» в музее нет, содержание полотен посетителям пересказывают на словах, но очень подробно и очень «вкусно», – получается не хуже вкуса настоящего вологодского масла, изобретенного «Колей».

Анна Николаевна Верещагина, мать семейства, высокая стройная брюнетка, славилась своим непростым характером. Василий Васильевич получил добро родительницы стать художником лишь тогда, когда завоевал несколько профессиональных наград. В кабинете отца семейства посетителям поведают о древнем роде Верещагиных и быте провинциальных русских дворян XIX века. Здесь много книг, среди которых попадаются сочинения древнегреческих писателей и философов.

Вам расскажут и о первом признании таланта Василия Верещагина-сына. Написанный им эскиз на один из гомеровских сюжетов совет Академии художеств счел достойным серебряной медали. Возможно, Верещагин так и писал бы всю жизнь мускулистых богов и красавиц-богинь, если бы не познакомился в молодости с художником Львом Лагорио, который не раз бывал на Кавказе и даже участвовал в боевых операциях. Верещагин увлекся его рассказами и отправился на юг, где впервые столкнулся не только с экзотикой, но и с войной.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Второй военной «командировкой» стала поездка в Среднюю Азию в 1867–1868 годах. Оттуда Верещагин привез зарисовки для своей Туркестанской серии работ. Изысканная красота средневековой архитектуры соседствовала в картинах и этюдах с поблекшими от пыли лохмотьями нищих. Многие художники верещагинских времен изображали войну как парад отглаженных мундиров и начищенных до блеска сапог, а военных – бравыми героями в гордых позах. Верещагин

В. В. Верещагин.
Фотография
1863 года,
во время
первой поездки
на Кавказ

же подчеркивал, что увиденное превзошло все его ожидания своей жестокостью и бессмыслицей. Во время первой поездки в Туркестан художник принимает участие в войне с эмиром Бухарским в чине прaporщика. Георгиевский крест за участие в защите крепости в Самарканде художник носил до конца жизни, хотя военных наград не жаловал и от большинства отказывался. Когда Туркестанская серия была выставлена (в нее вошла и знаменитая картина «Апофеоз войны»), армейское начальство пришло в ярость. А после посещения экспозиции императором Александром II цензура запретила художнику публиковать репродукции картин «Забытый», «Окружили – преследуют...», «У крепостной стены. «Вошли!». Расстроившись, художник вырезал холсты из рам и скрыл их.

На русско-турецкую войну Василий Верещагин ехал сознательно, с мольбертом и пистолетом. На фронте он находился вплоть до окончания военных действий. Был тяжело ранен, едва не умер в госпитале. Зимой вместе с отрядом Михаила Скобелева Верещагин совершает поход через Балканы и участвует в решающем бою на Шипке, у деревни Шейново.

Посетителям Дома-музея Верещагиных, которые приходят вечером, обязательно рассказывают о том, что картины из Балканской серии Верещагин показывал в залах без дневного света, на черных стенах, при ярком электрическом освещении. При этом звучала мрачная музыка. Люди выходили из залов бледные, многие плакали.

Вернувшись с войны, Верещагин совершает путешествие в Индию и Палестину, но и там находит темы для «зубастых» полотен. Некоторые работы из Индийской серии рассказывают о порабощении местных жителей англичанами. В последние годы жизни Верещагин писал войну из прошлого – Отечественную 1812 года. А последней страной-«натурой» для художника стала Япония, где он снова оказался

В. В. Верещагин
и В. В. Стасов
в мастерской
скульптора
И. Я. Гинцбурга.
Фотография
А. Несветевича.
1892 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

из-за начавшейся русско-японской войны. Весной 1904 года флагманский броненосец «Петропавловск» с Верещагиным на борту подорвался на мине и ушел на дно...

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

За 62 года жизни художник не раз менял дома и страны проживания, некоторые из жилищ сам же и проектировал. По странному, если не сказать мистическому, стечению обстоятельств, все до единого дома художника в Германии, Франции и России погибли.

Наследники рода Верещагиных в нашей стране и на Западе проживали и проживают свои жизни в коммуналках и на съемных квартирах. «Наше семейное гнездо – в наших сердцах и доме-музее Череповца», – с грустью констатирует ныне внук художника, Александр Плевако. В Череповце, городе предков, где до сих пор, согласно телефонной книге, проживает более 200 Верещагиных, прямой наследник гениального баталиста останавливается в гостинице.

Одной из главных претенденток на мемориальную доску с надписью «Здесь жил В. В. Верещагин» могла бы стать первая мастерская художника в Мюнхене. Окончив Морской корпус, Василий Васильевич, прослужив недолго,

В. В. Верещагин со своими домочадцами

Внук Василия Верещагина Александр Плевако (сын дочери художника Лидии) в юные годы лишился родителей и воспитывался в семье знаменитого адвоката. На фото – на фоне бюста деда в Череповце

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вышел в отставку и поступил в Академию художеств, из-за чего лишился родительского благословения и содержания. Живя в Санкт-Петербурге, Верещагин вынужден был скитаться по комнаткам и коморкам, за которые жадные хозяева просили изрядную плату. В том числе и в тех странах, по которым он путешествовал и где учился, – в Германии, Средней Азии, Индии, Франции... В Париже он занимается в мастерской знаменитого Жерома... Наверное, тогда-то, во время скиданий, и вызрело в нем твердое

убеждение, что художник должен иметь отличное от жилищ прочих смертных место обитания. Не может он творить в подвале, в тесноте, при свете сальной свечи. Нужна мастерская. Ее он во все последующие годы, где бы ни поселился, будет увеличивать за счет жилой половины. Мастерская мерешилась Василию Васильевичу храмом: высокие потолки, пространство, простор. Эхо, наконец.

В Мюнхене, куда Верещагин переехал в молодые годы и где женился в 1871 году на Эли-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

забет Марии Фишер (в замужестве Елизавета Кондратьевна Верещагина, первая жена художника, брак с ней продлился девятнадцать лет. – Прим. ред.), живописцам просторных помещений с эхом не сдавали за отсутствием таковых. Поиски были безрезультатны. Наконец вдова немецкого художника Теодора Горшельта отдала мастерскую в аренду русскому художнику. Помещение было обширным и удобным, но в нем не было солнца, что объяснялось особенностями постройки. Верещагин понял: свой настоящий дом он должен построить своими руками. Первое в своей жизни пристанище молодой художник нашел посреди баварского леса. «Такого заведения ни у кого в Мюнхене не было, и я первый устроил это за городом, куда и ходил каждый день, когда погода была благоприятна сюжету. Все нужное я сколотил из досок, простирил там ноги. Плуты-швабы оттягали у меня мои шалапи, и я должен был устроиться второй раз в другом месте», – писал он. Крах и последующее разрушение первой мастерской были предопределены: никаких разрешений на строительство, согласованных с городскими службами Мюнхена, наивный Верещагин не получил.

«Простуженные» в мюнхенском лесу ноги требовали юга и тепла. Вторая попытка по созданию архитектурного симбиоза бытовой и творческой стороны жизни была более продуманной. В начале 70-х годов Верещагин с женой обосновались в Париже. Цены на квартиры в самом городе показались неподъемными даже вполне обеспеченному Верещагину, которому будущий основатель галереи собственного имени Павел Третьяков платил большие гонорары за еще не написанные картины. Поселившись решили в получасе конной езды от Парижа, городке Мезон-Лаффит. Спустя четыре года, осенью 1876-го, супруги въезжают в отстроенный по проекту Верещагина дом. Сюда свозят вещи, приобретенные художником в разных частях мира, доверенные лица принимают их по списку. «Шкура тигра, кашмирские шитые скатерти, священническое платье ламы...». Чего там только нет! Но история с постройкой дома, который он планировал последним в своей жизни, утомила Василия Васильевича. Во-первых, за купленный в Мезон-Лаффит участок с домом было переплачено втройне. Французский агент, разглядев в Верещагине наивного в делах человека, обманом продал не только землю, но и никчемное ветхое

Парижская мастерская художника. Начало 1880-х годов

здание, которое пришлось снести. Верещагин стойко перенес этот свой промах и, наскоро подготовив проект дома, который хотел бы видеть на своем участке, со спокойным сердцем уехал с женой в Индию. Один пункт в проекте был поистине новинкой: веря в то, что живопись во многом делает правильный свет, Верещагин изобрел летнюю мастерскую. Представьте себе багажный вагон с огромными окнами, стоящий на рельсах. При помощи ручки этот вагон легко мог передвигаться за солнцем, двигавшимся по небу, так что солнечные лучи всегда прямо падали на полотно в мастерской...

Но далеко не всем замыслам Верещагина суждено было сбыться. Картины художника постепенно перестали пользоваться прежним высоким спросом, а стройка между тем отнимала огромные деньги. В результате в целях экономии была возведена типовая коробка белого цвета о двух этажах. Прожив в Мезон-Лаффит пятнадцать лет, Василий Верещагин заскучал по родине и продал дом коллеге Константину Маковскому. Тот здесь тоже прожил недолго. Заросший участок превратился в любимое место отдыха горожан, на проржавевшем вагоне-мастерской, который двигался за солнцем, местные жители катали детей. Сегодня на месте французской верещагинской усадьбы – пустырь и складские постройки... А Верещагин из Парижа переехал в Подмосковье, где приобрел усадьбу Нижние Котлы. И снова все сначала: проект, строители с богатой бухгалтерской фантазией, поиски денег... Но пожить вволю в своем новом доме художник не успел. Уехал на Дальний Восток... Наступал 1904 год.

P.S.

Менее года назад совместная российско-китайская экспедиция нашла на дне Желтого моря, на глубине 60 метров, останки затонувшего в 1904 году броненосца «Петропавловск»... ●

АРКТИЧЕСКИЙ САД

автор

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТО АВТОРА

ЧУТЬ БОЛЕЕ ВОСЬМИДЕСЯТИ ЛЕТ НАЗАД СОСТОЯЛОСЬ УДИВИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ: НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛСЯ САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ В МИРЕ БОТАНИЧЕСКИЙ САД. ОН НАХОДИТСЯ В 120 КИЛОМЕТРАХ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ, НА СКЛОНАХ ХИБИНСКИХ ГОР.

3 НАМЕНИТЫЙ ПОЛЯРНО-АЛЬПИЙСКИЙ ботанический сад-институт со всех сторон окружен

Хибинами. Горам этим уже 350 миллионов лет, сформировались они потому, что кипящие недра Земли выдавили на поверхность гранитный «холм» диаметром 60 километров. Шло время, «холм» разрушался, внутри него образовался свой небольшой мирок: лесотундра с красивейшими озерами, реками, водопадами, ущельями, каньонами, горными цирками. В этом уникальном месте молодой ботаник Николай Александрович Аврорин в августе 1931 года и предложил создать ботанический сад.

Долина озера Большой Вудъяvr, где разбит сад, расположена всего лишь на 300 метров выше уровня моря. Однако в суровом климате Хибин это уже граница субальпийского пояса (для сравнения: в Гималаях субальпийский пояс начинается на высотах около 3500 метров. – Прим. авт.). Зимой здесь больше месяца солнце не поднимается над горизонтом. Зато уже в мае почти круглые сутки светло. В августе в долине царит пестрая кутерьма от цветущих растений и деревьев... Сад раскинулся на 1650 гектарах, около 80 из них отведены

под парк и питомники. Вступившие в сад гости переходят по мосту горную речку и оказываются на главной аллее.

– Здесь всюду, куда ни посмотри, растения, занесенные в Красную книгу, – объясняет экскурсовод Людмила Шитякова. – Слева вы видите гвоздику песчаную, здесь – мак лапландский, эдельвейс, синеголовник. А вот встречающийся только на Кольском полуострове солнцецвет арктический...

Проходим альпийские горки, на которых можно увидеть растения со всего света – от Северной Америки до Новой Зеландии. Питомники следуют один

Монумент основателям сада был установлен в 1981 году, на 50-летний юбилей

за другим: коллекционный, экспериментальный, семенной.

У грядки с клевером Людмила Ивановна остановилась: «В свое время Чарльз Дарвин разгадал загадку, почему после войны упала урожайность клевера. Причиной всему оказалось уменьшение числа одиноких женщин. Шмели опыляют цветы клевера, полевые мыши разоряют гнезда шмелей, кошки охотятся на мышей. А держать кошек очень любят одинокие женщины...»

– А это – живой пример того, как древние люди получали удобные рукоятки для своих топоров, – указывает на ель, обросшую валун, Людмила Ивановна. – Способность корнейгибать препятствия была издревле подмечена человеком. Под дерево укладывали камень, и через несколько лет получали крепкие, нужным образом изогнутые рукоятки.

К берегу большого горного озера ведет длинная, более километра, аллея, обсаженная с обеих сторон древесными растениями. Многие растущие здесь деревья из Средней Азии, Камчатки, Приморья, Северной Америки удалены от своего естественного ареала более чем на 3000 километров к северу.

ТРОПИКИ ЗАПОЛЯРЬЯ

Конечно, туристам, приехавшим из средней полосы России, парк может показаться и не столь уж впечатляющим. Но для жителей Заполярья это настоящий чудесный сад посреди тундры. Большинство из них знают ботанический сад благодаря оранжерее тропических и субтропических растений, которую посещают более 10 тысяч человек в год. В зимнее время эта оранжерея производит ошеломляющий эффект: посетители проходят по трехметровым тоннелям-сугробам и в одно мгновение из 20-градусного мороза попадают в жаркие влажные тропики.

Пальмы, фикусы, лианы, кипарисы, магнолии – всего более тысячи видов растений, возраст некоторых перевалил за полвека. Оранжерея, в последний раз реконструированная в середине 70-х годов, давно уже требовала ремонта и увеличения площадей. Наконец два года назад были найдены средства, и старую стеклянную конструкцию заменили современной сферической из поликарбоната. Долгая и кропотливая работа затянулась до Нового года. Чтобы не погубить растения, сначала пришлось возвести новый свод, а затем изнутри аккуратно убирать отслужившие свой век стекла.

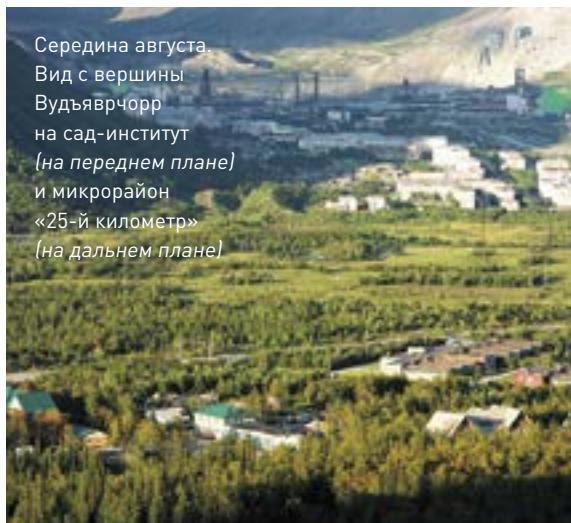
– Это наша любимая южноамериканская монстера, – говорит Людмила Ивановна. – Очень хорошо себя у нас чувствует, радует и цветами, и своими вкусными плодами. У нас здесь вызревают инжир, гранаты, лимоны, бразильский кофе – прекрасный ароматный кофе завариваем. А вот мексиканская «елочка» араукария. У нее очень мягкие иголочки. Рядом красуется драцена, она может жить дольше всех – несколько тысяч лет. Наше дерево совсем юное – ему три десятка лет. Но в старости драцена сильно разрастается в ширину, внутри ствола образуются пустоты, дерево становится похоже на чудище, от чего и получила свое

Конец марта.
Гости
из Оленегорска
идут к оранжерейям

второе название – «драконовое дерево».

Из влажных тропиков мы переходим в жаркий сухой мир саванн и пустынь. Здесь царствуют кактусы всевозможных форм и размеров.

«ЭКОТРОПА» И ЭНТОМОФАГИ

Помимо питомников и оранжерей в саду есть и заповедная территория, на которой сохраняется растительность всех высотных поясов Хибин. Чтобы попасть туда, придется преодолеть «экологическую тропу», поднимающуюся вверх по склону горы З километра. Зато всего за час можно побывать сразу в нескольких растительных поясах. Из елово-березовой тайги попадаешь в березовую кричевесье, дальше – карликовые березы, сплетенная из мхов и лишайников тундра, а ближе к вершине – голые камни арктической пустыни, кое-где покрытые накипными лишайниками. Ботанический сад – это научно-исследовательский институт Российской академии наук в составе Кольского научного цен-

НАСЛЕДИЕ ПОЛЯРНО-АЛЬПИЙСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

тра, а потому объединяет ученых разных специальностей: интродукторов, флористов, экологов, физиологов, биохимиков, почвоведов, микробиологов, фитопатологов. В годы Великой Отечественной войны сад-институт был единственным учреждением Кольской базы Академии наук, продолжавшим работу в прифронтовых условиях. Специально для нужд военного времени ученые выращивали пищевые и лекарственные растения, разработали методы переработки местных ягод на соки, сиропы, повидла без применения сахара. Особым достижением стала технология получения из лишайников глюкозной патоки, которая производилась специально построенной фабрикой и несколько лет заменяла северянам сахар.

Сегодня из всех научных лабораторий института наибольший интерес посетителей вызывает инсектариум, где выращивают всевозможных энтомофагов – клещей и насекомых. После детальных исследований энтомофагов как биологическое оружие выпускают в теплицы уничтожать вредителей.

ХРАНИТЬ И ВОЗДЕЛЫВАТЬ

– Долгое время наш сад был самым северным в мире, – рассказывает Владимир Константинович Жиров, член-корреспондент РАН, руководящий садом-институтом с 1998 года. Он приехал сюда работать в 1974 году сразу после окончания биофака МГУ, а потому знает об уникальном ботаническом саде практически все. – В 1994 году при нашей же поддержке появился небольшой ботанический сад в норвежском городе Тромсё, который примерно на 250 километров севернее Кировска. Однако благодаря Гольфстрому и равнинному расположению климат там намного теплее. Норвежская коллекция несравнима с нашей. За более чем восемьдесят лет наш сад-институт испытал свыше 30 тысяч образцов растений, из которых тысячи видов были

Одно из старейших зданий сада, Главный лабораторный корпус, является памятником государственного значения

Владимир Константинович Жиров в своем кабинете в академгородке города Апатиты

успешно интродуцированы (переселены из других регионов и адаптированы к условиям Мурманской области. – Прим. авт.). Мы озеленили и благоустроили большинство населенных пунктов области. Например, сирень, так хорошо прижившаяся в парках и на проспектах Мурманска, – из нашей коллекции. В питомниках местной флоры у нас собрано 400 видов растений, 77 из которых занесены в Красную книгу.

– И тропических растений у вас тоже больше, чем у норвежцев?

– Да. Но оранжереи не являются главными показателями научной уникальности ботани-

ческого сада. Я считаю нашим основным достижением интродуцированные растения, акклиматизированные к условиям Субарктики и произрастающие в открытом грунте. Сейчас в саду содержится около 2500 образцов травянистых и более 1500 древесных растений. Это самая крупная коллекция интродуциентов в мире для северных широт. В свое время мы проводили много экспедиций по всему Советскому Союзу – до Средней Азии и Дальнего Востока, привозили семена и саженцы, которые затем адаптировали к условиям Кольского полуострова. Кроме того, для всех ботанических садов мира существует традиционная форма бесплатного обмена семенами. Каждый сад считает своим достоинством участвовать в этом обмене.

– Как вы пережили трудные 90-е? В Петербургском ботаническом саду, например, сотрудники спасали растения у себя дома...

– У нас до такого не доходило, но ситуация была критическая. Тем не менее мы сохранили все наши коллекции. Главную помощь тогда нам оказал комбинат «Апатит» – градообразующее предприятие, снабжающее нас

Оранжерея тропических растений производит самое большое впечатление на северян

теплом. Поскольку долгие месяцы федеральный бюджет обеспечивал только заработную плату наших сотрудников, мы имели многомиллионные долги за коммунальные услуги. Все это время местное руководство «Апатита» испытывало жесткое давление со стороны московских владельцев, которые, понятно, не могли терпеть такую ситуацию. Но, несмотря на эти трудности, у местных руководителей, многих из которых ходили на экскурсии в наш сад еще школьниками, ни разу не возникло идеи оставить оранжереи без отопления. Наше тепличное хозяйство стало единственным в Мурманской области, уцелевшим в те годы.

Конечно, в сохранении сада нельзя переоценить и роль наших сотрудников. Люди у нас всей душой преданы своему делу. Хочу сказать – об этом знают все растениеводы, и наш опыт тому подтверждение, – способность к работе с растениями в основном определяется непонятными до сих пор свойствами человеческой природы, в которых даже образовательный уровень не играет первостепенной роли. Просто – у одних всерастет, у других – нет. Люди с

такими способностями – большая ценность для ботанических садов, и у нас они составляют большинство. Наверное, поэтому текучка кадров в нашем саду минимальная.

– Какое отношение имеет ваш сад к проблемам экологии?

– С глубокой древности до наших дней главной задачей всех ботанических садов была интродукция, то есть переселение и акклиматизация растений в новых местах обитания. В основе любого аграрного производства, особенно на Севере, лежат результаты такой практики – новые для данной местности виды растений и животных. Согласно ставшим сейчас популярными идеям биоцентризма, это действие вполне можно считать антиэкологическим, поскольку оно, так или иначе, нарушает сложившийся в природе баланс. В связи с этим в последние годы заметилось столкновение двух идеологий – антропоцентристической и биоцентристической. Природа для человека или человек для природы? В традициях христианской цивилизации, продуктом развития которой является и наша страна, эта проблема однозначно решается в пользу челове-

ка, то есть антропоцентристически. По Библии, первой задачей наших прародителей было не только хранение, но и возделывание райского сада, изменение природной среды в интересах человека. Аналогичное отношение к природе свойственно и мусульманскому миру, духовные традиции которого также оказали влияние на развитие отечественной культуры. Однако критики христианского антропоцентризма, склонные обвинять именно христианскую культуру в современном экологическом кризисе, обычно забывают о том, что задача хранить сад во 2-й главе Книги Бытия поставлена на первое место. Хранить и возделывать – это наиболее разумное сочетание двух главных принципов отношения человека к природе. Наша цивилизация не может существовать, не изменяя природу, и как раз ботанические сады являются собой живой пример компромисса между интересами человеческого общества и необходимостью сохранения природных богатств. Думаю, в дальнейшем такое положение ботанических садов определит для них новую и очень важную функцию посредников между природой и обществом.

НАСЛЕДИЕ ПОЛЯРНО-АЛЬПИЙСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

– Наверное, городские власти и хозяева коттеджей стоят впереди за вашими образцами для озеленения?

– К сожалению, нет. Хотя количество ландшафтных заказов у нас постепенно растет, оно до сих пор недостаточно для полного обеспечения наших потребностей. Дело в том, что по уровню жизни население Мурманской области пока еще сильно отстает от Москвы или Санкт-Петербурга. Да и муниципальные власти не располагают большими средствами и нечасто выделяют деньги на благоустройство территорий.

– Скажите, а если произойдет то самое потепление, которым нас сегодня пугают, ваши коллекции смогут сами по себе расти в Заполярье?

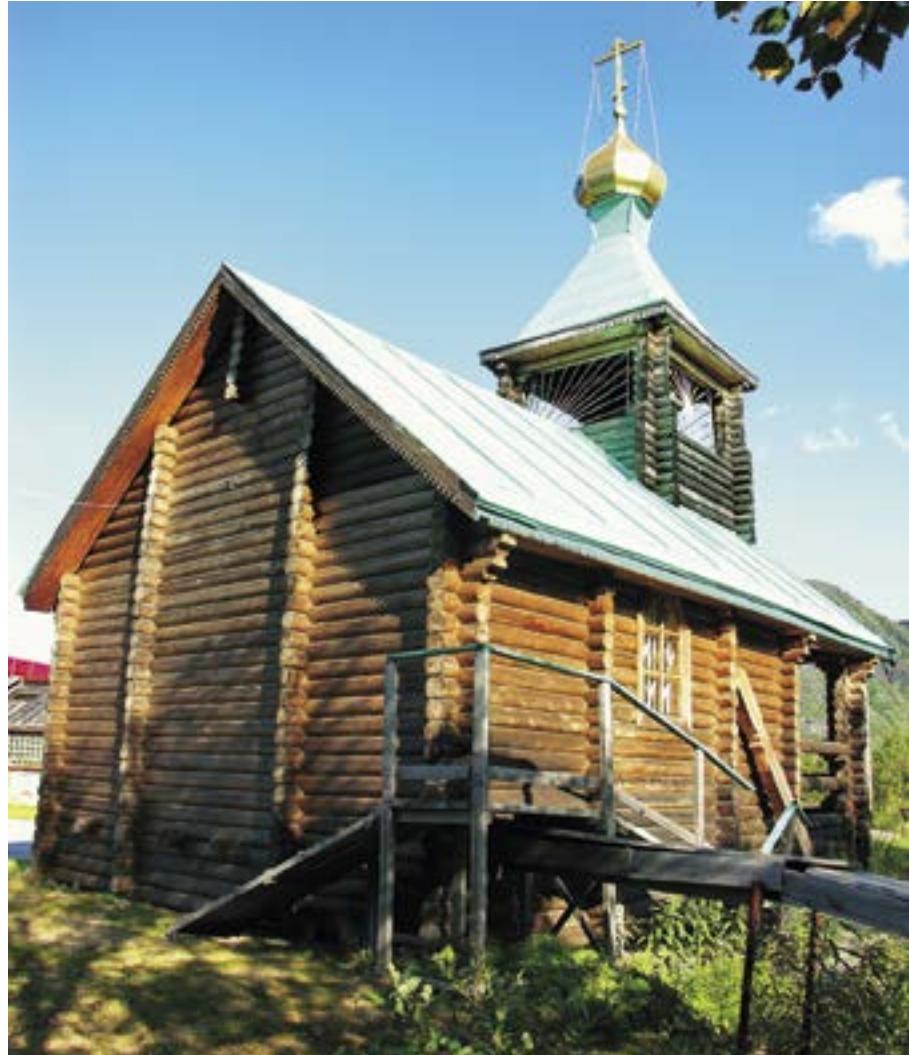
– Потепление будет или похолодание – неизвестно. Мнения ученых расходятся. Но в любом случае с климатом что-то происходит. Известно, например, что в XVI веке на берегу Баренцева моря росли корабельные сосны. А в последние столетия – там голая тундра. Чтобы прогнозировать, как будет меняться флора с изменением климата, у нас ведутся многолетние фенологические и метеорологические наблюдения почти со времени основания сада. Это – ценнейший материал, большая часть которого еще не использована. В 90-е годы к нам не раз обращались с предложением продать эти архивы. Мы, конечно, никогда на это не пойдем.

Помимо обработки архива мы ведем и практическую работу. Генетически одни и те же растения были посажены на экспериментальных площадях на разных широтах. Всего восемь территорий при различных монастырях – самая северная находится в Трифоно-Печенгском монастыре на северо-западе Мурманской, самая южная – в селе Елизарьево Нижегородской области.

– Почему при монастырях?

– Во-первых, там порядка явно больше, чем в миру. Многие возрождаемые монастыри Севера очень заинтересованы в вос-

Часовня на территории сада, освященная в честь преподобного Сергия Радонежского – покровителя студентов и ученых

становлении садов и зеленом строительстве, поэтому в их интересах иметь собственные питомники, которые можно со временем использовать для озеленения. Мы же проводим на них свои исследования.

– В музее ботанического сада я видел стенд, посвященный гарденотерапии...

– Это самое новое направление нашей работы. Несмотря на то, что на Западе, в частности в США, гардено-, то есть садовая, терапия, или лечебное садоводство, распространено во многих ботанических садах, в России им занимаемся только мы и ботанический сад Иркутского госуниверситета. В целом гарденотерапия – это комплекс методов воздействия на психику и нервную систему человека через общение с растительным миром. На Западе методики гарденотерапии в основном имеют активный характер – по существу, это сельскохозяйственная трудотерапия: пациент сажает растение и ухаживает за ним. Здесь механизм воздействия на человека более или менее понятен. Однако существует и другое направление пассивной гарденотерапии, лечебный эффект которой достигается простым созерцанием определенного ландшафта. С научной точки зрения это многое интереснее, так как здесь мы имеем дело с проблемой фундаментальных основ визуального восприятия человеком пространства. Это и является главным направлением наших исследований, хотя элементы трудотерапии мы также используем.

– Но, кажется, психологическое воздействие окружающей природы на человека было известно еще в Древнем Египте...

– И в античной Греции. А в наше время к этой проблеме близко подошел академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в 80-х годах прошлого столетия. В частности, он считал, что на формирование поэтического таланта Пушкина, парадоксально сочетающего легкость слога с философской глубиной, значительное влияние оказало расположение Лицея в Царском Селе – на границе двух парков, Екатерининского и Александровского, оформленных в принципиально разных архитектурных традициях барокко и классицизма. В 90-х годах крупнейший российский математик и ракетостроитель академик Б.В. Раушенбах создал математическую модель перспективы и пространственных построений в различных школах живописи. Его теория была положена в основу наших исследований по конструированию лечебных ландшафтов.

Конечно, теоретическое решение этой проблемы пока еще в далекой перспективе, но уже сейчас ясно, что люди с разными психоневрологическими нарушениями воспринимают пространство по-разному. К настоящему времени мы уже разработали три реабилитационные программы, сочетающие пассивную (созерцательную) и активную гарденотерапию. Одним из методов, который мы

сидя в теплую и солнечную погоду у альпийской горки, переносясь на тысячи километров к югу

наблюдение действий энтомофагов на листе, пораженном вредителем

используем, является построение миниатюрного ландшафта самим пациентом. Например, в ящике с песком подопечному предлагается создать свой мир – домик, речку, горы, деревья. И кстати, часто получается так, что со стороны и не скажешь, что автор – человек с психическими нарушениями. Эти программы были одобрены тремя региональными министерствами – здравоохранения, образования, труда и социальной защиты. Апроба-

ция программ проводилась на базе двух специализированных интернатов, и в результате в прошлом году мы стали лауреатами конкурсов «100 лучших товаров и услуг Мурманской области» и «100 лучших товаров России». В своей научной работе мы активно сотрудничаем с Мурманской областной психиатрической больницей, а круг социальных учреждений, заинтересованных в использовании наших методик, непрерывно расширяется. Сейчас спрос на эту форму услуги уже значительно превышает наши возможности. География работы также расширяется: минувшим летом наши сотрудники с успехом поработали в детских учреждениях российского поселка Баренцбург на Шпицбергене. В перспективе мы планируем организовать учебно-оздоровительный комплекс на базе нашего ботанического сада.

– Получается, лечебное садоводство в таком общем виде у вас уже заработало. А как обстоит дело с лечением конкретных психических расстройств?

– Для этого требуются более детальные исследования, а для них – более серьезная база. В связи с этим сейчас мы ведем переговоры с одним из крупных психоневрологических интернатов для детей Санкт-Петербурга.

– А все-таки, как вы считаете, почему растения сами по себе обладают способностью лечить?

– Это один из тех вопросов, на которые современная наука до сих пор не имеет ответа. Тонкое взаимодействие человека и растения – чрезвычайно сложная область, и до сих пор мы имеем только факты, не находящие объяснения. Мы уже говорили о том, что успех работы растениевода определяется не только доскональным выполнением агротехнических приемов, но прежде всего чувствами любви и уважения к своим зеленым питомцам. И растения откликаются на эти чувства, врача и защищая нас от разрушительных сил нашего тревожного мира. ■

СИНИЙ КИРАСИР

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«А ВЫ ЧИТАЛИ ГАЛИЧА?» – СПРОСИЛ МЕНЯ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ОДИН ОЧЕНЬ УВАЖАЕМЫЙ МНОЮ ЧЕЛОВЕК. Я ЗАТРУДНИЛСЯ С ОТВЕТОМ. ПОТОМУ КАК ФИЛЬМЫ ПО СЦЕНАРИЯМ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА, КОНЕЧНО, СМОТРЕЛ. «НА СЕМИ ВЕТРАХ», НАПРИМЕР. ПЕСНИ? СЛУШАЛ. «А ЧТО У ПАПЫ У ЕЕ ТОПТУН ПОД ОКНАМИ», В ЧАСТНОСТИ. ДА И КТО В 60-70-Е НЕ СЛУШАЛ ПЕСНИ ГАЛИЧА? НО ЧТОБ ЧИТАТЬ?

Георгий
Иванович
Гончаренко
(1877–1940)

У БЕДИВШИСЬ, ЧТО Я в растерянности, уважаемый мною человек улыбнулся и снизошел: «Я говорю о другом Галиче. Юрии. Или, если угодно, о генерале Георгии Гончаренко...» Так началось знакомство. Через время. Через эпоху. Посредством литературы.

Первым делом принялся узнавать, где и каким образом можно познакомиться с творчеством Юрия Галича. Довольно скоро выяснилось, что это почти исключено. «Автор неизвестен» – таков был общий вердикт специалистов в книжных магазинах Москвы и Петербурга. Интернет-магазины и интернет-библиотеки мои запросы игнорировали. Осталось последнее средство: особые отношения с некоторыми сотрудниками Российской государственной библиотеки.

В РГБ не подвели. Оказалось, есть в хранилище штучные экземпляры романов, написанных Юрием Галичем. «Звериада. Записки Черкесова», «Синие кирасиры. Лейб-регiment», «Красный хоровод», изданные крайне скромными тиражами в давно погибшем рижском изда-
тельстве в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века.

Уже одни названия кое-что прояснили. Начало XX века. Империя. Гражданская война. Октябрь 1917-го...

Я читал ксерокопии запоем. И, будучи уже весьма пожившим человеком, чувствовал, как переношусь в годы, именуемые нынче застойными. Тогда мы жили в очередь за машинописными копиями Булгакова и Набокова, Цветаевой и Мандельштама. С тех пор как-то не приходилось читать книги, распечатанные на отдельных листах формата А-4.

Но глаз привык быстро...

Потом, проглотив все романы трилогии, я все пытался определить, почему так жадно впитывалось читаемое. Пришло время – и понял. Галич писал в редком жанре. По некоторым признакам – роман, беллетри-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стика. По другим – чистая мемуаристика, документальщина. И это сочетание, весьма нелегкое для литератора, – его авторское кредо. Когда вымышленные персонажи живут в реальных обстоятельствах, когда существовавшие люди оказываются в вымышленных ситуациях, когда правда судьбы и правда прошлого совпадают полностью – все сплетено, спутано, связано. И при этом есть ясное ощущение, что так оно и было когда-то.

Вообще-то художественное писательство в офицерской среде Русской императорской армии не приветствовалось. Это еще Лермонтов на себе почувствовал. Были, конечно, исключения. Петр Краснов, например, который сколько служил, столько и печатался. Еще – морской бытописатель Константин Станюкович. Вот и Георгий Гончаренко – из таких. Поэтому и пришлось взять литературный псевдоним – Галич.

Гончаренко появился на свет в 1877 году в семье потомственных дворян Полтавской губернии. Отец – офицер, воевал в последнюю русско-турецкую войну. Мать, урожденная Добровольская, с самых ранних лет старалась развивать в сыне художественные наклонности, мечтала отдать его учиться в Александровский лицей. Не сложилось. Отец ушел из жизни, когда Юре едва исполн-

нилось 9 лет, семья оказалась в сложном финансовом положении, и мальчика отдали в Полоцкий кадетский корпус. Стезя определилась.

После корпуса, который Георгий окончил с отличием, – Николаевское кавалерийское училище. В романе «Звериада», в котором описываются два года в юнкерах, рефреном проходит любовь Гончаренко к творчеству Лермонтова. Не исключено, что выбор военного училища был связан именно с тем, что когда-то Славную школу (так на армейском жаргоне называли Николаевское кавалерийское. – Прим. авт.) окончил и великий русский поэт. Правда, Лермонтов вышел в 1834 году корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, а Гончаренко – в 1897-м корнетом в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества. Но полки друг друга стоили.

«Синий кирасир»! «Гатчинский кирасир»! Об этом мечтали мно-

Полоцк.
Здание
кадетского
корпуса

Гатчина.
Кирасиры Ее
Императорского
Величества.
Конец 1890-х
годов

гие в те годы. «Синий» – потому что таким был цвет приборного сукна у кирасир Ее Величества. «Гатчинский» – потому что полк многие десятилетия, начиная с 1822 года, дислоцировался в Гатчине, в 40 верстах от Петербурга. Полк имел старшинство с 1704 года. В 1733-м, еще при Анне Иоанновне, получил почетную приставку «лейб», означавшую особую близость к императорскому двору.

О престижности службы в «синих кирасирах» говорит хотя бы тот факт, что в одно время с Гончаренко белую фуражку с синим околышем носил и младший брат Николая II, наследник престола великий князь Михаил Александрович. Еще одна маленькая деталь. В 1881–1883 годах полком командовал генерал-майор Александр Михайлович... Лермонтов.

После Славной школы в жизни Георгия Гончаренко наступило славное время. Довольно скоро он поступил в Академию Генерального штаба, позже окончил Офицерскую кавалерийскую школу – учебные заведения, готовившие офицеров для высоких командных должностей в строю и при штабах. Женился по любви на дочери боевого генерала Гошовта Елизавете Иосифовне. На свет появились дочери: Наталья и Татьяна. В 1907 году Гончаренко издал в Петербурге первую книгу стихов – «Вечерние огни». А вскоре покинул Гатчину и перевелся из гвардии в армию. Подполковник Гончаренко принял должность начальника штаба Усть-Двинской крепости в Латвии.

В крепости Гончаренко «разошелся». Он не только активно работал по специальности, но и взял на себя миссию художественного руководителя гарнизона. Устраивал поэтические чтения и лекции по истории, олимпийские игры и охоты. Организовал синематограф.

Первую мировую войну Гончаренко встретил в чине полковника. И начал проситься на фронт. Как прекрасно подготовленный кавалерист, он рассчи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

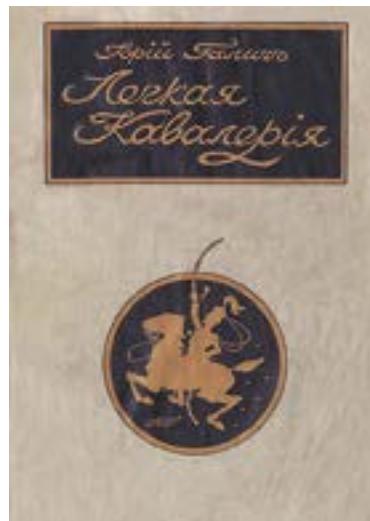
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тывал принести максимальную пользу в этом роде войск. Так оно и случилось. Более года Гончаренко командовал 19-м Архангелогородским драгунским полком. Работа на передовой была отмечена двумя наградами: орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и Георгиевским оружием.

Дважды полковник Гончаренко отказывался от перевода на более высокую должность. Не хотел расставаться с архангелогородцами. Но в 1916-м его все-таки переводят начальником штаба во 2-ю кавалерийскую дивизию, производят в генерал-майоры. Спустя два месяца после Февральской революции Гончаренко – начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса.

На этом собственно военная карьера и заканчивается. Генерал еще числится на службе, сначала – у Советов, потом – в резерве при штабе главкома Вооруженных сил Юга России Деникина, потом – резервным генералом Приамурской земской управы Дитерихса. Но соответствующего места в Белом движении Гончаренко себе так и не нашел.

Кавалерийский полк в походе.
Июль 1916 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рига. Александровский бульвар. Соборъ.
Riga. Alexanderboulevard. Kathedrale.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Почему? Не верил в перспективу? Навоевался? Не сложились отношения с руководителями? Просто не везло? Так, пока он добирался до штаба Колчака, сам адмирал уже был арестован в Иркутске.

Правды мы уже никогда не узнаем. А в своих подчас очень биографических рассказах генерал эту тему обходил стороной. Писал только о том, сколько лиха хлебнул, пытаясь вырваться из красного хоровода, опоясавшего Центральную Россию. Писал без сантиментов и гнева – правду писал. В 1923 году из Китая Гончаренко прибыл в Ригу. Город, который он хорошо знал после нескольких лет службы в Усть-Двинской крепости. Город, в котором не было красных. Вернулся один, без жены. Елизавета Иосифовна погибла от тифа весной 1919 года в советской тюрьме. Ее арестовали как заложницу, когда выяснилось, что муж оказался в армии Деникина. Даром что в резерве. Надо признать, эмиграция не стала для Гончаренко испытанием столь же суровым, как, скажем, для галлиполийцев или обитателей острова Лемнос. Он получил разрешение на пребывание в Латвии и почти сразу нашел достойную работу: инструк-

тором верховой езды в Рижском военном училище. В том же, 1923 году в эмигрантской газете «Сегодня» напечатали его первый очерк, посвященный последнему главкому русской армии, генералу Духонину.

Во второй половине 20-х Гончаренко-Галич превращается в профессионального литератора окончательно. И в том смысле, что работает над книгами не покладая рук, и в материальном отношении – начинает жить на литературные заработки. В 1927 году выходит в свет книга стихов «Орхидея», получившая одобрение Владимира Набокова, а также первый прозаический опыт – «Императорские фазаны». За семнадцать лет жизни в Риге Гончаренко выпустил 13 книг. Их раскупали не только в Латвии, где русская община была немногочисленна. Романы и рассказы переводились на другие языки, малыми тиражами попадали в руки тех, кто, как и Георгий Иванович, потеряв родину, остались русскими. Доходы, однако, были мизерные. В частности, по этой причине Гончаренко вел замкнутый образ жизни. Единственный раз проявил публичную активность, когда в

Рига.
Начало XX века

связи с 60-летием дал интервью одной рижской газете.

В 1939 году Латвия стала советской республикой. И началось неизбежное. Остается удивляться, что повестку из рижского НКВД Гончаренко получил только осенью 1940 года. Есть официальная версия развития событий. Согласно ей 63-летний писатель, справедливо полагая, чем кончится для него визит в органы, покончил с собой.

Есть и другая точка зрения. В одном из рассказов Георгий Иванович вспоминал о сослуживце по гвардейской кавалерии. Блестящий в прошлом офицер, любимец женщин и прекрасный всадник, неоднократно побеждавший на императорских скачках, оказавшись в эмиграции в Риге без видимых надежд на будущее, однажды вечером заказал в номер бутылку приличного вина, переоделся в черное шелковое белье и пустил себе пулю в лоб. Так вот, исследователи жизни и творчества Гончаренко уверены, что сотрудники НКВД повторить поступок сослуживца генералу не позволили. А убийство попытались представить как добровольный уход из жизни.

Похоронили Гончаренко-Галича в центре Риги, на Покровском кладбище. Священник отец Алексей Тихомиров провел отпевание раба божьего Георгия по православному канону. Видать, тоже не верил в самоубийство.

Могилу дважды разоряли. Да так, что приехавшая в Ригу из Ленинграда дочь писателя Наталья Георгиевна найти ее не смогла. Но нашлись люди, помнившие место. В 2002 году могилу восстановили. Теперь тем, кто хочет отдать дань памяти русскому генералу Георгию Гончаренко, есть куда прийти.

А тем, кто хочет познакомиться с творчеством замечательного русского писателя Юрия Галича, сделать это тоже стало значительно легче. В 2012 году в книжных магазинах появился 4-томник писателя. Хотя эти книги Галича раскупаются мгновенно. Как и прижизненные тиражи.

однолюб

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВА

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ НЕОЖИДАННО, НЕ ДОЖИВ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ ДО СВОЕГО 65-ЛЕТИЯ. В НЫНЕШНEM ГОДУ ЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 90. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПРОШЛО СО ДНЯ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО АРТИСТА, А ЕГО КИСА ВОРОБЬЯНИНОВ ИЗ «12 СТУЛЬЕВ», ЛЕЛИК ИЗ «БРИЛЛИАНТОВОЙ РУКИ», ТЕСТЬ СЕМИЦВЕТОВА ИЗ «БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ» И, КОНЕЧНО ЖЕ, ВОЛК ИЗ «НУ, ПОГОДИ!» НИСКОЛЬКО НЕ ПОСТАРЕЛИ. ОНИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЫЗЫВАЮТ ВОСТОРГ И СМЕХ. НО САМ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ БОЛЬШЕ ЛЮБИЛ ДРУГИЕ СВОИ РОЛИ – СЕРПИЛИНА ИЗ «ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ», ДУБИНСКОГО ИЗ «БЕЛОРУССКОГО ВОКЗАЛА» И КОПАЛЫЧА ИЗ СВОЕГО ПОСЛЕДНЕГО ФИЛЬМА, «ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 53-ГО».

ОН МНОГО СНИМАЛСЯ, НО НИКОГДА не уходил из своего родного Театра сатиры. «Я – однолюб: одна женщина, один театр», – говорил он о себе. Со своей супругой Надеждой Карагаевой Анатолий Дмитриевич познакомился еще в институте и прожил с ней до своего последнего дня.

– Надежда Юрьевна, а как произошло ваше знакомство?

– Я окончила школу перед самой войной. И решила поступать в ГИТИС. Сдала экзамены, и нам сказали: «Приходите 22 июня, мы вывесим списки». Я и пришла. Оказалось, меня приняли. Но театр уезжал в эвакуацию, а первый курс не брали. Я уехала с мамой в Новосибирск, окончила там курсы медсестер и стала работать в санитарном поезде. Полтора года там отработала. Всякое бывало: и под бомбёжки не раз попадали, и к передовой приближались. А потом я вернулась в Москву. Попала в ГИТИС. К этому времени институт вернулся из эвакуации, и Иосиф Моисеевич Раевский, который у меня принимал экзамены, вспомнил меня и предложил мне учиться. Из санпоезда меня от-

пустили, и я стала студенткой. Ходила в военной форме и полушибочке. А когда я была на втором курсе, появился Анатолий Дмитриевич.

Он был немного старше меня, школу окончил раньше. В институт не поступал, играл в народном театре клуба «Каучук». А потом его призвали. Ребят 1922 года брали на фронт в июне 41-го в первую очередь. Он попал в самое пекло. Папанова «накрыло» возле городка Ямы. Прямое попадание снаряда в окоп уничтожило остатки его роты. Толя долго лечился: у него было очень тяжелое ранение – на ноге не было нескольких пальцев. После госпиталя его комиссовали, и он пришел в ГИТИС. Прием давно закончился, но Михаил Михайлович Тарханов его прослушал и сказал: «Я бы тебя взял, у нас мужиков совсем нет. Но ты же с палочкой ходишь». А Толя ответил: «Вы только возьмите. Я все сделаю и хромать не буду». Так он попал на наш курс.

– Наверное, девушки сразу на него внимание обратили?

– Да ничего подобного. Он пришел в линялой гимнастерке, худой, только нос торчит. Девчон-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ки у нас хорошенькие, нарядные, я одна в военной форме. Вот он ко мне и подошел. Спрашивавет: «Ты чего в военной форме ходишь?» Я говорю: «Да я в санитарном поезде была». Он обрадовался: «Ну, хоть есть с кем поговорить». Так мы и начали разговаривать.

— У вас была любовь с первого взгляда?

— Нет. Мы просто стали общаться, дружить. Оказалось, мы с ним рядом жили и даже учились в одной школе. Тогда ходил трамвай через Арбатскую площадь, и мы с ним на трамвае после занятий вместе ездили и разговаривали. Он меня стал провожать. Я его со своей мамой познакомила, он меня — со своей. Мы с ним подолгу стояли в подъезде, никак проститься не могли. А ведь шла война, был комендантский час. Я ему иногда говорила: «Толя, уходи скорей, а то домой не попадешь». А он лишь отшутивался: «Да я тут все дворы знаю».

— И долго вы так дружили?

— Довольно долго. У Толи был друг, Коля Щербаков, племянник Ворошилова. Он никакого отношения к театру не имел, учился в Военной академии имени Фрунзе. Как-то Толя пригласил его в институт на вечер. Этот друг стал за мной ухаживать, стал Толе говорить: «Какая Надя Карапаева у вас девушка хорошая. Она мне так нравится». А Анатолий Дмитриевич мне потом рассказал: «Я слушал друга и думал: я-то что же, дурак, эту девушку проглядел». И с того вечера стал за мной ухаживать. Как-то Коля пригла-

сил нас с Толей к Ворошилову домой. И там сделал мне предложение. Я ничего ему не ответила, но Толе об этом рассказала. А он меня спрашивает: «Ну и что? Он тебе нравится?» Я отвечаю: «Нет». И вдруг он говорит: «А чего ты думаешь? Выходи за меня. Ты мне тоже очень нравишься». Он был очень стеснительный и все никак не мог мне признаться. А я-то уже была влюблена в него. В его талант. К тому времени он был у нас лучшим студентом. Он играл и стариков, и молодых и так здорово придумывал этюды. Когда он играл, на него прибегали смотреть даже студенты с других курсов.

— Как отнеслись ваши родители к жениху?

— Мама сказала: «Ну, если вы так друг друга любите — женитесь». А потом наедине мне говорит: «Парень-то он, видно, хороший. Только очень уж некрасивый. Ты не могла кого-нибудь покрасивее выбрать?» Я аж взвилась: «Мам, ну ты что! Знаешь, какой он талантливый. Мне, кроме него, никто не нужен». В молодости Анатолий Дмитриевич действительно красотой не блестал. Он стал выглядеть интереснее с возрастом.

— На вашей свадьбе, наверное, гулял весь курс?

— Мы расписались в мае 1945 года, вскоре после Дня Победы. Свадьба была скромная. Толя принес маленький букетик ландышей. Дома сделали винегрет, купили водки по карточкам — вот и все угощение. Из гостей была только Толина мама и мои родственники.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Жить мы стали у меня – у нас была комната в коммуналке. Мама ее перегородила, и Толя к нам переехал. Он любил общаться с нашими соседями. Выходил на кухню и разговаривал с ними. Как-то спросил у одного: «Что ты все на кухне сидишь? Взял бы книгу, почитал». А тот ему: «Да ну, Толич, не люблю чужим умом жить». Толя очень смеялся. Все персонажи нашей коммуналки потом, в актерской жизни, ему очень пригодились. Колоритные были типы.

– После окончания института ваши курсы отправился в Клайпеду. Неужели Анатолию Дмитриевичу не предложили остаться в Москве?

– Его единственного сразу пригласили два московских театра. Да еще каких! Малый и МХАТ. Но меня-то туда никто не приглашал, вот Толя и уехал вместе со мной в Клайпеду.

– Но он же мог попросить, чтобы вместе с ним взяли и вас...

– Нет. Он никогда не просил за своих – ни за меня, ни за Лену (Елену Папанова, дочь А.Д. Папанова, актриса Театра имени Ермоловой. – Прим. авт.). Стеснялся. Наверное, был так воспитан. Когда Лена окончила ГИТИС, Наталья Селезнева его спросила: «Вы будете просить, чтобы Лену взяли в наш театр?» А он говорит: «Нет». Я спрашиваю: почему ты говоришь нет? А он отвечает: «Здравствуйте, ты здесь работаешь, а еще Лена будет. Плохо Лена сыграет, скажут: «А, дочка Папанова плохо

сыграла». Хорошо Лена сыграет, скажут: «Ну, конечно, не так уж она хорошо сыграла, но она же дочка Папанова». Не нужно мне этого. Пускай сама устраивается». Помню, был у нас в театре смешной случай, когда распределяли роли в пьесе «Гнездо глухаря». Автор, Виктор Розов, сразу сказал, что он хочет, чтобы героя играл Папанов. Пьесу прочитали на труппе. После этого к Толе подходит Аросева и говорит: «Толя, я так хочу сыграть твою жену. Я так давно ничего не играла». А мы с ней дружили. Даже отдыхать вместе ездили. Я, естественно, подхватываю: «Ну, конечно, Толя, похлопочи за нее». Он пошел к Плучеку (главный режиссер Театра сатиры. – Прим. авт.). Возвращается, ворчит: «Ты вечно меня втравишь во что-нибудь. Я попросил, а Плучек отвечает: «Ты с ума сошел. Я хочу, чтобы Надя эту роль играла». – «А ты что?» – «А я что – ну, если хотите, пусть она играет».

А в Клайпеду он поехал только из-за меня. Расставаться не хотел. Но через год его пригласили в Театр сатиры.

– Он вам часто в любви признавался?

– Нет. Он был очень ласковый, но громких слов не любил. Но ведь судишь-то о чувствах не по словам, а по поступкам.

– А вы его не ревновали? Ведь его, наверное, поклонницы одолевали?

– Поклонниц было много, но он мне никогда не давал. Мы с ним никогда не

расставались. И нам не было скучно друг с другом. Мы и на гастроли ездили вместе, и отдыхали вместе. Очень любили Ялту. Он любил плавать не на общем пляже, а там, где народу нет. А по вечерам мы садились с ним на набережной, смотрели на прохожих и отгадывали, какие у кого профессии.

— Прямо идиллия какая-то. И никогда за более чем сорок лет никаких конфликтов?

— Были, конечно, когда в молодости он выпивал. Играли он в театре мало, я — без работы, никуда устроиться не могу. Вот он и начал к рюмке приставаться. Как-то даже попал в милицию. Выпил и сел на лавочку против какого-то управления милиции. К нему подошел милиционер и сказал, что здесь сидеть нельзя. А он в ответ схватил его за галстук. Ему дали 15 суток. В театре по этому поводу было собрание. Но он в то время уже был много занят. Поэтому он днем подметал улицу, а вечером его милиция привозила в театр, и он играл спектакли. Он так смешно рассказывал и показывал, какие там алкаши, что многие специально приходили его послушать. А как-то они с Евгением Весником выпили, и он исчез на несколько дней. Где я их только не искала! А оказывается, они отправились в Ленинград, посидели в поезде в ресторане, погуляли по городу и вернулись. Я очень страдала из-за этой его привычки. Но потом, когда у Толи умерла мама, он сразу завязал. Я его много раз после спрашивала: «Толь, может, ты обет какой-то дал?» А он отвечал: «Я больше не пью, и все тут. И никому не верь, что нельзя бросить пить. Нужны только сила воли и большое желание». Может быть, Бог помог. Анатолий Дмитриевич был верующим человеком.

— Он ведь никогда не был членом КПСС?

— Никогда. Хотя его очень уговаривали сделать это. В свое время Борис Рунге, партторг нашего театра, подозвал меня и сказал: «Надя, ну попроси ты его, чтобы он в партию вступил. И звания вам быстрее дадут. Все ведь уже вступили». Я попыталась его уговорить. А он ответил: «Никуда я не вступлю. Да бог с ним, с этим званием. Нужно будет, дадут и без партии».

— Анатолий Дмитриевич был компанейским человеком? У него было много друзей?

— Нет. Он был очень домашний. Всегда стремился домой. И любил одиночество. Среди артистов, пожалуй, кроме Евгения Весника, у него и друзей-то не было. Были школьные друзья... А в последние годы он дружил с Виктором Мережко. Они с женой приходили к нам в гости.

— Как Анатолий Дмитриевич любил проводить свободное время?

— Читал. Очень любил поэзию. Множество стихов знал наизусть. У нас тут было полное расхождение. Я стихи не любила.

— Кинематографическая слава Анатолия Дмитриевича началась с фильма «Живые и мертвые». Как он попал на эту картину?

— Можно сказать, случайно. Анатолий Дмитриевич сыграл в пьесе Назыма Хикмета «Дамоклов меч». А Назым Хикмет дружил с Константином Симоновым. Он пришел на спектакль, ему очень понравился Папанов, и он сказал режиссеру Столперу, чтобы тот пригласил его на роль генерала Серпилина. И вот однажды в общежитии, где мы жили, раздался звонок с «Мосфильма». Папанова приглашали на пробы в фильме «Живые и мертвые» на главную роль, генерала Серпилина. Он отказался. Ему звонили несколько раз, и каждый раз он отказывался. Говорил: «Я был на фронте сержантом, не знаю, как играть генерала. Не буду». Симонов настаивал и хотел в этой роли видеть только его. А Анатолий твердил свое: «Я не знаю, как нужно генерала играть. Не буду». Наконец позвонил сам Александр Столпер. Я его уговаривала: «Толя, ну чего ты упираешься, сходи». Он пошел, взял сценарий, прочитал книгу. В конце концов согласился. А потом

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

сказал мне: «Я знаю, почему он меня пригласил на эту роль. Тут написано, что Серпилин был с лошадиным лицом и умными глазами». Симонов очень ценил его. К юбилею написал стихи, подарил свою трубку.

– Анатолий Дмитриевич всегда подчинялся режиссеру или мог вступить с ним в спор?

– Когда считал нужным, он мог и поспорить. Помню, в спектакле «Свадьба с приданым» Борис Равенских дал ему роль партнера. Начали репетировать. Толя говорит: «Борис Иванович, я так не могу. Ну что это за текст? Давайте я сделаю так, чтобы он по-человечески говорил. Я не хочу говорить эти картонные слова. Я придумаю ему характер». А Борис Иванович стоит на своем: «Нет. Или ты будешь играть так, как я говорю, или не будешь». И Толя ушел. Не стал играть этого партнера. Ввели другого актера.

– Как он готовил роли? Репетировал дома?

– Он любил грим. Иногда сам его придумывал. Роли учил дома или уходил в лес и учил их там. Дома мы с ним никогда не репетировали. Нам хватало репетиций в театре.

– А он хвалил вас за сыгранные роли?

– К нам с Леной он был строг. Когда меня Плучек хвалил, он говорил: «Ну что ты его слушаешь? Тебе еще знаешь сколько работать нужно?» Но если про меня кто-нибудь плохо говорил, он всегда меня защищал. А вообще, к актерам он относился очень нежно. Бывало, придет после просмотра и начинает то одного, то другого критиковать. А на художественном совете всех хвалит.

Я говорю: «Что ж ты ничего не сказал?» А он отвечает: «Надя, но ведь они играют плохо не потому, что они не хотят. Они не могут. За что ж их ругать, если они не могут? Я как Качалов. А Качалов, говорят, всех хвалил. Про него такая байка ходила: он встречает молодого актера и говорит: «Как вы замечательно играли». Рядом стоит еще один артист, он ему тоже говорит: «И вы замечательно играли». Тот отвечает: «Василий Иванович, а я там не играл». – «Но если бы играли, то играли бы замечательно».

– Какие из своих ролей он больше любил?

– Он любил характерные роли. Иногда говорил: «Как мне надоело играть смешных людей. Хочется сыграть что-то серьезное». Но в театре это ему редко удавалось.

– А у него никогда не возникала мысль перейти в другой театр?

– Никогда. Михаил Царев звал его в Малый театр вместе со мной. Обещал интересные роли. Он отказался. Сказал: «Что я туда приду – надо будет снова доказывать, какой я артист. Я – однолюб. У меня одна жена и один театр».

– Вы говорите, что он любил характерные роли и хотел сыграть что-то серьезное. А как он относился к своему Волку из «Ну, погоди!»?

– Вначале задумывался всего один фильм про Волка, а потом второй, третий – и пошло. Они даже сделали два фильма после его смерти. Толя был очень талантливым комедийным актером. Его герои всегда вызывали смех. Но в жизни он был крайне порядочным и застенчивым челове-

ком. По улицам ему было ходить невозможно, все показывали пальцем и говорили: «Вон Волк пошел». Его это смущало и раздражало. Он старался надвинуть кепку пониже, поднять воротник. Он не любил, когда его на улицах узнавали. А после выхода на экраны «Бриллиантовой руки» к нему мог подойти незнакомый человек и сказать: «Усе, шеф. Береги руку, Сеня». Многие реплики в фильмах Толя придумывал сам.

— О его чувстве юмора ходили легенды...

— Как-то на одном из сборов труппы Валентин Плучек рассказал, что был за границей и смотрел спектакль, который поставил его двоюродный брат Питер Брук. Он говорил, какой это замечательный спектакль, какие там заняты театральные звезды и как бы ему хотелось поработать с ними. Папанов тут же отреагировал: «Знаете, Валентин Nikolaevich, мы бы тоже хотели поработать с Питером Бруком, а работаем только с его двоюродным братом».

— Анатолию Дмитриевичу, видимо, было тесно в рамках актерской работы. Он поставил свой первый спектакль, который так и не увидел. И кажется какой-то мистикой, что спектакль этот называется «Последние». Почему он выбрал именно эту пьесу?

— Он любил драматургию Чехова и Горького. Для своего режиссерского дебюта выбрал «Последних». Сказал: «Мне хочется поставить серьезный спектакль». Актеры, которые были заняты, рассказывали, как он к ним бережно, по-отечески относился. Как-то Плучек смотрел репетицию и сделал актрисе Свете Рябовой замечания. Она заплакала. Толя ее при всех стал успокаивать: «Светочка, не плачь. Ты не виновата, это я виноват, я не так тебе объяснил. Мы все с тобой переделаем». Потом он мне сказал: «Послушай, какой я финал придумал. Когда Яков умирает, церковное пение должно звучать. Сначала тихо... потом громче, громче... и в темноте свечи горят... много свечей... Я хочу, чтобы этот спектакль заканчивался молитвой». В те времена это было сложно. Он пошел на радио и нашел запись — Шаляпин поет молитву. Этой записью и завершался спектакль. Никто против Шаляпина ничего не имел. Все удивлялись, что Анатолий Дмитриевич придумал такую концовку.

— Последнюю свою роль Анатолий Дмитриевич сыграл в фильме «Холодное лето 53-го». Режиссер рассказывал, что у него как будто было предчувствие смерти. Он даже попросил показать ему могилу своего героя. А у вас перед фильмом не было никаких предчувствий?

— Я не хотела, чтобы он снимался в этом фильме. Он очень много работал. А тут ему дали два сценария — один из колхозной жизни, а второй этот. Я стала его уговаривать поехать отдохнуть в Ялту. За год до этого у меня умер отец,

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

и мы не смогли отдохнуть. А тут я купила путевки, а у него опять съемки. Он всегда со мной советовался. А тут сказал: «Ты мне всегда правильные советы давала. А тут ты не понимаешь. Ты ошибаешься». Ему очень захотелось сыграть эту роль. Но у меня не было никакого дурного предчувствия. Мы поехали на гастроли в Вильнюс. Как-то он мне говорит: «Знаешь, что-то я себя плохо чувствую». Мы зашли к врачу. Оказалось, все ушли на собрание, попросили подождать полчасика. А он сказал: «Не буду я ни-

чего ждать. Пойдем домой, пообедаем, и я лягу отдохнуть». Я ему на гастролях всегда сама готовила. Брала с собой кастрюльки, кипятильник. Нас всегда прикрепляли к хорошей столовой, но он предпочитал есть в номере мою еду. Говорил: «Не люблю, когда мне в рот смотрят». На боли в сердце он никогда не жаловался. Он занимался гимнастикой, утром обязательно делал зарядку, плавал на даче до осени. Никогда не лежал в больнице. И вскрытие показало, что инфаркта у него не было. Это какое-то нелепое стеченье обстоятельств. Горячую воду отключили, он встал под холодный душ, и у него остановилось сердце. Мне сказали, если бы кто-то был дома, он, может быть, остался бы жив. Ужасная нелепость.

— Говорят, его последний гонорар за картинууворовали?

— Да. Мы даже не знали, что он его получил. Он обычно клал деньги под вазочку. Видимо, и на сей раз он их туда положил. Но когда мой зять нашел Анатолия Дмитриевича, он вызвал скорую. Кому бы пришло в голову думать в этот момент

о деньгах? Они исчезли. Мы узнали о них лишь после похорон. Но нам было не до этого. Я даже не помню себя в тот момент, когда мне сказали о смерти Толи. Мне потом рассказали, что я билась головой об стену и кричала: «Этого не может быть! Этого не может быть!»

— А что же вам помогло справиться с горем?

— У меня же дочь и внучки. Они помогли. А потом муж подруги мне привез роскошную вязальную машину. Вначале ко мне приходила преподавательница. Затем я год ходила на курсы. На даче и здесь вязала постоянно. Это как-то отвлекало. И, конечно, работа. В спектакль «Родненские мои», где мы с Толей играли супругов, вместо него ввели другого актера. Мне было очень сложно играть с ним. А когда речь зашла о «Гнезде глухаря», Плучек меня спросил: «Ты не возражаешь, если в «Гнезде глухаря» я вместо Анатолия Дмитриевича введу Менглете?» Я ответила: «Не возражаю. Только я не буду играть». Тогда спектакль сняли. Сейчас я играю только фрекен Бок в спектакле «Малыш и Карлсон».

ПУТЕШЕСТВИЕ РУССКОГО ХРАМА

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

УДИВИТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ТРИПТИХОМ ЗАИГРАЛО-ОБЕРНУЛОСЬ ВОЗВЕДЕНИЕ ХРАМА НА ЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ. В ОДНУ ПОВЕСТЬ СЛОЖИЛИСЬ ПЛАНЕТАРНЫЕ ПРОСТРЕЛЫ: КАРЕЛИЯ – ЕНИСЕЙ – АЛТАЙ, – ЕЩЕ РАЗ НАПОМИНАЯ НАМ, ЧТО ПУТИ ГОСПОДНИ И СУДЬБЫ ЧАД ЕГО НЕИСПОВЕДИМЫ.

МЕЧТА

Все началось с идеи создания музея енисейской традиции в нашем селе. Не переставая удивляться терпеливой и творческой душе наших предков, мы собрали замечательную коллекцию предметов промысла, выживания, быта. Но все до поры не ладилось, и стройка нового здания обернулась навязчивой проволочкой, будто чего-то главного не хватало для воплощения хорошей и своеевременной задумки. Этим главным оказалась другая стройка, о которой и пойдет речь.

Мечта возвести храм в родной Бахте давно и незримо стояла в душе, но от мыслей до дела пропасть лежала. Однако необходимость благого этого дела подступала все настойчивей. После открытия русских границ в конце XX века в Сибирь и самые отдаленные ее районы хлынула обильная душевластивущая шантрапа. Кого только здесь не перебывало, каких только фантасмагорических картин мы не насмотрелись: баптисты, зафрахтовавшие целую самоходочку и поднявшиеся аж по Подкаменной Тунгуске, китайцы, поющие под гитару псалмы на английском языке, католический священник, ведущий проповеди в сельском клубе в промежутках между дискотеками, пятидесятники, прочно обосновавшиеся в Туруханском районе, заведшие своих приверженцев во многих поселках и охмурившие изрядное количество кетов – реликтовой коренной народности, численность которой вот уже век держится в пределах тысячи человек.

Однако ситуация, набрав критическую массу, изменилась, да и зараза безбожия, как оказалось, прилипла далеко не ко всем енисейцам. Православие, тихо тлевшее в потерянных душах, потихоньку вернулось – через родовую память, через беды-горести, через духовную зрелость поколения – то домашними молитвами одиноких женщин, то заездом так и не прижившейся странной пары, последователей опального Диомида. Вскоре открылся и молельный дом, в котором благочинный отец Агафонгел вел службы, прилетая на вертолете за 400 верст из Туруханска, где возродился монастырь.

Туруханский район – старинный промысловый край и обитель рыбаков-охотников. Огромная территория, раскинувшаяся на берегах таежного Енисея. Летом связь между поселками, или, по-старинному, станками, лишь пароходами по Енисею, зимой – по воздуху.

Есть что-то особое в истории православия в таких углах. Старинным духом веет от архивных записей, повествующих о закладках станов духовных миссий... Поражают жития сибирских святых – они будто не удалены от нас условностью эпох и расстояний, а возникли словно вчера в понятном и близком пространстве, явились огромно из бытового почти поворота, подчеркнув и близость, и пропасть между обычной жизнью и подвигом.

...Дивные, тревожащие душу слова: «воеводский двор, съезжая изба, соборная церковь» и контраст между нечеловеческими морозными просторами и тогдашим бытием – трудным, диким и пропитанным в ту пору лишь традициями самоедов. Где человек буквально размазан по снеговым нагромождениям гор, тайги и тундряков, огромных, укрытых льдом водных пространств, под тяжелейшим бытом, где полупрозрачным минералом сверкнет вдруг мясо дивной рыбы, темно и благородно отольется орехом соболя жаркая ость... Промысловые будни сель-

купов и эвенков, долган и нганасан, какой-нибудь ясашный остяк Ромашка Муксунов», живущий в мерзлой землянке, и вдруг с непоправимой упорностью – основание и жизнь монастыря или Архиерейского подворья, воздвигенного по всем правилам и невзирая на морозы да непогоды, на выступающее безлюдье и набеги «воровской са-мояди». Дорогого стоит такой контраст...

Где как не здесь особенно видна историческая роль православия для России! Когда синхронно с отрядами перво-проходцев двигалась в Восточную Сибирь и на Дальний Восток православная церковь и «крылатая птица Православия», по словам святителя Макария, уже начала простирать пречистую свою сень над немыслимыми и величими просторами... И очерк архангелогородских парусных кочей, идущих по Тазовской Губе закладывать Златокипящую Мангазею (первый русский город XVII века в Сибири. – Прим. ред.), неотрывно переплетен с корабельной статью рубленых поморских церквей...

Мангазея, отозвавшись на всю Сибирь, переедет с Таза в Стартуруханска на Турухане, а потом и на Енисей, на устье несравненной Угрюм-реки (Нижней Тунгуски), в село Монастырское – нынешний Туруханск. Туда же переместят мощи первого енисейского святого – Василия Мангазейского. По легенде, когда их везли по Турухану, цветы по его берегам дивные цветы.

Поморская седая жила не только корабельной походной нотой, купеческим корнем вживилась в полярный Ани-сей, но и навек влилась в здешний говор: «исть», «быват», «утка в море – хвост на угоре», «сивер» (направление ветра)... И даже в селе Ворогово, стоящем почти в полутора тысячах верст от Карского моря, протока меж коренным берегом и селом зовется Шаром.

КАТЕРОК

Летом 2008 года священник из Красноярска отец Даниил и настоятель храма в селе Ярцеве отец Сергий на небольшом потрепанном катеришке положили начало паломничеству и миссионерству, точнее, возродили их на Енисее, пройдя от Красноярска до Туруханска. С ними была москвичка Елена Тростникова – замечательная православная женщина, автор целой серии религиозно-просветительских книг, которые следовало бы издавать массовыми тиражами и распространять бесплатно. Елена Викторовна – человек глубочайшей культуры, литературно одаренный и сугубо верующий. Еще и в таком дефицитном сочетании особая ценность ее книг.

Паломники посетили и нашу Бахту. Встретились мы посреди поселка. Познакомились, разговорились, зашли ко мне домой. После отправились на катер и там долго сидели в тесном кубрике, где присоединились к нам и пожилой капитан, и матрос-мальчишка.

Словно огромные створы сошлились на берегах жизни, и от ощущения духовной и человечьей близости затрепетало в душе дорогое, сокровенное, словно с незнакомыми людьми ему доверчивей стало и свободней, чем в привычном и притертом кругу. Говорили о наболевшем, о судьбе Отечества, о неравном противостоянии любимого, родного и того циничного, чуждого, что такой болью отзывается в сердце любого чувствующего русского. И который раз за день возвращалась главная тема: дальняя и будто заповедная мечта построить храм и то, что пришло

для этого времени. Так хорошо было с внезапными этими гостями, что, не удержавшись, поделился я планами новой книги, прочитав строки из не готового еще стихотворения. Рассказал и о месте, подарившем эти строки, – о самой крайней точке нашего Отечества, острове Танфильева на юго-востоке Курильской гряды...

Там, на берегу Тихого океана, довелось мне испытать запредельное чувство Края с большой буквы, куда вмешается и край Родины, и край жизни, и край, над которым взвисла, как по-над пропастью, измученная человеческая душа.

Остров пустынен и гол. От южного охвостья до хоккайдского берега тут всего полторы мили. Именно здесь и стоит навсегда поразивший меня православный крест из грубого железа. Туманы наплывают на него сизыми пластами, и бирюзово-синий прибой оливает базальтовые глыбы, и они того же цвета, что на таежных речках, впадающих в Батюшку-Енисея... И к западу лежат за плечами острова-проливы и бескрайний пласт суши, вздыбленный горами, с городами и поселками по берегам диких рек, и вот из туманного морока медленно появляется и сам Батюшка-Енисей, великий путь, соединяющий Монголию и Арктику и делящий страну пополам. И образующий с немерным Транссибом гигантский крест, простирающий руки к двум океанам...

СИЛЬНО ДАЛЕКО К МОРЮ

Время пришло паломникам пускаться в путь, и настало прощание. Напоследок Елена сказала слова, с которых все и началось: «Ну, все, нам пора. А насчет храма – думай. И знай, что есть люди, которые могут помочь состройкой. Им не впервые. Приезжай в Москву – я тебя познакомлю со Светланой Покровской».

Светлана, представляющая Попечительский совет во имя святителя Алексия, оказалась маленькой женщиной, чей молодой и беззащитный вид и детская улыбка никак не вязались с тем, что ее стараниями строились храмы по России и окрестностям. Не укладывались в голове размахи задач, каждодневное нарастание-спад больших и малых вопросов и вопиюще хрупкий облик этой женщины. Однажды я долго не мог ей дозвониться: оказалось, она посреди бела дня потеряла сознание. На момент встречи у Светы и ее единомышленников шло возведение мощного храма в Таджикистане. Подвижническая деятельность этих небывалых людей, испытания, которые выпадают на их долю в не-посильных этих стройках, почти не вяжутся с нашим временем и достойны отдельного и глубокого повествования. В енисейском строительстве кроме Светы участвовали еще четыре человека. Да звучат в молитвах о здравии славные эти имена: Светлана, Антон, Елена, Никита, Игорь. К сожалению, нам так и не удалось повидаться с Еленой Тюриной из Петрозаводска, очень много сделавшей для стройки...

– Средства есть. Ну что, берешься? – сказала Светлана и добавила: – Только решай сейчас. Иначе деньги уйдут на другую стройку.

Не веря ушам, я спросил три дня на раздумья, за которые целую жизнь прожил. Обрушившееся на меня счастье обратилось одновременным смятением. Будто кто-то убеждал, что я духовно недостоин посланного послушания, что слишком много на себя беру и следует для начала обкатать волю на стройке музеиного комплекса, да и вообще добрать внутреннего ладу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Подготовку к стройке начали весной, когда в Бахту уже по воде приехал Виктор Иваныч Канаев, архитектор и православный человек из исчезающей уже породы русских, в которых глубочайшая культура сочетается с доскональным знанием дела... Дальше он работал в Таджикистане. Сначала речь шла о рубленом храме на мощном каменном цоколе и каменной колокольне, благо базальтовыми булыганами завален весь бахтинский берег. Потом, опасаясь затянуть стройку и завязнуть в масштабном проекте, решили срубить обычную деревянную церковь.

А пока с Виктором Иванычем искали место и изучали прозоры на храм – то с улиц поселка, то с фарватера... Заезжали на лодке, глушили мотор и, глядя на россыпь крыш с разных точек, представляли, как с проходящего судна будет глядеться острие колокольни. Чудное это дело – прокладывать пристрелы для очей и будто расчищать дорогу в прошлое к тем, кто веками строил по Руси храмы, созидал знакомый облик русского пейзажа.

Были выбраны три места. Какое именно утвердить, обсуждалось на поселковом собрании. Много несурзностей происходило в тот день в клубном зальчике. Вроде бы все хотели одного, но то оказывалось, что церковь перекроет доступ ветра к метеоплощадке, то помешает ребятне гонять в футбол. Нашлась и пара противников, выступавших с такой яростью, что казалось, бесы вселились в людей, вполне разумных в обычной жизни.

Место выбрали. В конце июня, неожиданно студеном и поморским промозглом, его освятил владыко Антоний, архиепископ Красноярский и Енисейский, следовавший по Енисею паломническим рейсом на пассажирском теплоходе. Потом работали над списком оборудования и материалов, запланировав завести в первый год все необходимое

для стройки. Необыкновенно воодушевила подмога Енисейского пароходства, предоставившего бесплатно судно с краном: в северных поселках нет ни причалов, ни специальной техники, и выгрузить что-либо на берег можно только судовым краном с хорошим выносом стрелы.

Одновременно работали над проектом храма. Строевой сосны в Бахте нет, здешние кедрины с прикорневыми дуплами тоже не шибко годятся для стройки, а главное, слаженной, опытной бригады на месте не сыскать. Поэтому с самого начала было решено готовить сруб в более подходящем месте. Еще в конце зимы я связался с алтайскими друзьями и вышел на бригаду, участвовавшую в стройке Свято-Троицкого храма для Антарктиды. Мне рекомендовали человека из Усть-Коксы, который обещал переговорить с мужиками-строителями. Воодушевленный, я стал ждать ответа. Больно хороша была спайка: Алтай, Антарктида, Енисей. Да и Усть-Кокса с Уймонской долиной и крепчайшим старообрядством тоже о многом говорила, хотя сруб для Антарктиды готовили не в Коксе, а в Кызыл-Озеке под Горно-Алтайском. Из алтайской затеи ничего не вышло: по поводу стройки на Енисее мужики сказали что-то вроде: «Сильно далёко к морю».

ВЕЛИКАЯ ГУБА

Света при всей женской хрупкости смотрела на вещи крепко и, чтоб не терять времени, склонилась к синице в руке, те есть к типовому проекту, который сработают опытные люди на месте, где есть строевой лес. Хотя обсуждались разные варианты, включая цилиндровку из Канска. Бревна цилиндруются, то есть обтачиваются под один размер, выходя будто из-под карандашной точилки. При этом нарушается заболонь, сокращая срок жизни строения. Да и выгля-

дит сруб больно аккуратно-игрушечно, не то что настоящий рубленый – с живой и неповторимой пластикой каждого ряда, с игрой бугристых утолщений, будто отлитых из сливочного масла и плавно обнимающих глазастые сучки. Идет время, приближается осень, и вдруг Светлана сообщает ошеломляющую новость: сруб будут рубить не в Красноярье и даже не в Сибири, а в далекой Карелии – в поселке Великая Губа на берегу Онежского озера в прямой видимости от знаменитых Кижей. Как? Почему? В такую даль? И как везти? – посыпалась со всех сторон вопросы. Зимой образовалась поездка в Москву и Великую Губу. Поездка удивительная – через Вологду, через Ферапонтов монастырь и дальше по северной какой-то соединительной дороге на Петрозаводск. Пустынная трасса в задумчивом коридоре инея... Серебряные березы, мачтовые высоченные сосны с картинными флагами редких крон... Русский Север, забытый за годы жизни в Сибири... В попутных музеях удивило, что экскурсруды, с такой подробностью и проникновением в тему, к примеру, фресок Дионисия, не являются верующими.

В Губе нас встретил Владимир Александрович Аверьянов – именно его бригада работала над срубом храма для Бахты. Володю мы оценили сразу – не каждый организует такую артель, приобщит к делу парней, увлечет и обеспечит заработком. Посмотрели уже готовую церковь на берегу Онежского озера – именно ее взяли за образец бахтинской. Нашу, правда, было решено удлинить на полтора метра. Ее сруб еще только рос, и удивительно молодыми и какими-то неоперившимися казались ходящие вокруг нижних венцов ребята. Сосна карельская хороша – что и говорит! Да и парни знали дело. Многое из того, что мы увидели, было новым: паз «овалили» носком бензопилы, и он выходил ровнее, чем из-под тесла-пазовки. Шины приходится менять – но

зато паз какой и сколько сил экономишь и времени! К плотницкому циркулю для разметки паза приматывали уровень – когда ведешь его по боку бревна, он норовит завалиться, гульнуть в руке, и черта сбиваются. Здесь это исключалось.

Володя устроил экскурсию по Кижскому музею деревянного зодчества. Виденный на картинках храм восхитил, так же как и стоящий рядом огромный поморского вида дом. Выяснилось, что большинство храмов здесь летние, так же как и большая часть помещений огромных домов – поди натопи такие хоромы! Семьи в старину были большие, сыновья на зиму отправлялись в Петербург на отхожие промыслы, а летом возвращались и жили в многочисленных светелках, помогая бате с покосом и прочими работами. И просто заворожила ветряная мельница: она вращалась на оси, и ее, подобно огромному флюгеру, подстраивали под ветер. За здоровенную вагу, как за ручку, ее поворачивал конь. Какое совершенство... Слияние назначения и красоты замысла... И что-то былинное... И связь с ветрами-пространствами... Задувающий северо-запад, фырканье коня... Со скрипом разворачивающаяся мельница... Будто орудие или сказочная избушка...

А Онега?! Равнина, снежная гладь озера и нитка дальнего берега... И на каждом мысу рубленая церковка или часовенка, как стебелек, как луковка. И мысли: как же было все здесь пропитано православием! До такой степени оно вписалось в пространство и так стало частью местности, что казалось, сама земля карельская выпрастила эти стебли-луковки как побеги березок. И вопиющее безбожной гляделась окрестная жизнь на этом поредевшем фоне – ясно было, что от этой деревянной поросли осталась малая часть.

СТРОЙКА

Весной, еще по снегу, в Бахту приехала часть бригады – налаживать пилораму и готовиться к заливке фундамента. Карельцы не могли и представить себе наши условия, никакие рассказы не убеждали, и в их головах не укладывалось, что здесь земля оттаивает к середине июня и что камни и гравий не взять с берега, пока в Енисее не спадет весенняя вода.

Собирать сруб на месте должна была та же бригада, что и рубила. К весне выяснилось, что ребята взбрыкли: заломили за сборку новую цену, а иначе, дескать, не поедем. Светлане с Володей пришлось уступить. Вскоре сруб был готов и загружен на четыре фуры.

Встречал я дальнобоев на подъезде к Красноярску, на площадке у гостиницы, где те ночевали. Сонные, вылезали они из высоких кабин, отпаиваясь чаем из термосов, – стартовать надо было ранним утром, чтобы до пробок пробраться на причал грузового порта. Фуры шли парами – первая отрывалась на сутки, и, когда пришла в Красноярск, вторая только подходила к Новосибирску («ну те-то... артисты, не торопятся, едут, фотают. Еще и удочки с собой прихватили»...). Первые, собранные, деловые, сразу озабочились обратным грузом, вторые все смотрели по сторонам, дивились новым местам, останавливались.

Первая упряжка благополучно разгрузилась в порту. Следующим утром я снова подъехал на площадку мотеля «808-й километр» и, идя сквозь ряды магистральных тягачей, искал карельские номера. Вдруг я увидел огромный синий капотник,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

утянутый и зеркально-гладкий «вольвик». Из него, стрясая остатки сна, вылез крепчайший лыбящийся парняга, лучащий такую радость жизни, такое счастье от того, что он везет за тридевять земель сруб храма, что вот-вот увидит Енисей и сопки за ним... На вопрос, «сколь кляч» у его агрегата, резанул сочно с той же улыбкой: «шестьсот бразильских кобыл!», и была в этом всем удивительная какая-то жизненная какофония... Так же на бодряке, с восторженной улыбкой на полном лице водила участников в разгрузке – стащив с огромного кузова тент, помогал портовым стропальщикам и, стоя на платформе, подцепляя ящики с куполом, покрикивал крановщику: «Ну-ка, набей чутка!» Позже оказалось, что у него на протяжении всей разгрузки буквально отламывалась спина. И вот храм сложен штабелями на площадке и ждет погрузки на судно. Все это происходит под контролем гендиректора Енисейского речного пароходства Александра Борисовича Иванова и его заместителя Андрея Васильевича Яковleva. Александр Борисович – редчайший для нашего времени человек, буквально горящий созиданием. Побольше бы таких на Енисейском меридиане!

И вот уже берег Бахты и ровно полсуток разгрузочных работ. Рейсы аварийной машины и еле живого трактора между крановой самоходкой «Краснодар» и стройплощадкой в поселке, где среди травки высится сложный угловатый фундамент. Самым главным было упросить капитана не торопиться и дать возможность грузить бревна в телегу, а не на берег, чтоб потом не корячить их вручную в ту же телегу. Последнее могло бы растянуться на неделю, в течение которой мог заштормить Енисей и побить бревна. Начальник ЖКХ Халимон дал трактор, но наотрез запретил разгружать в камнях, где только что «разился» свежевзятый тракторист Серега. Халимон орал, срывааясь: «Пускай пристает ниже, «под коргой!» Пароход стоял у камней, и с него орал капитан, что не пойдет под коргу, где пробьется, и что «выгружайте на хрен здесь, пока ветер не

пошел!». В ходе нервного этого ора удалось уговорить Иваныча разрешить разгружать у камней.

Всю белую северную ночь возили толстенные бревна, ящики с луковками куполов в свежей чешуе осинового лемеха. День отсыпались – важнейший этап был позади. Путь на фурах из Карелии, погрузка в Красноярске – все пошло бы наスマрку, если бы хоть что-то сорвалось в Бахте. Началасьстройка, в течение которой каждый день происходило что-нибудь непредвиденное. И вот случилось то, что никак не вязалось ни с высокой задачей, ни с целой цепочкой серьезных и ответственных людей, участвующих в деле: карельские ребята запили. Насколько представлялась стройка храма неким священнодействием, делом вдумчивым и требующим особого внутреннего состояния самих строителей – настолько жестким и земным оказалось все в жизни. «Нет... – думалось, – видимо, только в книгах бывают артели бородатых трудовых здоровяков, крестящихся перед каждым подъемом бревна. А в городах-то и вовсе таджики работают на стройках православных храмов, и это оказывается организационно и финансово проще, чем наших мужиков нанимать. А разве неверующие экскурсоводы в монастырях – не из того же ряда?!» А главное, парни-то вроде хорошие! И все какие-то трудные, каждый с историей... Один после войны. И не отправишь его обратно, потому что он главный в бригаде по высотным работам, и без него не завершить верх, включая установку крестов. Странные ребята... Вырвались из своей Карелии и будто потерялись. Перепугались по прилете в Красноярск (с их же слов) пустяка какого-то, что пришло с вещами на такси ехать в город из аэропорта. Еще что-то... И все переспрашивают: «Ну что, как мы срубили? Красиво?» Красиво...

Дом, куда их поселили, и без того не гостиница, а тут и во все превратился в шалман, и пошли по деревне разговоры, упреки... А для работы каждый день важен, и надо до осени кровь из носу управляться. А там поди поползай под

дождями по скользким доскам... Да и начнется, как обычно, – новые неувязки, то сырь, то заморозки... А время-то не ждет. И зима дальше... Сейчас по прошествии времени все как-то проще видится, будто и страшного ничего не было – ведь решалось же все. Решалось...

Утро. Звонит Иваныч: «Ты это... разберись со своими...» Опохмелка на ступенях храма, куда еще и наших бахтинских ребят втянуло. Морды бить в разгаре благого дела? Да и слушают ребята только Володю из Великой Губы, потому что зависят от него с потрохами. Выгнать в шею? Наши не сработают так, слишком тут своя особая технология... Трудное, бессонное время. И вдруг приходит по почте пакет...

АЛТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ

У меня хорошая память на имена-адреса, а тут как отшибло, будто специально отвел кто внимание, – не могу вспомнить, откуда бандеролька.

В руках я держал фильм «Алтайская повесть». История человека, который, будучи преуспевающим советским фотографом из Москвы, решил посвятить остаток жизни воссозданию храма Иоанна Богослова в Чемале, на Алтае. Имя этого человека – Виктор Николаевич Павлов.

В 1849 году великий подвижник архимандрит Макарий основал Чемальский стан Алтайской духовной миссии. В этом же году был построен храм Иоанна Богослова, а в 1915-м его перенесли на остров Патмос, что высится посреди Катуни огромным каменным утесом. Здесь же находился скит Иоанна Богослова. Название острова получил в честь греческого острова Патмос, где молился когда-то святой апостол Иоанн Богослов. Храм был разрушен в 20-е годы.

Фотографом Виктор Николаевич объездил всю Сибирь и Дальний Восток, но могучее излучение Алтайской земли навсегда остановило его бесконечный фотоаргиш. Увидев то бирюзовую, то млечно-синюю Катунь в скалах, ее трепетную плоть вокруг удивительного острова-волнореза и

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

проникшись историей Чемальского стана и судьбой святителя Макария, Виктор Николаевич решил здесь оставаться, чтобы возродить храм и скит. В течение десяти лет Павлов с женой Гаянэ (в крещении Галина) работали надстройкой, продав все, что возможно, – квартиру в столице, необыкновенно дорогой фотоаппарат «хассельблад» (это название мне почему-то особенно тогда запомнилось). С первых же лет их подвижничества на них обрушились испытания: им сожгли дом, сожгли машинёшку, на которой Павлов приехал из-за Урала. Поначалу Виктор Николаевич перебрался в Чемал один, а потом, понимая, что в одиночку не сдюжит, написал жене: «Не могу – приезжай!» И Галина Степановна приехала.

Павлов построил подвесной мост между коренным берегом и островом. Возродил скит. Открыл и вел с женой воскресную православную школу. Храм был завершен в 2010 году и освящен 10 января 2011-го. Стояли морозы, но епископ Барнаульский и Алтайский Антоний сказал, что, если и пятьдесят градусов будет, все равно приедет на освящение (звучит символично, потому что храм в Бахте до сих пор не прошел полного освящения).

Особо запомнились последние кадры фильма: идет служба в храме Иоанна Богослова. Худощавое, изможденное лицо Павлова вдруг беспомощно морщится, и он, заплакав, вжимается в плечо отца Максима.

В храме Иоанна Богослова на острове Патмос Виктор Николаевич и Галина Степановна вскоре обвенчались. Даже представить трудно, что происходило в их душах в эти немыслимые минуты...

Так трепетно, слезно, крепко на сердце стало от этой истории, что и добавлять ничего не хочется.

...Храм Исповедников и Новомучеников Российских в селе Бахта Туруханского района собрали в срок. 23 сентября 2010 года его освятили отец Агафангел и отец Александр. Погода выдалась той неяркой ясности, когда осеннее солнышко будто изнутри наливает тихим золотом притихшую тайгу. Наутро после освящения выпал снег, будто шла всю ночь незримая работа и укладывалось в жизненных далях великое событие. К утру полностью сменились краски, и напиталась просторная окрестность меловым сиянием, пресветлым осенним серебрецом.

Потом началась жизнь прихода, где нежданно открылся каждый человек маленьким откровением. Постоянно живущего батюшки в селе нет. Отец Александр, родившийся в Бахте, настоятельствует в Бору, а у нас бывает наездами, поэтому каждый день в храме читает молитвы кто-то из прихожан – составлено целое расписание. Храм до сих пор не прошел полного освящения, хотя все зависящее от нас сделано. Нынче осенью привезли колокола. Сгружали уже по снегу с обледенелого парохода. Колокола подарили бывший ученик баhtинской школы...

...Антон и Светлана заканчивают стройку храма в Читинской области, в Часучее.

...Год спустя я поехал в Чемал. По морозцу... По Чуйскому тракту... Накануне Крещения. Подъезжал к Чемалу в темноте и через стекло, чуть зарастающее с углом морозным туманом, видел лишь то, что освещали фары, – родной облик сибирской зимней дороги, куски породы, кусты. Огромные горы были скрыты тьмой и стояли незримо, как тайна, которую надо заслужить ночью тревог и раздумий. Утром по хрусткому снегу, по седой улице, мимо вертикальных дымков над трубами поехал на Патмос. По-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

алтайски богатый, рослый и стройный сосняк спускался к скалистому углу Катуни. Неподалеку от часовни я увидел свежую могилу с венками. «Виктор Николаевич Павлов», — прочитал я на табличке...

— Будет первая молитва, и все отойдет как страшный сон, — сказала по телефону Светлана в разгар строочных неурядиц и уже другим голосом спросила: — Ну и что, как Она... красивая?

— Красивая...

Правда, красивая... Наша церковь... Особенно когда отошли в прошлое все неувязки и тяжкие открытия. И встала еще более непосильная задача: работа храма, стройка храма внутри каждого, борьба с новыми искушениями... С душевным успокоением, наступающим по завершении большого дела... И попытки осознать происходящее на сизых от снегов просторах Отечества... Вглядеться мудро и смиренно, как наставляли Святые Отцы. Осознать, какое достояние нам завещано, какая земля, выстоявшая в иноzemных нашествиях, улитая кровью наших старших братьев и учителей, омоленная и живая их делами...

Снова вспоминаю зарождение стройки, и встает из тихоокеанских туманов еще один старший брат — крест из грубого железа на острове Танфильева... Когда-то поразивший своей сторожевой правдой, рабочей силой ржавого железа, невидимо участвовал он и в нашем общении на пароходике, уткнувшемся в каменистый бок Енисея, в разговоре, двинувшем-пошевелившем страшное противостояние на один стебелек колокольни... Енисей-Батюшка серебрился тогда особенно спокойно, огромным крестом лежа на груди России, делясь жилисто и протяжно по всем ее румбам.

Вот гудким плечом отзыается пролет Енисей — Кижки... И встает Северная Русь, поморские селенья с теремами, Онега с побегами церковок-часовенок... И четыре фуры, груженные светлым грузом, прокоптив солярой через Камень-Урал, наддают ходу по Ишимской степи да солончакам... И Русский Север желтой сосновой плотью, смуглыми глазками сучков вбирает кряжистое начало Восточной Сибири, сизое варево енисейских вод. И, повторяя корабельный образ поморской церкви, идут Севморпутьем пирусные кочи закладывать мангазейский кремль-детинец... Еще один луч переложил Енисейский Крест, и встает-возвращается снежными горбами-громадами Святой Алтай, уже раз замаячив, поманив антарктическим храмом, возвращается чемальской историей, чудо-островом, небывалой судьбой человека и Храма. И снова проходят перед глазами завершающие кадры фильма: изможденный, седой и лохматый человек говорит негромко и твердо, зная, что земных дней ему отведено немного: «Что сказать людям... которые остаются... здесь, на земле? Любите Бога... Бог есть... И самое главное — чтобы в душе Храм был... построен»...

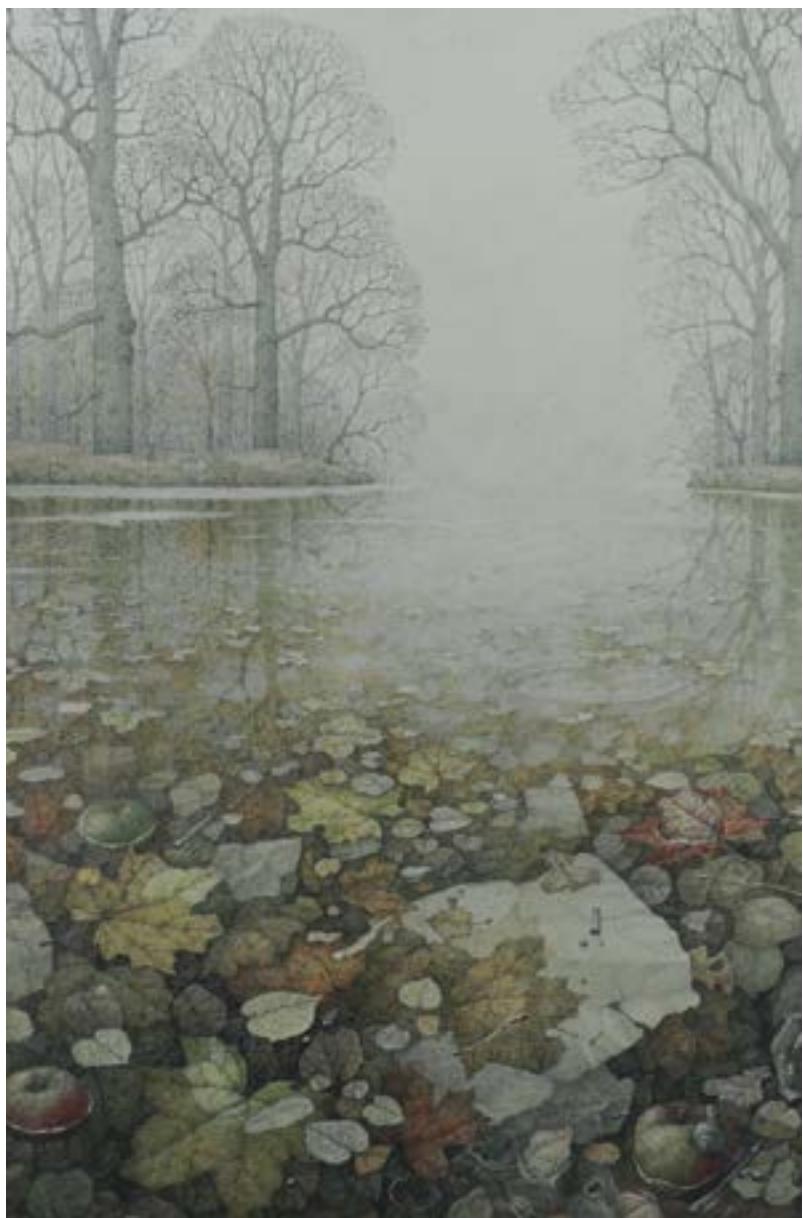
...И снова, как у Есенина: «Милые мои хорошие!» Как же научиться не опаздывать? Как научиться быть благодарным за содеянное добро?

Правда... Когда научусь помнить? Буду внимательным к людям, событиям, знакам небесным? Как узнаю теперь, кто послал диск?

Село Бахта. Ноябрь 2012 года

P.S. Низкий поклон автору фильма «Алтайская повесть» Сергею Роженцеву. ♡

ОСТАНОВЛЕННОЕ ВРЕМЯ ХУДОЖНИКА ЕЖКОВА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

3

А ЭТО ВРЕМЯ ПЯТИ-этажку, в которой жил Гена, могли снести, и сам он мог измениться до неузнаваемости, стать модным портретистом или вообще бросить графику, как занятие не слишком доходное по деньгам, и стать... ну, кем угодно. В свое время Гену не приняли в Союз художников за полный разрыв его образного мира с современностью, но он страдал, скорее, от того, что сама техника его работ – кропотливейшая «дюеровская» графика – теперь, в новом времени поп-арта, оказалась чересчур затратной по времени: на одну работу уходило у него три месяца ежедневного труда, и в этом смысле желание жить продуктивнее и просто богаче было бы вполне оправданно. Но тут мои размышления прервал гудок: телефон работал! Потом я услышал голос. Прежний, спокойный, глуховатый Генин голос, голос мастера, черпающего достоинство в своей самодостаточности. ... В свое время случайный взгляд, брошенный на картину художника Геннадия Ежкова, привел к тому, что наш разговор затянулся на всю ночь. На картине был изображен островок исполинских деревьев среди то ли осенней дождевой, то ли весенней талой воды. Возвышающихся над водянистой чистотой мира, словно самые первые деревья самого первого леса. Когда-то эти же самые деревья, десятка три которых еще уцелело неподалеку от Оранienбаума, написал художник Шишкин. У него это – залиная солнцем девственная дубрава, которую сейчас трудно даже вообразить в окрестностях Петербурга. Действительно, сто лет спустя «Дубовая роща» Шишки-

ПЕРЕД НЕДАВНЕЙ КОМАНДИРОВКОЙ В ПЕТЕРБУРГ Я ВСПОМНИЛ О ХУДОЖНИКЕ ГЕННАДИИ ЕЖКОВЕ И РАЗЫСКАЛ В ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ ЕГО СТАРЫЙ КВАРТИРНЫЙ ТЕЛЕФОН. НЕ БЕЗ ТРЕПЕТА НАБРАЛ Я ЗНАКОМЫЙ НОМЕР, ПОТОМУ ЧТО С МОМЕНТА НАШЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ ПРОШЛО ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ.

на превратилась в крошечный островок уцелевшей (или только-только нарождающейся) жизни на картине Ежкова.

Геннадий Ежков – художник очень редкой одаренности, художник кропотливого и однократного старания, художник ускользающей красоты природы. И островок исполнинских деревьев – знак малости того мира, в котором еще возможно существовать ему. Он очень не похож на наш, но в то же время потрясающе правдоподобен. Он сотворен из тех же материалов, что и наш мир, только както иначе скомпонованных.

Кому случалось накануне зимы попасть в старый дачный поселок, затерявшийся меж веток железной дороги, тому просто будет понять меня. Холодно. На кленах и дубах последние листья. Дачники давно съехали, а те несколько жителей, что остались зимовать, ничем не напоминают легкомысленный и праздный люд лета. Поначалу никого и не видать. Но вот в переулке, затопленном туманом, показывается женщина с козой на поводке. Стороной бредет старичок, держа в одной руке кирпич, в другой – березовое

полено. Они встречаются, смотрят друг на друга. Кричит ворона. Вдруг откуда-то доносится голос. Женский голос, далеко в тумане поющий песню без слов.

– Бабка поет, – говорит старичок. Потом, подумав: – Я с ней не разговариваю ведь. Вообще. Скоримся за разговорами. Не получается за разговорами жить... Слушает голос, звучащий вдали. Опускает голову:

– Скучно ей молчать, вот и поет. С веток срываются капли ночного дождя, шуршат в палой листве. Где-то очень далеко слышен похожий на звук трубы гудок тепловоза.

Если представить себе такой поселок, который когда-то исчез, выпал накануне зимы из почтовых реестров и прочих описей нашей цивилизации, чтобы отныне и навсегда зажить своей собственной жизнью, то мы легче вообразим себе мир художника Геннадия Ежкова. Погода там, как правило, серенькая, неяркая – обычная погода петербургских широт. Дома – одиноко стоящие в пространстве холмистой равнины особняки – это ведь реально существующие особняки где-нибудь в Озерках или в Парголово: к ним можно сходить, увидеть их, потрогать. Так же реальны предметы, которыми ино-

гда захламлены интерьеры этих построек, но в еще большей степени собственная квартира художника: связки писем, перья птиц, сухие цветы, камешки, старинные аптечные пузырьки и бутылки, ножницы, непонятные механизмы, лампы, ключи, замки, ракушки, пожелтевшие фотографии, инструменты. В том, что мы называем современностью, все это существует в разрозненности. Но когда художник предъявляет нам свои работы, мы убеждаемся: да, мир мог бы быть и таким. Того, что нам предъявлено, достаточно для творения. Географически следует искать его где-то в плоских холмах Калгальской гряды, что тянется от Петербурга к финской границе. На севере там запретная зона, но туда нет необходимости вторгаться. Все ближе, все досягаемее. И недоступнее. Надо знать время, когда открывается ход: осень. Листья еще не облетели, но снег уже выпал. Холодно, ясно. Пучки сухой травы, куст шиповника. Фрагмент потрескавшейся кирпичной ограды, за которой открывается волнистая даль... Если обнаружилась стена, особенно стена с растущим подле нее цветком красной мальвы, – то, значит, совсем уже близко дом и обитатели. Как

Говорят
о «непризнанной
гениальности».
Но Гена совсем
другой породы.
Просто он гений
тихий, даже
робкий отчасти

ближе прикоснуться к ним, как увидеть воочию, я не знаю. Здесь принципиально важно состояние души. В душе должно быть какое-то высокое простодушие, как я понимаю. И добросердечие. Потому что мир Геннадия Ежкова отличается от нашего мира, возможно, только немногого повышенной степенью простодушия и добросердечия. Я говорю серьезно: ибо ведь миры, которые можно назвать необычными, чтобы не называть более претенциозно, – взаправду существуют. Мы можем не верить этому, но в конечном счете нам ничего не поделать с поразительной объективностью свидетельств о них. Чуть отстранившись от современности, от ее скоростей, технологий и назойливых позывных, просто представив себе мир более тихий, успокоенный, мы несомненно вспомним, что и люди такие есть, их мало, но они реальны, как старые предметы, вроде большого жестяного будильника, допотопного утюга с вывернутой вбок латунной трубой или керосиновой лампы, которые художник вынул, выудил из тысячи тысяч вещей современного мира, чтобы сложить из них свой мир. Люди эти так же редки в современности, как устарев-

шие вещи, и точно так же полны своего смысла: ибо в старом утюге заключена какая-то тяжеловесная надежность, которой он не утратил, несмотря на время, – как и прежде, готов он расекать клубящиеся паром волны белья подобно грузному пароходу, и, хотя более современные, более изящные вещи давно вытеснили утюг из обихода, он не утратил ни грана своего тяжеловесного достоинства и крепости. Будучи людьми вытесненными из современности, персонажи Геннадия Ежкова точно так же являются хранителями уникальных и устарелых достоинств и потому, должно быть, кажутся какими-то чересчур уязвимыми в своем простодушии людьми – до тех пор, пока мы не сталкиваемся с ними лицом к лицу и не открываем в них свежесть подлинности, как в отглаженном белье, по старинке переложенном степными травами...

Представим себе: человек, сидящий с геликоном на холме перед бескрайней равниной. Сидит, отвернувшись от нас. Чурбан. Спина. Затылок. В спине, в затылке есть солдатское упрямство, и рука сжимает медную трубу как ствол винтовки.

Огромная труба. Звуки огромной трубы над пустынной землей. Природа только-только оттаяла, едва проснулась к жизни. Холодные веточки колючих кустов, остатки не растаявшего снега. Но день ясный: человек вышел в одной гимнастерке, собака так сладко задремала на солнце. Ранней весной бывают подобные дни – тихие, солнечные, с бездонным небом, когда на землю нисходит почти полное безмолвие. Ни комара, ни мухи, даже листья не шелестят. Никого. И труба. Пум-ба-па-па – несколько глубоких вздохов, может быть. Как будто воспоминание старика о каком-то вальсе молодости, о пустой танцевальной веранде в облетевшем осеннем парке... Да-да, вальс-то, похоже, звучал, но танца так и не было – во всяком случае, в этих вздохах достоверно переживание о чем-то несбывшемся...

Или этот звук, похожий на скрип ржавых ворот, – звук, в котором исторгнуто в небо все отчаяние минувшей зимы? – Уу-ааа...

Собака спит. Отчаяние человека ей привычно как бездонное небо и расстилающаяся под ним сырья земля весны. Тоска человека обусловлена природой. Как собачья чуткость к запахам и звукам. Собака спокойна. Она знает,

В мире Геннадия Ежкова всегда царит покой: спит ли это кот...

...Или сквозь
старые листья
пробиваются
с первым теплом
росточки клена

что хозяин ее – человек – снова затосковал, терзая себя рыданиями трубы и тщетными взглядами вдаль, за горизонт...

А может быть, труба молчит. Может быть, человек, чей взъерошенный затылок мы видим, еще не выдохнул. Все еще немо. Он глядит из-за трубы на край земли, на дымку пара над холмами вдали, хочет дунуть в трубу, да не смеет нарушить покой... Он набирается решимости, чтобы всей грудью выдохнуть звук подходящей тональности – а меж тем солнце совершаet по небу полный круг от восхода до заката, и равнина перед ним скрадывается сумеречной тенью. Собака спит.

Глядя из-за спины музыканта на бескрайний простор, мы, собственно, устремляемся взглядом к его границам: зрение не обманывает нас, дальше ничего нет, во всяком случае, на многие километры, пустота которых и предохраняет этот хрупкий мир от неосторожного чужого вторжения. Возможно, где-то за холмами вдали еще остались поселения людей, столь же непоправимо больных нежностью

и печалью, но только старики помнят те времена, когда собирались по мягкоксердечию ходили друг к другу в гости.

Конечно, толстяк, взобравшийся с трубой на пень, вправе послать в пространство свои зовы и просить оркестр вторить ему... Но разве хоть кто-нибудь отозвался им?

Иногда, правда, из дальних земель прилетают птицы. Иногда осенью, по первому снегу, из-за холмов приходят коты. Тогда оркестр снова рассаживается, снова трубит и зовет. Ведь кот – это животное, сопутствующее человеку, и раз появились коты, то и люди должны быть поблизости? Но нет, никто не заглянет в этот беззлобный мир, укрытый от чужих глаз как колодец в глубине старого сада.

Сад. Или даже заброшенный парк: пни, распиленные стволы могучих дубов, поверженных на землю. Сухие листья, улитки, осколки камня, выкрошившиеся из растрескавшихся ступеней или плит галереи, меж которых пробивается упрямый подорожник. Смерть. Дом старый, и, конечно, смерть время от времени

должна напоминать здесь о себе какой-нибудь не слишком нарочитой деталью. Нет-нет, ничего ужасающего. Ибо что такое, в конце концов, смерть? Забвение, и только. Ненужность. Самые страшные слова. Коричневая фотография, на которой изображен мужчина – но только уже никто не помнит кто. В ящике старого буфета на чердаке – щипчики для сахара и коробочка с похожими на гвоздики граммофонными иглами, сургуч, флакон с притертой пробкой, картонный фотоэкспонометр и пачка просроченных фотопластинок. Продавленное кресло, на ножке которого остались следы зубов собаки. Пыль на огромных бутылях толстого зеленого стекла, в которых когда-то поднималось холодное кипение темных как кровь плодовых соков. Получалось вино, испив которого человек засыпал сном невинности и покоя. На терраске. Укрывшись старым шотландским пледом. Когда за окном чертят сумерки первые снежинки...

Дом, не переживший смерть, еще не созрел, не прожил полного круга жизни. В нем еще нельзя почувствовать той странной тишины, которая, возможно, и есть догадка о неясной утрате – когда вдруг в старой книге обнаруживаешь между страниц высушенный цветок или еще что-нибудь, столь же безоговорочно личное, – записку, письмо. Или осторожный след карандаша, которым подчеркнута строчка: «Моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла...»

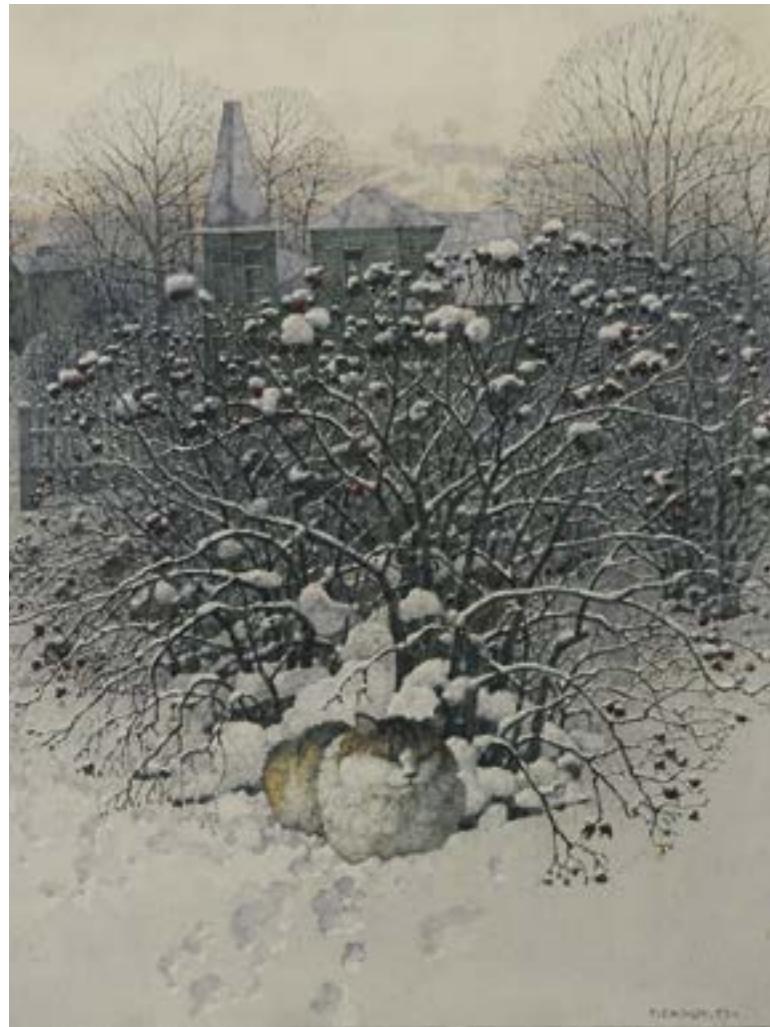
На чердаке, где свалены забытые вещи, оса тихо скоблит раму окна, отщипывая для гнезда крошечные волокна дерева. Тихо. Вдалеке слышен крик петуха. Потом, ближе, негромкие голоса, в которых ощущимо сдерживаемое волнение.

Шаги, шорох листьев, голоса. Мужской:
– Пожалуй, я все-таки потрублю...
– Ну что ж, потруби. – Это голос женский, очень нежный: девоч-

ка. – Только не надо долго. В той стороне все равно никого нет... А! Это толстяк-трубач разговаривает с дочерью. Десять лет назад его старший сын пошел к горизонту издалека посмотреть на Город – и не вернулся. С тех пор как Город стал разрастаться вдали, он поглотил очень и очень многих. Те, что добровольно уходили в него, никогда уже не возвращались. И те, кто, зная об опасности Города, отваживались лишь издалека посмотреть на него, не возвращались тоже. Почти все население холмистой пустоши поглотил он и подступил совсем близко – до горизонта были холмы, за ними – Город, повсюду вокруг, и все ждали, когда он перешагнет дальнюю гряду холмов и сомкнется над ними как небо. В старинных книгах было написано, что когда-то однажды Город поглотил собою все. Он сомкнулся над пустошью и вонзил свои каменные корни в древние холмы. Ослепительным казалось его великолепие, незыблемым – могущество. Но однажды он скрылся – как море. В старинных книгах по этому поводу было замечено, что как только город победит холмистую пустошь, он обречен погибнуть сам. Жаль, не осталось уже мудрецов, способных расстолковать эти слова. Что заключено в них – предсказание погибели или надежда.

Один только единственный человек из тех, кто отправился посмотреть на Город, вернулся оттуда, да и то, вернулся осунувшимся и очень несчастным. Это художник. Он не разговаривал много дней, а когда смог говорить, люди спросили, видел ли он тех, кто отправился в Город раньше.

Он ответил, что да, он их видел.
– Они вернутся к нам?
Он подумал:
– Нет.
– Почему?
– Там они научились хотеть того, чего мы не умеем. И не могут уже разучиться...
Люди знали, что художник жестоко поплатился за свое сво-

Еще стоят дома, кусты шиповника, бересклета надолго остаются, продолжают жить своей жизнью коты, а вот людей нет. По крайней мере, не видно

еволие, ибо снедаем каким-то крошечным, может быть, желанием, которое все-таки пристало к нему и неотступно терзает, затуманивая его проницательный и прежде всегда жизнерадостный взор. Они так и не взяли в толк, о чем он говорит, но согласились, что он очень несчастный человек. Они попросили девочку каждое утро приносить ему свежие цветы, чтобы он мог рисовать их и за этим занятием постепенно забыл тот ужас, который запустил свой холод ему в сердце.

– Так я потрублю...

У девочки нет сил спорить с отцом. Она идет, садится на чурбан, обнимая коленки и подтягивая их к самому подбородку. Вдали над землей клубятся облачка тумана. «Что толку трубить? – думает она. – Все просто боятся пойти туда, чтобы вызволить своих. Боятся, что их

сердце не выдержит и сдастся желаниям. Но ведь мое выдержит? – думает она. – И в следующем году я пойду туда и вызволю брата, если отец боится». Толстяк меж тем прислоняет к исполинскому пню лесенку и, пыхтя, вскарабкивается на нее.

– ...Есть только явь и свет, – бормочет он. – Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете... Мы все уже на берегу морском... Делает несколько глубоких вздохов на плоском срезе пня, чтобы перевести дыхание. Подносит трубу к губам. Высокий, необычайно длинный звук простирается над туманной равниной, отдаваясь многократным эхом во всех закоулках парка в той стороне, куда ушел его сын. В той стороне когда-то был дом. И когда люди стали исчезать, поначалу все думали... Все хотели верить, что не Город поглотил их, а они остались погостить в

том доме или даже поселились там. Там, в парке, дом был прекрасный, старики отлично помнили его, и если старые хозяева его умерли, то почему бы детям не поселиться там? И все-таки там никого нет. Город наступает, и там, куда подступают его вулканические отроги, никого не остается. Вообще никого.

Он набирает полную грудь воздуха и вновь выдыхает высокий, протяжный, трепещущий звук: «Ишь, как раскатывается туда-сюда, — думает он. — Как в пустоте. И десять лет уже — никакого ответа...»

Да... Он никому не рассказывал о том, что, когда исчез его сын, он ходил к тому брошенному дому. Тогда, лет десять назад. Он шел к нему не без слабой надежды, но едва заметил дом из-за деревьев — как сразу был поражен неопровергимой мертвенностю этого места. Никто здесь не жил уже очень давно. Вокруг дома в человеческий рост разрослась трава. Над раскрытыми зонтиками борщевика гудели мухи, мошки, пчелы. По скрипучим ступеням он поднялся на крыльце и увидел, что дверь на террасу не закрыта. В проеме различил стол, на нем высохшее черное яблоко. Бархатистый, будто живой, налет пыли на

полу. Преодолев робость, он заставил себя войти. Увидел связку ключей на гвоздике возле двери и зачем-то забрал ее. Еще забрал, отерев от шершавой спекшейся пыли, старинную книгу, раскрытую посередине. Он понял, что потерял сына и ему ничего не остается теперь, как доживать свой век, питая чувства старинной мудростью.

Он не выдержал острой печали, пронзившей его, и бросился прочь от онемевшего дома. Ветки хлестали его по лицу, ноги путались в траве. Сырые стволы деревьев, словно колонны огромного, погруженного в туман храма, темнели по сторонам. Он заблудился.

Вечером он вышел к берегу моря. Когда он отдохнул, его внимание привлекла роща исполинских деревьев, возвышающихся среди кочковатого болота. Огромные дубы стояли среди дождевой воды, вздымаясь из материнских вод, как самые первые растения самого первого леса.

Он раскрыл книгу, которую взял в доме, и, разгладив ломкие страницы, прочитал: «Покуда деревья стоят — ничего не случится». Но когда последнее

умрет — время иссякнет». Он как будто и раньше слышал об этом, да и все, кажется, слышали. Но никогда не придавали значения этому, потому что деревьев было много, очень много. И вот он своими глазами видел, сколько их уцелело — то ли тридцать, то ли сорок исполинов. Они отражались в воде как утесы.

Он догадался, что должен что-то понять, подать сигнал и дождаться ответа. Если ежедневно играть «На свете смерти нет» — кто-то должен откликнуться. Теперь, когда прошло десять лет и его перестало терзать малодушие и неверие, он чувствовал: ответ близко. Иногда так близко, как вчера.

Дочь не понимала его, но он знал, что в ней говорит обычное нетерпение молодости. Десять лет для нее — непомерно долгий срок. И потом, она ведь уверена, что он зовет назад сына, хочет вернуть его. Нет-нет! Он знал: вернуть ничего невозможно. Он ждет отклика совсем другого — ведь кто-то должен знать, что нужно делать, когда круг времен движется к завершению...

Он приставляет лесенку к исполинскому пню, взбирается на него, несколько раз переступает с ноги на ногу. Годовые кольца погибшего дерева давно им

Мы нарочно
выезжали
в Парголово
в поисках
«живой природы»:
и было открытое
окно, и зеленая
гардина, и звуки
радио за нею.
Но люди так
и не появились,
голоса
не зазвучали,
штора
не отодвинулась...

Вот он, один
из последних
особняков
Затерявшегося
пригорода

сосчитаны: пятьсот шестьдесят три, вот сколько их было. И все равно, время дерева иссякло. Он трогает пальцами желудь в кармане куртки: желудь гигантского дуба, который он подобрал на морском берегу. Он оставляет за собой последнее слово:
«Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете...»
Труба примкнута к губам.

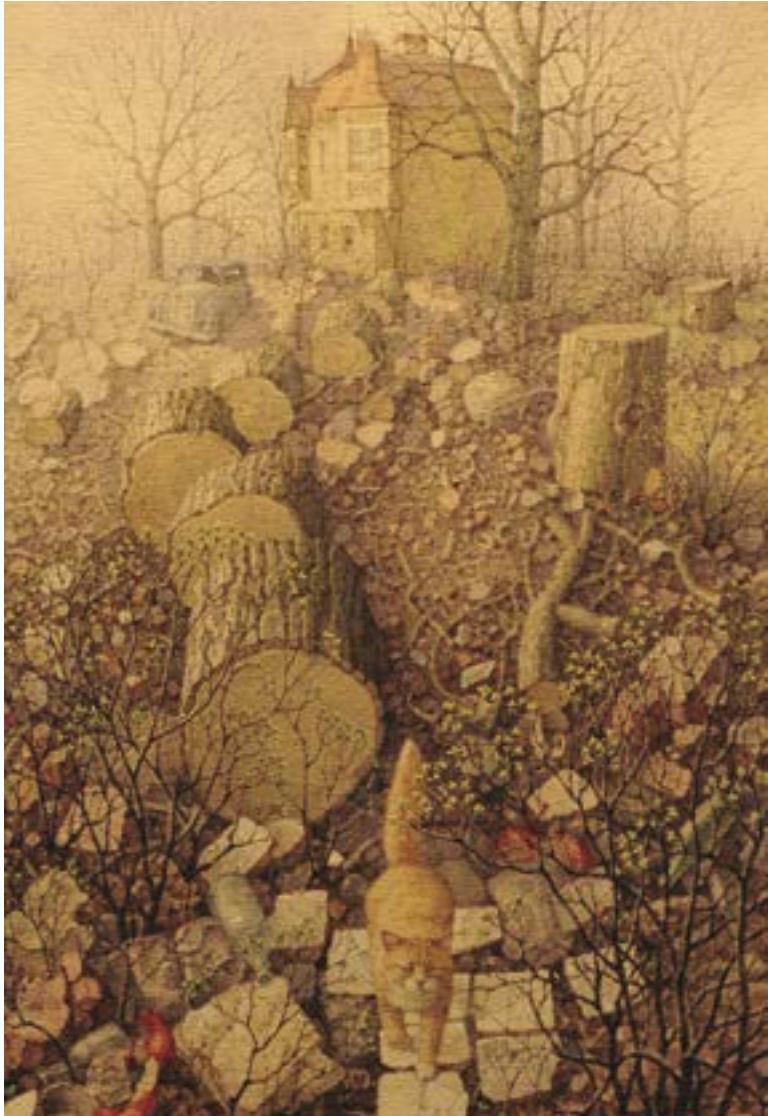
...Творчество – тайна. Всегда тайна. Поэтому-то, ворочаясь ночью на вагонной койке на поплуги от Москвы до Петербурга, я думал о том, что значило бы для Гены сохранить верность себе, своему таланту. Он, наверное, не должен был бросить свой Затерявшийся пригород и его добросердечное человечество – особенно теперь, когда столько окаянщины творится вокруг. И, как сперва показалось, я не ошибся: внешне квартирка на проспекте Мориса Тореза мало изменилась, дух аскезы и труда царил здесь по-прежнему. Но изменения все же были: стены, прежде увешанные работами, были почти оголены. На одной висел осенний пейзаж – затопленная туманом и водой парковая аллея, как

река, несущая опавшие желтые и красные листья в неохватную даль, как в море. И рядом фотография дома – одного из тех, безусловно узнаваемых дачных домов, которые когда-то и составили архитектуру Затерявшегося пригорода. Я попросил показать работы. Разглядывая одну за одной новые акварели и работы первом, я поймал себя на мысли, что – странное дело – ощущение от них почти прежнее: осталась непрерывность парков, мальвы остались, потрескавшиеся стены, коты, огромные и пушистые, спящие на исполинских пнях, остались дома – и в то же время мучительно не хватает чего-то. Или кого-то.

– Людей нет... – догадался я.
– Да, – сказал Гена. – Люди ушли. Никого не осталось. Все умерли... Гена понес страшную утрату. В 1964 году, когда Генин отец, блокадник, получил отдельную квартиру в пятиэтажке на проспекте Мориса Тореза, это был такой дальний конец Ленинграда, что сюда надо было добираться на электричке от Финляндского вокзала. Прямо от дома начинались заброшенные сады и пустыри, а если проехать чуть дальше на стареньком погромыхивающем трамвайчике, то там,

в Озерках и Парголово, начинался удивительный мир старых, дореволюционных еще, петербургских дач, который пленил Гену на всю жизнь. Когда-то, слушая Генины рассказы о Затерявшемся пригороде, я утвердился в мысли, что это – огромный параллельный мир, целая география. А тут оказалось, что за минувшие со дня нашей последней встречи годы он весь сжался практически к одной точке: последней «настоящей» петербургской даче в Шуваловском парке в Парголово, фотография которой и висит на стене. Но востройки съели холмистую пустошь, шоссе, проложенное по пустырям, наполнилось автомобилями, дома, населенные прежде незлобивым народцем, все оказались снесены – часть под новостройки, часть – под современные коттеджи.
– Если хочешь, можем съездить к этому дому. Дорога на такси до окраины города заняла десять минут. Здесь было уже наворочено земли под строительство двух новых гипермаркетов, но пока они не распахнули свои двери, границу городадерживали за собой ларьки, автомастерские и бензоколонки. В парке сразу почти начались

Непрерывность парков остается художнику в удел как память, как одному ему ведомое сокровище и – что важнее – как надежда

прямые «цитаты» из Гениных картин: огромные, полуторавесковые деревья, которыми был обсажен Шуваловский дворец... В начале XX века этот прекрасный парк с огромными, с элементами готики, дачами, Шуваловской часовней в протестантском стиле, дворцом и древними дубравами был любимым местом прогулок Блока. Это место было местом силы сто лет назад. Когда Гена попал туда, никаким Блоком там, конечно, не пахло, все было уже иным, и старички, которых он там застал, это были те, кого расселили в этих дачах после революции. Тогда он был еще огромен, этот мир, и даже – вот это важно – смыкался во времени с тем, прежним миром, недаром старожилы помнили одного из хозяев дачи, который приез-

жал несколько раз из-за границы и неизменно возвращался к родному гнезду, привозя с собой старинные фотографии, где во всей красе был запечатлен дом и его прежние обитатели. То были люди с другими лицами, ибо они жили в другом времени, на других совсем скростиах, да и чувства их были не похожи на наши. Эта прежняя жизнь чувств через непрерывность парков, старую архитектуру и медлительность солнечного луча, ползущего по половицам в жаркий июльский полдень, через любовь к клумбам и парникам медленно-медленно просочилась во времени дальше и породила Затерявшийся пригород, в том виде, каким его изобразил художник Геннадий Ежков, с картин которого я о нем рассказал. Это было не так уж сложно:

ведь и я помню этот мир. Вообще, быт, повседневная жизнь людей медленно менялись до появления автомобиля, телевизора и компьютера. Теперь же шли мы к последнему уцелевшему дому в парке: то было творение архитектора Месмакера – дача, построенная им для брата. Окна второго этажа с фасадной стороны были, как будто, недавно застеклены, но тем лучше был виден сквозь них провал в крыше. Окно сбоку было, впрочем, раскрыто и завешено зеленой шторой, из-за которой доносились звуки радио. Все свидетельствовало о том, что люди где-то рядом. И мальвы были, и лилии, и огород, и яблони. Но люди не появились: собака не залаяла, штора не отодвинулась, звук трубы не прозвучал... Подождав еще немного, мы отправились назад. Вокруг «блоковской скамьи» на пригорке в траве лежали девушки с втыснутыми в уши наушниками – некоторые topless, а некоторые – так. Время в очередной раз изменилось, и на этот раз круто, скачком, так что люди прошлого времени так и ушли, не успев никому, кроме одинокого художника, передать свои сокровища. А у художника на то, чтобы воплотить в графике свое впечатление от встречи с ними, свое свидетельство, почти целиком ушла творческая жизнь. Такая вот странная судьба. Но, значит, было что-то в Затерявшемся пригороде такое, за что стоило эту жизнь положить? Что это было – красота? Несомненно: красота штучного мира, еще не знающего крупносерийных производств и архитектурных конструкторов. Медленное коловорощение времен года в бесконечности парков. Мудрость еще была, неотторжимая от доброты. Совсем недавно я стал задумываться о том, что, возможно, мудрость прошлого, мудрость традиции и заключает в себе главное знание о сущности Жизни, столь отличающееся от компетентности в многочисленных частностях этого вопроса, важной обычно для молодежи. Просто потребность в таком знании тоже приходит с годами. ●

ректора в доме-интернате. С самого начала нашей встречи я пытаю его: может, он помнит еще что-нибудь из тетрадей Евгения Дементьевича Жуковского? Анатолий Степанович крепко задумывается, потом машет рукой: «Откуда! Столько лет прошло! Помню, что писал генерал очень хорошо... А о нем самом я часто вспоминаю, общаться с ним было одно удовольствие. Его наша старшая медсестра Нина Николаевна помнит тоже. Рая Емокина – она у нас лежачая сейчас – тоже его помнит, с ней можете поговорить. Кто еще? Ну, он часто в Березники ходил – в библиотеку, на почту. Может, там его кто вспомнит? А про тетради те надо у Наташи Кочетковой спросить, это ей их Генка Полушкин тогда отдал...»

...Комната, где жил и писал мемуары генерал Жуковский, мне показали: окно, шкаф, палас на стене вместо ковра. На кровати сидела бабушка с вязаньем в руках. Увидев нас, она живо вскочила, одернула юбку и деловито доложила: «Хорошо живем. Да. Не жалуемся».

Комната эта до сих пор зовется «генеральской». Здесь в длинном казенном коридоре есть и «штабс-капитанская», и «дворянская» комнаты, есть даже «комната баронессы». Все они выглядят приблизительно одинаково: скучные стены, скромная мебель, из окон – вид на сосны. По их хвойным лапам, которые дотягиваются до подоконников, прибегают белки. Кстати, первым кормить белок начал как раз Жуковский. С тех пор это стало традицией...

Сегодня в интернате живут ветераны-инвалиды, а когда-то в этот глухой угол отправляли даже престарелых и покалеченных уголовников. Но самыми первыми обитателями дома-интерната №2 были совсем другие люди. В 1968 году сюда прибыла партия из 50 «обеспечиваемых». Бывшие политические осужденные: белогвардейские генералы, офицеры и аристократы, арестованные в Европе во время наступления Советской ар-

БЕЛЬЕ В КРАСНОЛЕСЬЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

...ГЕНЕРАЛ ЖУКОВСКИЙ, ЖИВШИЙ В ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ, ПИСАЛ МЕМУАРЫ. ДВА ДЕРЕВЕНСКИХ МАЛЬЧИКА ЧАСТО НАВЕЩАЛИ ЕГО. ОНИ ПЕРЕЛИСТЫВАЛИ ЗАПОЛНЕННЫЕ РОВНЫМИ СТРОЧКАМИ ТЕТРАДНЫЕ ЛИСТЫ, НА КОТОРЫХ ЧАСТО МЕЛЬКАЛИ СТАРИННЫЕ ЯТИ, И УДИВЛЯЛИСЬ: «ЗАЧЕМ ВЫ ПИШЕТЕ? КТО ЭТО НАПЕЧАТАЕТ?» ПОЕЖИВАЯСЬ, ЖУКОВСКИЙ ОТВЕЧАЛ: «ЧТОБЫ НЕ УМЕРЕТЬ ОТ БЕЗДЕЛЬЯ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ».

ГЕНЕРАЛ УМЕР ОТ РАКА. Его похоронили на кладбище за домом-интернатом, в лесу. Тетради с ятиями мальчики забрали себе на память. И никому их не показывали: свой генеральский чин Жуковский заслужил в боях против Красной армии. «Он красных в капусту рубил! А мы его тут кормим!» – такие слова о генерале Жуковском от сотрудников дома-интерната мальчики слышали часто. В толстых тетрадях, купленных в лавке села Большие Березники, генерал рассказывал о боях на

фронтах Первой мировой, жизни в Китае, прозябанье в интернате, сосны и ели, окружавшие его последний приют, именовалось краснолесьем. Мальчики читали тетради с увлечением, как романы Дюма и Скотта. Однажды один из них из ребяческого бахвалства предложил почитать генеральские дневники подружке. А у той тетради отобрал отец и спрятал их куда-то...

«НАДО ТЕРПЕТЬ»

Теперь один из тех мальчишек, Анатолий Степанович Макаркин, работает заместителем ди-

Березниковский
дом-интернат №2
был специально
построен в лесу
для бывших
русских дворян
и белогвардейцев

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мии в 1945 году. Назад в Европу или на жительство в Москву и другие города «бывших» не отпускали, но отправлять и получать почту, а также общаться с местными жителями они могли без ограничений. К одному из них, генералу Евгению Дементьевичу Жуковскому, и прибегали попить кофе и почитать генеральские мемуары Толя Маркин и Гена Полушкин. Отец Гены был тогда директором дома-интерната. На эту должность ветерана войны Петра Ивановича Полушкина назначили после предварительной беседы, во время которой предупредили об особом статусе его подо-

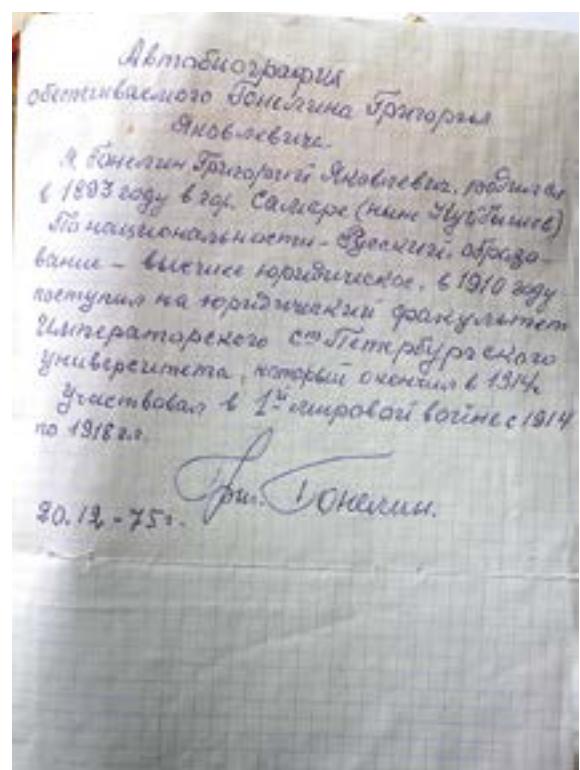
печных, с усмешкой спросив: «Не испугаетесь князей и генералов?» Новому директору его подопечные сразу показались странными. Например, делали не привычные ударения в словах. Баронесса Зоя Сергеевна Томашева произносила не «роман», а «роман». Бывший колчаковец, а затем видный деятель белогвардейского движения в Маньчжурии Григорий Яковлевич Гонелин называл библиотеку – «библиотекой». А Борис Петрович Порецкий, женатый на представительнице рода Строгановых, приглашая к себе в гости, говорил: «Приходите в мой

Бывший колчаковский офицер Г.Я. Гонелин. Его биография могла бы занять десятки томов, но он ограничился половиной тетрадного листа

нумер». Одна из старых инвалидок, служившая еще до революции в большом особняке, стоящем до сих пор в центре села Большие Березники, услышав, как говорят ее новые соседи, все повторяя: «Господа наши так говорили». Да и одевались «господа» иначе: женщины носили

РУССКИЙ МИР.RU / ДЕКАБРЬ / 2012
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

изысканные шелковые и бархатные платья, мужчины – костюмы из бостона. Остальные «обеспечиваемые» дома-интерната одевались в казенные халаты, пижамы и тапочки. «Господа» вышивали салфетки, мастерили бумажные цветы... Бывший ротмистр армии генерала Кутепова Николай Николаевич Сукачев переплетал книги. Алексей Васильевич Павленко следил за кладбищем в лесу за интернатом, копал могилы и косил траву. Его супруга Елизавета Петровна Иезу часто прибегала к Зое Сергеевне пожаловаться на тяжелый характер Павленко, но всегда заканчивала свои монологи словами: «Надо терпеть». Как-то в интернат привезли красивую 19-летнюю девушку Раю Емолкину. После смерти родителей ее сначала отдали в детский дом, а затем, как инвалида (Рая не ходила, болели ноги), перевели в этот интернат. Раю поселили на первом этаже вместе с лежачими инвалидами, выдали казенное белье, одежду и предупредили насчет тех, кто ходит в шелковых платьях и костюмах из бостона: «Враги народа».

Интернат в лесу, вокруг калеки и старики, кашель и стоны по ночам, из гостей здесь бывают только ревизоры и санэпидстанция... Красивая Раю долго плакала. Полгода она сторонилась людей в странной одежде, выискивая в их внешности черты врагов народа: злобу, налитые кровью глаза и длинные ногти, а находила лишь вежливость, мягкость и участие. «Господа» научили Раю вышивать, рассказывали ей о Франции, Китае и Германии. Девушка начала понимать: за стенами интерната она никогда бы не встретилась с такими интересными людьми! Относилась Раю к ним как к своим учителям. Точно так же повел себя и Петр Иванович Полушкин. «У них учиться надо, а не за забором держать!» – вспоминает сегодня его слова Анатолий Макаркин. «Господа» трудились на подсобном хозяйстве, посадили сад, разбили клумбы,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ездили с концертами в соседние села, ухаживали за чужими больными. А помимо прирученных белок кормили всех бродячих собак и кошек. Директор интерната Полушкин сдружился со служившим на КВЖД Михаилом Порецким, который часто помогал по хозяйству, воспитывал детей директора. Фельдшер Владимир Забатурин в лице петербургской дворянки Нины Маликовой нашел прекрасную няньку для своей новорожденной дочери. Графиня Надежда Михайловна Коханова давала уроки английского детям сотрудников интерната. Но как ни пытались сотрудники выведать у своих подопечных хоть что-нибудь из их прошлого, ничего не получалось. Все «бывшие» о себе никогда ничего не рассказывали.

Наверное, что-то могли бы поведать дневники генерала Жуковского. Мы разыскали Наталью Кочеткову. То, что Гена Полушкин дал ей почитать тетради генерала, она помнит. И даже помнит, что дневник Жуковского долго хранился у них дома. Но вот куда потом делись эти тетради? Увы...

Графиня
Н.М. Коханова
обучала детей
персонала
иностранным
языкам, а также
правильному
русскому...

Кладбищенский
сторож
из «белых»
Алексей
Васильевич
Павленко

ЛЕСНОЕ «СЕН-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА»

За кладбищем, где хоронили «бывших», присматривал бывший белый офицер Алексей Павленко. Он еще сохранял удивительную армейскую выправку. За столом сидел прямо, над тарелкой не сгибался. Пронзительные глаза смотрели жестко, губы часто кривились в пренебрежительной усмешке. В интернате его побаивались: характер у Павленко был тяжелый. Последнюю свою службу – хоронить собратьев по несчастью и присматривать за их могилами – бывший офицерправлял с суровой педантичностью.

Все «бывшие» до последнего верили, что их могилы будут искать. Иногда они смущали молоденьких сотрудниц интерната грозными пророчествами: «О нас еще вспомнят. Придет время!»

Однако работники дома инвалидов вспоминают не столько своих подопечных, сколько заграничные посылки, которые бывшим белогвардейцам и аристократам присыпали из-за рубежа родственники. Еще бы! После каждой посылки «бывшие» делились с персоналом вкуснейшими конфетами и сладостями. «Ешьте, девочки, – предлагали они, – вы за всю жизнь таких не попробуете!» Сотрудницы брали дары с благодарностью, но сами не ели, а несли домой – детям.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АНДРЕЙ СЕМАНЦО

Пробовал те конфеты и старинный обитатель дома-интерната Виктор Осипов, вызвавшийся проводить меня до кладбища «господ». Когда-то он помогал Алексею Павленко хоронить его товарищей.

...Тропинка в лесу петляет между соснами. Здесь мрачно и сыро: нужно смотреть под ноги, чтобы отыскать сухую обочину или крепкую кочку. Осталась позади кочегарка с длинной трубой. Вот уже не слышно и мычания коров, на которых держится подсобное хозяй-

Виктор Осипов – один из немногих, кто помнит места могил «бывших». У креста русского инженера КВЖД Михаила Васильевича Порецкого

«Сен-Женевьев-де-Буа» в березниковском краснолесье

ство... Неба совсем не видно из-за густых сосновых крон. Вода захлопала под ногами... Стало неуютно. Вокруг желтые стволы сосен, черные прогалины... Тихо. Только глупая белка прыгает меж ветвей. Для того чтобы рассеять эту печальную тишину, я крикнул Виктору: «Смотрите, белка!» Осипов обернулся: «Так вы ревизор, что ли?» ... Да, видимо, кроме ревизоров, это кладбище «бывших» никому не нужно. Трава здесь – выше головы. В невысоком ветхом штакетнике, ограждающем клад-

АНДРЕЙ СЕМАНЦО

бище, зияют дыры. Мрачные, густо растущие ели подбираются к старым, посеревшим от времени крестам. Ветра и дожди не ленились: практически ни на одном нельзя разобрать ни имени, ни даты рождения и смерти. Многие кресты поломаны: то ли хулиганье озорничало, то ли бури постарались – не понять... Я бродил по этому запущенному кладбищу, а в душе поднималась щемящая тоска: люди, видевшие начало XX века, выросшие в богатых и родовитых семьях, имевшие фамильные склепы и усыпальницы, волею судьбы лежат здесь забытые, на краю затерянной и Богом забытой опушки... А сколько других таких, забытых, осталось без крестов и священников?

Резкая дробь дятла заставила очнуться. Я оглянулся: Виктор стоял в сторонке за штакетником и старательно полоскал сапоги в луже...

НА ВСЕ БОЖЬЯ ВОЛЯ

Из крупиц воспоминаний и отрывков документов можно составить лишь несколько абзацев о жизни русских дворян, уехавших в эмиграцию, а затем невольно оказавшихся на русской земле в березниковском краснолесье.

...Вот Григорий Яковлевич Гонелин закрывает ладонью бумагу, на которой он что-то писал. В прошлом штабс-капитан армии Колчака, а теперь – рядовой дома призрения и регент хора из «бывших», собирающегося на Пасху, предпочитал никому не показывать мартролог, который он вел. Ему поручили составлять карту кладбища.

Слова «барон», «графиня», «ротмистр» раздражали почти каждого работника дома инвалидов, а уж тем более «залетных» гостей-начальников. А посмотреть на «осколки Российской империи» в Большие Березники приезжали чиновники из Саранска и даже из Москвы. Глазели как на зверей в зоопарке. Гонелину эти посетители досаждали расспросами о Колчаке,

но он терпел: держался корректино, на вопросы старался отвечать однозначно... И ни на что не жаловался. Иногда высокого старика с орлиным профилем в шутку расспрашивали о золоте Колчака. Гонелин отмалчивался и старался уйти от любопытных. Он служил военным юристом у Верховного правителя России в чине штабс-капитана. После поражения оказался в Маньчжурии. В Мукдене после Второй мировой его арестовали сотрудники НКВД. Штабс-капитан получил десять лет лагерей, отсидел, но после освобождения за границу к родственникам его не выпустили.

Привычка детально документировать события своей и чужой жизни осталась у него после юридического факультета Петербургского университета. На листе картона он вычертил схему кладбища, указал все могилы, обозначил даже стороны света. Своего соседа, Николая Николаевича Сукачева, бывшего ротмистра Добровольческой армии генерала Кутепова, Гонелин утешал и уверял в возвращении прежних времен.

Отец Николая Николаевича Сукачева отвечал за лесное хозяйство при дворе последнего императора. Потомки этой когда-то известной семьи до сих пор живут в Северной столице. После Гражданской войны Сукачев бежал из России в Белград, работал агентом по продажам в спортивном магазине. Связей с товарищами по оружию, в том числе с генералом Красновым, он не порывал. В рядах его казаков он и встретил весну 1945 года. «Красновцы» сдались англичанам, но те по Ялтинскому договору выдали их Советскому Союзу. Так Сукачев вернулся на родину, откуда бежал много лет назад. Получил 25 лет лагерей, но вышел досрочно после смерти Сталина. Уехать в Европу не дали, привезли доживать век в дом инвалидов.

С Гонелиным и Сукачевым дружил и белый полковник Сергей Берников, работавший до Второй мировой войны ин-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«Бывшие» научили обитателей дома-интерната переплетать книги и превратили библиотеку в главную комнату приюта

женером на железной дороге в Югославии. Его путь в дом-интернат мало чем отличался от путей Гонелина и Сукачева. Друзья часто уходили в лес на целый день за грибами, бродили там до ночи. Никогда не возвращались с пустыми корзинками, а иначе как оправдать долгое отсутствие? Берников тоже ухаживал за кладбищем. Собирал консервные банки по всей округе, мастерил из жести заготовки для трафаретов, чтобы аккуратно выписывать на

крестах вехи чужих судеб. А табличку для креста Берникова сделал уже Гонелин.

...У георгиевского кавалера, генерала белой армии Евгения Дементьевича Жуковского в Южной Америке жила дочь. Несколько раз она приезжала в Москву, но в Березники ее не пустили. Во время Гражданской генерал Жуковский воевал на Восточном фронте, был начальником штаба Азиатского конного корпуса. Его задержали в Маньчжурии в 1945 году в доме

В этой комнате жил белый генерал Е.Д. Жуковский. Татьяна Хромова и Раиса Калеева отлично помнят «бывших». Татьяна Хромова даже близко дружила с ними

АНДРЕЙ СЕМАШКО

знаменитого атамана Семено-ва. Жуковского в интернате добрым словом поминают до сих пор, говорят, был он деликатным человеком. Носил бородку клинышком. В столовой всегда пользовался подносом.

...Бывшая графиня Надежда Михайловна Коханова негодовала, когда в ее присутствии последнего российского императора называли Николашкой. Кроме того, графиня объявила настоящую войну красному цвету: в ее комнате нельзя было найти ни красного лоскутка, ни обрывка красной нитки. Надежда Михайловна учила английскому, немецкому и французскому местных детей. После уроков графиня надевала фартук и шла ухаживать за могилами «бывших», сажала на них барвинок. Чтобы не испортить руки, надевала перчатки. А чудом сохранившееся фамильное кольцо прятала в жестяную коробку с гвоздями, нужными ей для того, чтобы чинить кресты. Как-то, когда она возвращалась с кладбища, ее остановили пьяные хулиганы. Стали требовать денег, обыскивали жертву. Заинтересовались потертой жестянной коробкой. «А в коробочке гвозди!» – пояснила старушка. Грабители потрясли жестянку, да и вернули хозяйке. По счастливой случайности в тот день после работы на кладбище она забыла надеть кольцо.

Ее имя в свой мартirolog Gonelin также внес собственной рукой. А самому Gonelinu закрыл глаза Алексей Павленко...

После смерти «колчаковца» старшая медсестра дома-интерната Нина Дудникова нашла в его чемодане копии допросного листа. Запомнила немногое. В особенности почему-то ответ Gonelina на вопрос: «Как же вы на старости лет остались без родных, без родины?» Бывший штабс-капитан ответил: «На все Божья воля». Бумаги те она отдала в местный райком партии. Последняя из «бывших» умерла в интернате в середине 2000-х. Ее путь в дом-интернат в Березниках начался в октябре 1944

года в Белграде. Тогда Ольга Александровна Буковская работала машинисткой в испанском посольстве, являлась членом Народно-трудового союза российских солидаристов. После прихода Советской армии Буковская была задержана и доставлена в Москву. Было известно, что ее отец Александр Буковский, георгиевский кавалер, генерал-майор, служил в Добровольческой армии, в 1919-м был генералом-инспектором пехоты при штабе командующего добровольческими войсками в Одессе, а в эмиграции возглавлял Объединение лейб-гвардии Егерского полка. После многочисленных мытарств Буковская попала в березниковский дом-интернат. Здесь она встретилась с Николаем Николаевичем Сукачевым. Буковская, находящаяся в депрессии, не сразу узнала мужа, с которым сочеталась браком в Югославии еще до начала Второй мировой войны. Об этой невероятной встрече пожилые медсестры дома-интерната вспоминают с волнением. Он звал ее «Дымка», целовал в волосы и буквально сдувал с нее пылинки, как молодой влюбленный... Медсестры такой нежности даже в кино не видели.

Буковская осталась последней из «бывших», остальные уже лежали на кладбище. Перед смертью она все же решила рассказать кое-что о себе и своей семье. После революции Лев Троцкий предлагал отцу Буковской, Александру Петровичу, командовать дивизией. Но тот ответил, что дважды присягу не принимают. Ольга Буковская жила в Петрограде и училась в школе-интернате вместе с детьми рабочих. Ее мать, баронесса Мария Павловна Корф, забирала девочку на выходные домой. Однажды, вернувшись из школы, мать и дочь застали дома странных людей в низко надвинутых фуражках и с поднятыми воротниками пальто. Оказалось, находившийся в эмиграции Александр Петрович Буков-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Бывшие». У мужчин еще осталась военная выправка, а у дам – кокетство. Этот снимок сделан в Польше, где их собирали и откуда перевезли в лесную глушь, в березниковский дом-интернат

ский попросил оставшихся в России друзей нелегально вывезти жену и dochь. И вот ночью, сев в сани, Оля Буковская и ее мать поехали в Новую Ладогу. Кончался февраль. Надо было переправляться через Финский залив. Лед уже таял, и, когда подъезжали к финской границе, под копытами лошадей он начал лопаться. Ольге Буковской было уже 13 лет, но в эту дальнюю поездку она взяла с собой любимую куклу и мячик. Всю дорогу она скимала их в руках. Она оглянулась назад: горели огни Кронштадта. Рассказывая об этом моменте спустя целую жизнь, Ольга Александровна вспоминала, как ей стало тогда мучительно грустно. Увидит ли она когда-нибудь Россию снова?..

Сейчас, стоя на краю запущенного лесного кладбища, я в деталях вспоминал ее грустный рассказ о пути в березниковский дом-интернат. Тогда мы сидели за столом. Перед ней стоял старенький треснувший чайник и кружка, прикрытая блюдцем... Она задумчиво перебирала кусочки колотого сахара в облезлой жестянке из-под каких-то конфет, обдумывая ответ на мой вопрос. А потом, твердо посмотрев мне в глаза, с гордостью ответила: «Я dochь генерала Буковского, который дважды присягу не принимал...»

Где теперь мячик, кукла и девочка тринацати лет?.. Вот и ее могила затерялась в высокой некошеной траве березниковского краснолесья... На все Божья воля... ●

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ/БЕОРНОТО

ГОРОДЕЦ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

БОЛЕЕ ВОСЬМИ СТОЛЕТИЙ НАЗАД НА ВОЛГЕ ПОЯВИЛСЯ ГОРОДЕЦ. КТО ОСНОВАЛ ЭТЫЙ ГОРОДОК – ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ ИЛИ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ, – ИСТОРИКИ СПОРЯТ ДО СИХ ПОР. ЗДЕСЬ СКОНЧАЛСЯ В 1263 ГОДУ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, А САМ ГОРОД ПОЗДНЕЕ ДАЛ НАЗВАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ – «ОНА ЕСТЬ ВСЕ, ЧТО НИЖЕ ГОРОДЦА», КАК ПИСАЛИ В ТЕ ГОДЫ.

В ГОРОДЕЦ НЕТ ЖЕлзной дороги, зато из Нижнего Новгорода сюда легко добраться на маршрутном такси. Сорок минут – и вы в историческом центре города, раскинувшегося на высоком берегу Волги. Ухоженным деревянным домикам на крепких каменных фундаментах по 100–150 лет, но кажется, они легко простоят еще

столько же. Это резко контрастирует с разваливающимися деревянными бараками в Нижнем, хотя обычно все наоборот: бюджет на культурное наследие идет на латание дыр в столице. Видимо, дело не в деньгах и не в визитах больших чиновников. Тем более что в последние двадцать лет никто из первых лиц государства Городец не посещал.

ОСОБЫЙ ПОДХОД

...Впереди меня двое школьников лет двенадцати радостно скачут по улице, показывают пальцами на кошек, которых в Городце почему-то особенно много. Им встречаются двое знакомых помладше, они здороваютсѧ, что-то горячо обсуждают. Еще метров через сто компания пересекается с тремя девочками, после чего все вместе решают идти к какому-то Диме. Без всяких скучных статистических справок ясно, что Городец не является депрессивным городом, в котором жители боятся рожать детей.

Пик населенности в городе был достигнут в 1989 году – 37 тысяч. С соседними Балахной и Заволжем Городец образует кластер с населением в 110 тысяч человек. И в Нижний на работу ездят немногие.

– Вообще-то в Городце есть только крупный судоремонтный за-

ВАСИЛИЙ СОЛОДКОВ/ГЕОРФОТО

вод, – рассказывает местный житель Денис Зубов. – На другой берег Волги можно переехать по самой длинной в мире Нижегородской ГЭС – более 18 километров. Там полно промышленных предприятий. Но все больше жителей Городца находят работу рядом с домом. Малый бизнес быстрее всего растет в охотнико-туристической сфере – это археология, логистика, ремонт зданий, розничная торговля, народные промыслы.

Казалось бы, в XXI веке смешно рассчитывать на то, что плетение кружев или художественная резьба по дереву могут поднять экономику целого района. Сотрудница краеведческого музея Галина Иванова только машет руками: мол, нам такой судьбы не надо, даже соседний Семенов, столица золотой хохломы, делает ставку не только на это. В Городце верят в нормальный хозяйствский подход к туризму.

– Бессмысленно и бесперспективно делать глиняные свистульки в надежде на то, что кто-нибудь приедет и купит их, – говорит Галина Иванова. – Другое дело, когда, имея в виду туриста, ты создаешь среду для себя. Когда

возникла идея сделать наш центр привлекательным, то создали рабочие места для местных с небольшими зарплатами. Но они исполнили проект на высоком уровне, потому что результат породил новые возможности для горожан. Простая ведь мысль: если вам хорошо, то и гостям хорошо. Тем более что Городцу не нужно притягивать исторический контекст за уши, как это сделано, например, в Мытищах, считающемся идеальным воплощением маленького туристического городка. В Городце сохранилось очень много настоящего русского Поволжья, которое действительно интересно посмотреть.

ИТАР-ТАСС

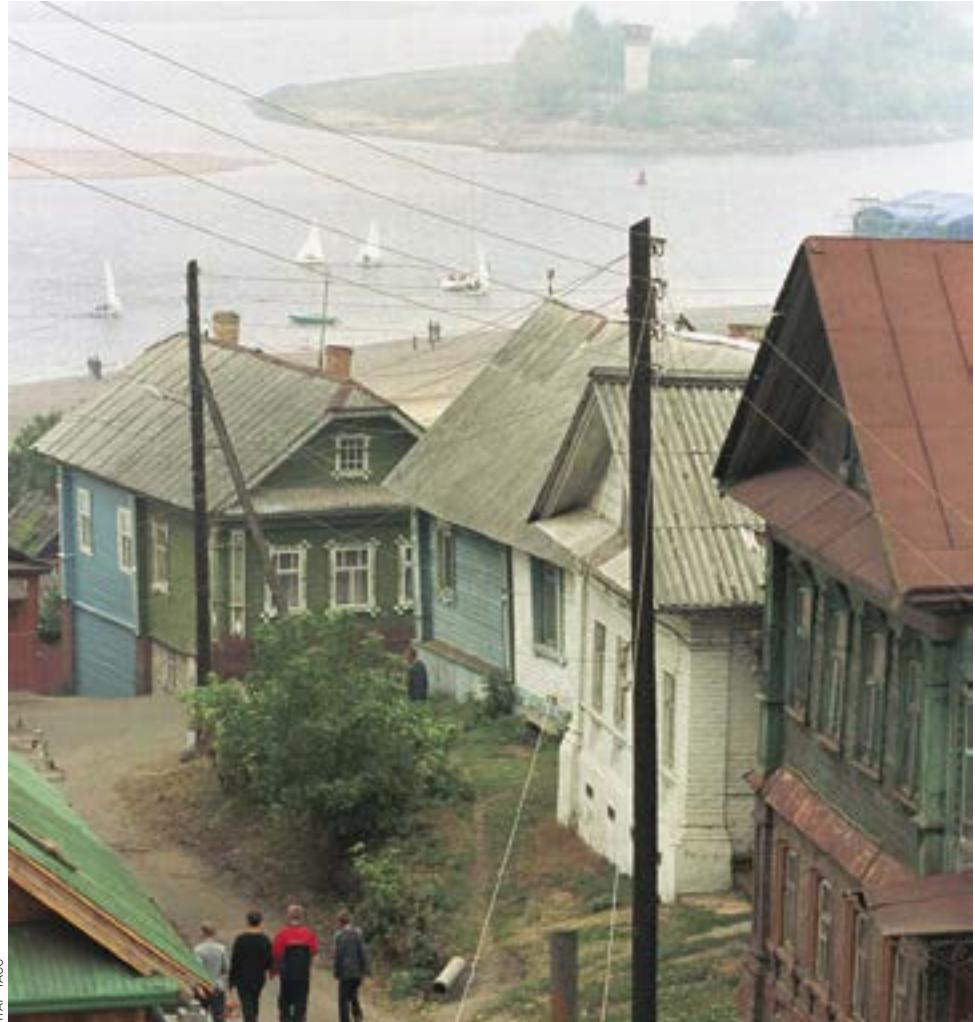
ГОСПОДИН САМОВАР

Местные жители говорят, что весь Городец является музеем, но это, конечно, присказка. Сказка для приезжих начинается от самой пристани, где в теплое время года швартуются прогулочные теплоходы. Едва сойдя на берег, туристы упираются в Город мастеров – грандиозный четырехэтажный терем, в котором представлены все городецкие ремесла: пряжа, кружева, золотное шитье, гончарный промысел, жбанниковская свистулька и пряничная пекарня.

– У нас здесь русский Заанс Сханс (музей под открытым небом в пригороде Амстердама. – Прим. ред.), – рассказывает экскурсовод Марина Юдиня. – Всего 11 ремесел. Гости могут увидеть появление той же самой свистульки с момента первичной обработки глины. Есть выставочный зал, и купить сувениры, конечно, можно.

Поднявшись по лестнице к памятнику Александру Невскому, гость попадает в музейный квартал с шестью главными музеями. Помимо Города мастеров это Детский музей на Купеческой, Музей городецкого пряника, Дом графини Паниной, Музей самоваров и Музей добра. И здесь понимаешь простую вещь: хороший музей должен не столько удивлять, сколько объяснять.

Взять, например, Музей самоваров, в котором выставлено 400 экспонатов самых разных форм, цветов и размеров. Можно было бы поставить их плотно друг к другу, и турист приходил бы в восторг от их блеска и многообразия, увозя с собой запоминающиеся фото. Но ведь самовар в русской традиции – это и культура, и претензия на совершенство. В те времена, когда корову покупали за рубль, а избу за 15 рублей, хороший самовар мог стоить аж 25 целковых. В музее представлены трактирные, дорожные, гостиничные, самовары-«эгоисты», «тет-а-тет», самовары-кофейники. – В трактирном самоваре три крана: чтобы посетители не толкались и чтобы один сломанный кран не превращался в проблему.

ИТАР-ТАСС

му, – рассказывает сотрудник музея Наталья Семисотова. – У наших самоваров огромный разброс по вместимости: от 75 граммов до 53 литров.

А на демидовских заводах делали самовары-кухни – это

разделенная на три части братина: в такой одновременно варились суп, второе и чай. За каждым типом самовара угадывается социальный срез – от каторжан до аристократов.

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ/БЕЛОРНОТО

СОПЕРНИК МОСКВЫ

Годом основания Городца называют и 1152, и 1162, и 1172-й. Юбилей с размахом праздновали десять лет назад, но нынешним летом тоже отмечали 850-летие. В 1220 году князья подписали здесь перемирие с волжскими булгарами, после которого русские стали активно заселять берега вниз по Волге. Восемнадцать лет спустя город сжег Батый, но в конце века Городец вместе с Костромой, Тверью и Москвой даже претендовал на звание столицы Руси. Для многих русских Городец стал совершенно особым местом: здесь умер, возвращаясь из Орды, Александр Невский, а его сын Андрей правил Городецким княжеством около сорока лет.

– В Поволжье многие города основаны булгарами или тюркскими племенами, русские колонизировали их спустя столетия, – говорит археолог Артем Максимов. – Но в Городце археологический материал убедительно говорит, что здесь с самого основания была древнерусская православная материальная культура. Все найденные захоронения – христианские, часто встречаются нательные крестики. Обнаружено много писал, похожих на новгородские, хотя берестяных грамот в Городце не знали. По всей видимости, Городец не вырастал из небольшой крепости или богатого села. Его сразу закладывали как крупный военно-административный центр по мере разрастания Владимира-Сузdalского княжества на восток в домонгольский период. Даже знаменитого Тура Хайердала интересовала археология Городца.

Сказочный городок с пряничными домиками на крутых склонах привлекал и монарших особ: царь Борис Годунов подарил Городец дочери Ксении, а Екатерина II – своему драгоценному Григорию Орлову. Считается, что за обоими дарениями города следовало время расцвета.

яичный желток. Целиком из кирпича стали строить в конце XIX века. Сегодня в Городце 104 охраняемых объекта, а во всем районе около 200.

Графская усадьба Паниных, в которой сегодня находится музей, была едва ли не единственным крупным дворянским гнездом на всю округу. От Городца до Москвы 600 километров, и элитой в здешних местах считались купцы. Тем более что они щедро вкладывались в храмы, финансировали прокладку мощных мостовых и строительство общественных зданий. Губернские газеты писали, что «по внешнему благоустройству Городец далеко перешагнул свой уездный город Балахну».

Добротные дома купцов Облаевых, Дерюгинах располагались на Купеческой улице, переименованной большевиками в улицу Ленина. Советская власть прошлась по Городцу очень жестоко: все до одного храмы были закрыты, часть – взорваны, а репрессии затронули корневую систему общества даже глубже, чем в целом по стране. Новая власть не знала, на кого тут опираться: бедноты немного, люмпен-пролетариат отсутствует как класс, а любой житель может сойти за «контру». В одном только 1937 году врагами народа стали 24 священника. В 1953-м перебили строителей Горьковской ГЭС. После реабилитации многие ссыльные возвращались в родной город.

Правда, после распада СССР памятник Ленину в Городце сносить не стали. Зато в противовес ему появился памятник российскому купечеству. А штаб-квартира местной «Чрезвычайки» помечена бесстрастной табличкой. Городец не хочет спекулировать на своих ранах. Точно так же уникальный музейный квартал построен на настоящем историческом материале: без вариаций на тему Бабы Яги, Колобка или Буратино, которыми пытаются привлечь гостей некоторые провинциальные музеи.

Молодой Петр I удивился мастерству местных плотников и пригласил их в Преображенское строить галеры. Городецкие мастера оказались не промах и довольно быстро перешли от речных стругов к постройке трехмачтовых фрегатов. Правда, после петровских реформ Городец стал одним из центров старообрядчества, здесь началась систематизация и тиражирование древних рукописных книг, а также развитие традиционных для старообрядцев ремесел. Сам город потихоньку расцветал.

– Городецкие дома украшали берегини-русалочки и львы, защищающие от глаза и нечистой силы, – говорит искусствовед Павел Серпухов. – Сами здания возводились из красного кирпича и древесины – надежно и недорого. На каменный подклет ставился де-

ревянный сруб, который уплотнялся мхом. Учитывалось влияние грунтовых вод: давался деформационный шов, вводились закладные элементы для лестниц, а для лучшего схватывания бетона использовали

PHOTOPRESS

КРЕСТ ЭФИОПИИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТО АВТОРА

«МЭСКАЛЬ» В ПЕРЕВОДЕ С АМХАРСКОГО ОЗНАЧАЕТ «КРЕСТ». НЕ ПРОСТОЙ, А ТОТ, НА КОТОРОМ БЫЛ РАСПЯТ СПАСИТЕЛЬ. ЭТИМ ЖЕ СЛОВОМ ЭФИОПЫ НАЗЫВАЮТ И ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ – ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

ПО ПРЕДАНИЮ, КРЕСТ Господень нашла мать основателя Константинополя, равноапостольного императора Константина Великого, равноапостольная царица Елена. В 326 году она отправилась в Иерусалим и на Голгофе обнаружила три деревянных креста. Чтобы определить, какой из них Животворящий, кресты стали поочередно подносить к тяжелобольной женщине – и один из них исцелил больную. Этот же крест затем приложили к покойнику – и умерший ожил. Крест Господень воздвигли на горе, чтобы всем его было вид-

но. Эфиопское предание дополняет рассказ еще и историей о том, что в честь обретения Креста Господня царица Елена зажгла на главной площади Иерусалима костер, пламя которого возвысилось до неба и было видно в Эфиопии.

В этой стране используется собственный календарь. Во-первых, в нем не 12, а 13 месяцев, а во-вторых, он отстает от общепринятого почти на восемь лет. Тем не менее все церковные праздники совпадают с календарем Русской православной церкви; вот и Воздвижение приходится на 27 сентября.

Для эфиопских христиан Мэскаль – не просто один из главных праздников, а самый важный после Пасхи. С таким размахом и такой помпезностью Воздвижение не отмечается ни в одной другой христианской стране. Главная площадь Аддис-Абебы тоже носит имя Мэскаль – здесь и происходит самое торжественное и всеобщее празднование.

КРЕСТНАЯ ПЛОЩАДЬ

На этой же самой площади 12 сентября эфиопы отмечали свой Новый год. И как раз в новогоднюю ночь мне нужно было отправиться в аэропорт, а значит – ехать через Мэскаль-сквер. Преодолевать заполненную гуляющим народом площадь оказалось делом нелегким. Подвыпившая и на�авшаяся слабонаркотических листвьев чата молодежь стучала кулаками по машине, раскачивала ее из стороны в сторону, мы еле-еле продвигались в сторону аэропорта.

Отправляясь на праздник Мэскаль, я ждал чего-то подобного. Но оказалось, в Эфиопии религиозный праздник – не чета светским, все здесь происходит организованно и благопристойно. На площади установили властительную ложу почетных гостей,

в одном из нижних ярусов которой предложили разместиться и нам – сотрудникам госпиталя российского Красного Креста. По асфальту, покрытому свежескошенной травой, стройными группами передвигались монахи, священники, музыканты. Все трибуны на площади уже были заполнены народом, все стекающиеся к Мэскаль-сквер улицы и проспекты были запружены толпами людей.

Нам объяснили, что кульминация церемонии – разжигание большого костра в память о костре, разожженном царицей Еленой на главной площади Иерусалима. Честно говоря, кoster я опознал не сразу. Посреди площади возвышался десятиметровый остроконечный сноп зеленой травы, испещренный желтыми звездочками маленьких желтых цветочков, которые, между прочим, тоже имеются мэскаль. Вообще-то этот сноп больше походил на новогоднюю елку, укрытую внизу узорчатыми покрывалами. Совсем не верилось, что вся эта зелень будет гореть.

К двум часам дня на площади яблоко было негде упасть. Вся Мэскаль-сквер без остановки двигалась, колыхалась пестрой людской массой. Кое-кто вырядился в европейские деловые костюмы, но таких было немного. Среди облаков традиционно белых эфиопских рядов брызгами радуги всплескивали красно-желто-зеленые одежды растаманов или черные, оранжевые и синие мантии монахов. Последние сильно отличаются друг от друга. Одни – очень респектабельные, в новеньких, с иголочки, одеяниях, в модных солнцезащитных очках, без умолку разговаривающие по мобильным телефонам. Другие похожи на старых суровых аскетов: седые бороды, изъеденные оспой щеки, в руках – четки, которые они перебирают без остановки. Третьи кажутся настоящими блаженными – с отсутствующими блаженными взглядами и худыми до невесомости телами.

Слова из зонтов
на древнем
языке «геез»

Патриарх
Абуба Паолос.
Первоиерарх
Эфиопской
церкви
скоропостижно
скончался
16 августа 2012
года в возрасте
76 лет

ТАНЦЫ ПОД ДОЖДЕМ

Из усилителей понеслось протяжное пение гимнов и псалмов. Началось богослужение. Гости с Запада засуетились, защелкали фотоаппаратами, включили видеокамеры, направляя объективы то в одну, то в другую сторону, не понимая, где что происходит. Нас же, сотрудников госпиталя, этим пением не удивишь. В сотне метров от наших квартир расположена храм Богородицы, и мы слушаем эти песнопения почти каждый день с 5 часов утра. Точно в таком же исполнении – через мощные усилители. По большему же празднику такое пение не прекращается всю ночь. Верхние ярусы ложи почетных гостей оживились. Патриарх Эфиопский, Патриарх Коптский, Католикос всех армян,

гости – представители других церквей, встав, тоже запели праздничные молитвы.

И тут начался дождь. Площадь расцвела зонтами всех оттенков. Надо сказать, что зонт – один из главных аксессуаров эфиопского наряда. Многие с зонтами не расстаются здесь круглый год. В период муссонов зонт защищает от дождя, в знойное время – от пляшущего солнца, а если погода не преподносит сюрпризов, то зонт используется в качестве обычной трости во время ходьбы. Епископы стояли, крепко прижав к груди большие богослужебные книги. Помощники держали над головами иерархов расшитые золотом бордовые, красные и зеленые специальные богослужебные зонты. Без защиты от льющихся с неба струй остались лишь барабаны кэбаро. Они – непременный атрибут эфиопских богослужений. В местных храмах во время служб не только поют, но еще и танцуют и играют на барабанах. Праздник Мэскаль – не исключение. Под ритм больших барабанов священники, выстроившись рядами, поют церковные гимны и пританцовывают. Нередко они пускают в ход длинные трости, которыми с силой ударяют об асфальт, а иногда в тakt подыгрывают железными трещотками. Такими же трещотками и тростями пользуются во

время церемонии и девушки, стоящие в ряд с коронами на головах. Вот и теперь, несмотря на дождь, вся площадь продолжала петь и танцевать. Подобного рода церемонии трудно даже вообразить в какой-либо другой христианской церкви.

ВОКРУГ КОВЧЕГА

В Эфиопии, можно сказать, особенное христианство, в котором, если можно так выразиться, преобладает ветхозаветный элемент. Древние церкви, как правило, не крестовидные, а круглые в архитектурном плане и устроены по подобию храма Соломона: в центре, в святая святых, стоит ковчег Завета – на амхарском «Табот». Вокруг Табота устроены концентрические галереи и колоннады. Эфиопы соблюдают такие ветхозаветные предписания, как обрезание, употребление в пищу кошерного мяса и даже субботу празднуют наравне с воскресеньем. А танцующие священники, судя по всему, не что иное, как подражание царю Давиду, который, как известно, пританцовывал, распевая псалмы.

К Таботу могут подходить только священники и дьяконы. В ближайшей к Таботу галерее стоят причащающиеся. Далее от Табота располагаются все менее и менее благочестивые прихожане. А если учесть, что в воскресные службы храмы не могут вместить всех верующих, то последней галереей считается забор, огораживающий территорию храма. К этому забору и припадают самые грешные, которые целуют железные прутья и обливают слезами ворота. И в этом нет никакого актерства. Если спросить стоящего у ворот, почему он неходит на территорию, не заходит в церковь, то он с ужасом в глазах скажет, что за свои грехи он сгорит на пороге храма.

В Страстную пятницу немало народа приходит к храму с циновками, устраиваются прямо на земле и до самого Воскресения не покидают свое место, молятся, каются, ничего не едят, только пьют воду, которую не-

На площадь
выплывает
Ноев ковчег,
спасающий весь
земной шар

сколько раз в день разносит служитель храма.

Огромный пиетет народ испытывает к священникам и монахам. Даже в столице можно часто наблюдать, как люди на улице не дают прохода монаху, просят у него благословения, целуют его богослужебный деревянный крест, падают на колени, целуют монаху ноги.

Корпус священных книг Эфиопской церкви включает многие в нашем понимании неканонические книги и апокрифы. Да и весьма оригинальное эфиопское сочинение «Кебра Негаст» («Книга о Славе Царей») многие признают за священную книгу. Что касается эфиопских преданий, то они иногда могут очень сильно удивить православного.

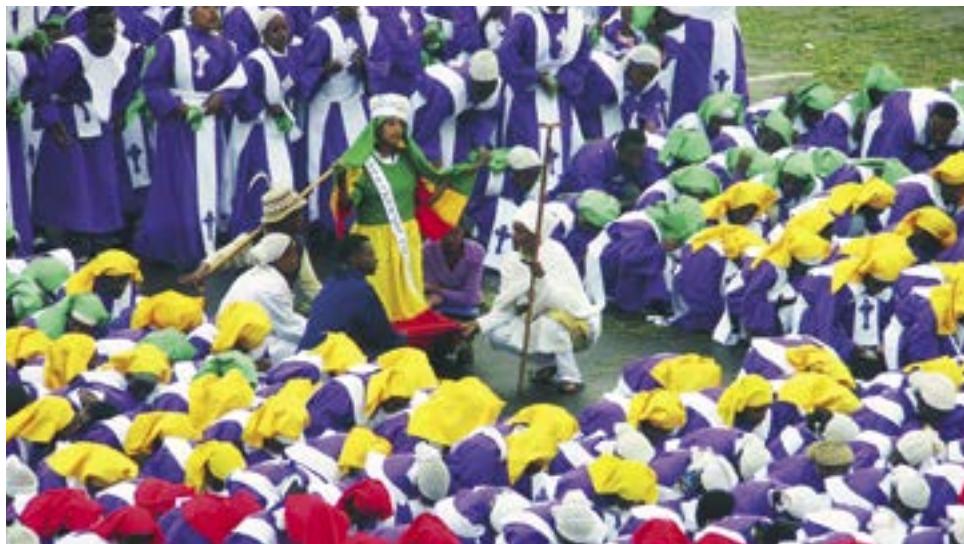
Например, благодаря некоторым апокрифам Понтий Пилат в Эфиопской церкви почитается как раскаявшийся праведник. Отчасти такое своеобразие эфиопского христианства объясняется удаленностью и изолированностью страны, которая столетиями фактически была отрезана от остального христианского мира.

ТЭУАХЭДО

Удивительно, что при всем этом в середине XIX века архимандрит Порфирий (Успенский), пытавшийся вернуть в лоно Вселенского Православия монофизитские церкви, по поводу вероисповедания эфиопов писал так: «В богослужениях и обрядах их видно чистое Православие, как в абис-

Священники
ждут, когда
заиграет
лежащий
на земле
барабан, чтобы
исполнить
молитвенные
песнопения

синских озерах видно чистое небо». Очевидно, архимандрит Порфирий общался исключительно с эфиопскими архиереями, которые с XVIII века стремились привести свою доктрину к общепринятой в православном мире. А к 1855 году определились с самым сложным вопросом, о природе Христа, и окончательно утвердили доктрину Тэуахэдо, что значит «Единство», «Объединенный». Единство воплотившейся природы Бога включает и Божественное и человеческое, которые соединились нераздельно и неслияно, – такова официальная позиция. Получается, Эфиопская церковь осталась монофизитской лишь терминологически (монофизитская христиологическая доктрина возникла в V веке; вопреки учению православной и католической церквей постулировала наличие только одной – Божественной – природы в Иисусе Христе, отвергая Его совершенное человечество. – Прим. ред.), а по существу Тэуахэдо вполне соответствует православной доктрике. Сложно себе представить, чтобы нынешние эфиопские церковные иерархи разделяли бы апокрифические сказания, бытующие среди рядового монашества и священства. Патриарх Абун Паолос окончил Свято-Владимирскую семинарию в США, где его учителем был Александр Шмеман, а также другие виднейшие православные богословы

второй половины XX века. После возведения в сан епископа и восьмилетней отсидки в тюрьмах социалистической Эфиопии он защитил в Принстоне докторскую диссертацию. Некоторые из нынешних архиереев Эфиопской церкви учились в Ленинградской духовной академии после установления дружественных отношений между РПЦ и Эфиопской церковью в 60–70-е годы. И сегодня обе церкви налаживают тесные связи. На одной из пресс-конференций патриарх Кирилл заявил, что диалог с Эфиопской церковью является одним из приоритетных направлений во внешней миссии РПЦ. Между прочим, Эфиопская церковь по числу верующих является самой многочисленной церковью древнего восточного обряда после Русской православной церкви.

РЕЛИГИОЗНОЕ ШЕСТЬВИЕ

К четырем часам дня ритуальная часть завершилась. Начались выступления коллективов воскресных школ, разных приходов и монастырей. Разодетые в яркие наряды выступающие проходили по площади с песнями и танцами – под бой барабанов и улюлюканье женщин. Останавливаясь посреди площади, выступающие разыгрывали разные сценки из Евангелия и жизни Эфиопии. В сцене «Охота на леопарда» роль зверя неожиданно решила сыграть жен-

Сцена из эфиопского предания в исполнении коллектива одного из крупных монастырей

щина-зрительница. С громким улюлюканьем она так носилась между охотниками и «программным леопардом», что заставила хохотать всю площадь.

Другие выступающие выстраивались особым образом, создавая слова и символы. Самые изобретательные использовали для своих композиций разноцветные зонтики. Однако стало ясно, что блеск всех этих номеров может блескнуть один лишь Бог, наблюдающий за всем происходящим с небес. Нам же, зрителям, находящимся почти на одной высоте с выступающими, ничего не видно. Я стал присматриваться, куда бы можно здесь забраться повыше. И заметил, что на крыше многоэтажного здания банка собралось немало людей. Стал им кричать, спрашивая, как они там оказались. Мне указали на вход в банк и жестами стали звать на крышу, однако охранник офиса наотрез отказался меня пропустить. Тогда один из сотрудников банка спустился за мной и провел на крышу, где мне уступили едва ли не самое лучшее зрительское место. Кстати, чтобы выбраться на крышу, банкиры ловко лазили в окно в кабинете одного из начальников. «У нас тут все отработано, – сказал мне мой добрый проводник, – каждый год так за праздником наблюдает». С высоты слова и фигуры, которые на площади выстраивали выступающие, были видны отчетливо. Но вот что это были за слова? Их не могли прочесть даже сотрудники банка. Объяснили только, что это древний богослужебный язык «геэз» и они его не понимают. А вот знак «АнтиСПИД» узнали все. Он был самым большим...

В конце процессии на площадь плавно «выплыл» корабль размером с грузовик, борта которого украшали полотна с изображениями знаменитых эфиопских церквей. Я задумался: что бы это значило? «Это – Ноев ковчег», – объяснили мне. В этот раз ковчег нес на своем борту весь «земной шар» в виде огромного глобуса с изображением политической карты мира.

ЭФИОПСКИЙ РИМ

Когда в начале XVI века русские монахи и князья воодушевлялись идеей Третьего Рима, они и представить себе не могли, что за сто лет до этого на другом краю света, в Африке, христианские цари уже воплотили эту идею. В начале XV века в Эфиопии появляется национальное сочинение «Книга о Славе Царей», основная часть которой преподносится как древний манускрипт, найденный в храме Святой Софии в Константинополе. Книга представляет собой удивительный симбиоз библейских текстов, евангельских историй, святоотеческих высказываний, апокрифов, эфиопских преданий и мифов. Причем многие общехристианские тексты излагаются в эфиопской редакции. Так, «Слава» повествует о царице Савской, которая, побывав у Соломона, привезла в Эфиопию не только подарки от мудрейшего правителя, но и сына Менелика в своем чреве. А Менелик, достигнув зрелого возраста, отправился к своему отцу и привез из Иерусалима ковчег Завета. При этом царю Соломуону было ночное видение, как «солнце с неба сошло на землю Иудеи и осветило ее великим сиянием. И, задержавшись на время, оно опустилось и осветило страну Эфиопию, и не вернулось оно в Иудею».

Далее автор книги повествует о том, что Византия «извратила Веру Христову... Мы же крепки Православной Верой». Таким образом, Эфиопия стала хранительницей как обиталища Бога – ковчега Завета, так и Веры Православной, – «и будет сие точно так, до скончания мира». Такие убеждения, согласно «Кебра Негаст», высказывались даже на Вселенских соборах Святыми Отцами (до сих пор нет полного перевода «Кебра Негаст» на русский язык. Энтузиасты пытаются перевести английскую версию, созданную британским эфиопистом Уоллисом Бадге в 1932 году. – Прим. авт.). Следуя изложенной в книге идее божественности эфиопской царской власти, в 1436 году царь Зара-Якоб был помазан на

Воздвижение креста сопровождается ритмичным боем барабанов и всеобщим ликованием

царство по византийскому чину с именем Константин в древнем городе Аксуме. Зара-Якоб остался в истории страны одним из самых почитаемых правителей, который упрочил централизованную власть, успешно борясь с мусульманскими султанатами на окраинах и привел к некоему единству церковные воззрения.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Солнце зашло над Аддис-Абебой. Из кучи травы на «ковчеге-корабле» подняли трехметровый крест, «инкрустированный» яркими лампочками. Под пение гимнов, бой барабанов и улюлюканье крест воздвигли посередине площади.

В сгущающихся сумерках народ начал зажигать припасенные заранее церковные свечи. Их в Эфиопии лепят вручную из воска, у них очень толстый фитиль, и потому горят такие свечи большим пламенем. За считанные минуты вокруг заколыхалось море огней. Вся площадь продолжала петь.

Процессия епископов двинулась к конечной цели церемонии. Помолившись, иерархи с помощью факелов начали поджигать тот самый сноп зеленої травы, напоминающий новогоднюю елку. Как я и предполагал, «елка» гореть не хотела. Наконец по площади прокатилась радостная волна гула: костер зажжен! Однако горением это было назвать сложно. Из снопа валил столб дыма. В этот момент послышались залпы орудий, и темное небо над площадью расцвело букетами фейерверков. Для Эфио-

пии такой салют – большая редкость, поэтому восторгу народа не было предела.

Когда залпы стихли, костер как следует разгорелся, и внимание всех собравшихся переключилось на него. Из мауки снопа, как из вулкана, разбрасывая мириады искр, вырвался столб пламени. Мы спустились вниз и направились к костру. Все вокруг ликовали, обнимались, фотографировались. Костер постепенно догорал, и люди подходили к нему все ближе. В итоге вся эта конструкция из жердей, на которой держалась трава, упала. У эфиопов существует примета: в какую сторону Мэскальский костер упадет, таким и будет следующий год. В этот раз костер упал в сторону севера. Толкования насчет того, что это значит, высказывались разные. Одни говорили, что северные ветра принесут прохладную влажную погоду, не будет засухи, урожай будет хорошим. Другие утверждали, что наконец-то разрешится многолетний конфликт с северным соседом – Эритреей. Третьи считали, что упавший костер предсказывает возрождение духовного центра Аксума, располагающегося на севере...

В общем, все видели новый год благоприятным. В этом – вся сущность эфиопов. Несмотря на множество проблем, нищету, голод, страшные болезни, постоянные военные конфликты, люди верят, что все в итоге – во благо, потому что все совершается по Промыслу Божьему, который желает людям только добра. Нужно только нести свой крест.